

Драко

БОЕПРИПАСЫ НА ЗИМУ

«Цепь Ариадны», книга вторая

LET ME TELL YOU WHY YOU'RE HERE.
YOU'RE HERE, BECAUSE YOU KNOW SOMETHING.
WHAT YOU KNOW, YOU CAN'T EXPLAIN. BUT YOU FEEL IT.
YOU FELT IT YOUR ENTIRE LIFE-THAT THERE'S SOMETHING WRONG WITH THE WORLD,
YOU DON'T KNOW WHAT IT IS, BUT IT'S THERE.
LIKE A SPLINTER IN YOUR MIND,
DRIVING YOU MAD...

(MORPHEUS)

Пролог

Ветер набирал силу с самого утра. Гнал по блеклому февральскому небу сизые ключья туч, дарил волнам пенные гребешки. Было довольно холодно, хоть в этих широтах настоящей зимы и не знали.

С верхушки огромной, стометровой ажурной башни, вздымавшейся с морского дна в нескольких километрах от берега, таинственный остров был виден, как на ладони. Округлый, с сильно изрезанным побережьем и горным массивом у центра, он сильно отличался от других небольших островков, затерянных в Тихом океане. Всех

их густой теплой шубой покрывала растительность-дикая, многоцветная, бесконечно разнообразная. Надо всеми парили птицы, летучие мыши и насекомые, в море плескалась рыба, а под сенью деревьев процветала островная фауна.

Но не здесь. Таинственный, не имевший даже названия остров-только цифровой индекс в секретных документах – больше напоминал антарктический риф; совершенно голая, мертвая земля, ни травинки, ни деревца. По местности, в направлении с запада на восток, шли гигантские ровные борозды-здесь прокатилась цунами. Накрыть горы в центре волна не смогла, но там с уничтожением жизни успешно справилась радиация.

Поежившись, Кагат взглянул на дозиметр. Излучение до сих пор было значительным, выше смертельного для большинства незащищенных видов. Страшно даже представить, что здесь творилось одиннадцать лет назад, когда на остров сбросили водородную бомбу.

Стрелочка наручного таймера пока еще была в конце зеленой зоны. Кагат отстегнул один из ремней, перегнулся через луку седла и посмотрел на таймер, закрепленный на ошейнике гигантской птицы; там стрелка едва сдвинулась с нулевого деления. Пока все шло нормально, если не считать уже прилично задержавшихся на острове ученых.

– Арри! – окликнул он брата-близнеца, сидевшего ярусом ниже на спине другого странствующего альбатроса. – Сколько у тебя?

Подобно самому Кагату, погонщик перегнулся через луку седла и проверил таймер на ошейнике.

– Самое начало зелени, – отозвался Арри. – А у вас как?

– То же самое... – Кагат потрепал по белым перьям своего гигантского крылатого напарника. – Новой породе и в самом деле хвостом на излучение, не ждал такой разницы.

Арри довольно кивнул:

– Их и кормить надо реже, и в полете не так трясет.

– Моего трясет... – с досадой буркнул Кагат.

– Так твой несет вдвое больший груз!

– Да им любой груз как перышки.

– Не скажи, попробуй-ка сам без посадки через океан!

Кагат развернул рыжие кожистые крылья и взмахнул пару раз, разминая затекшие мышцы.

– Я пробовал, – отозвался мрачно. Арри внизу удивленно наострил гигантские треугольные уши:

– Через океан?!

– Почти... – буркнул рыжий погонщик. – Через пруд.

– А мне не говорил! – поразился Арри. – Когда это случилось-то?

– Ну-у... – Кагат почесал крыльевым когтем за ухом. – Лет пять назад? Мы только в школу поступили, и я все не мог понять, каким чудом морские птицы парят без взмахов, иногда аж часами. Решил учиться их стилю, но ни хвоста не получалось, и тогда в мою светлую голову пришла мысль-а вдруг, так лишь над водой можно?

Арри расхохотался, дергая крылышками. Кагат соорил ему рожицу:

– Бе-бе-бе, давай-ка не будем вспоминать что на втором курсе устроил ты. Думаешь, раз меня там не было, я и не знаю?

– Спорим на хвост, ты жалеешь, что тебя не позвали? – ухмыльнулся Арри. Кагат погрозил ему когтем.

– У нас нет хвостов, на что спорить-то?

– Да кто-ж на свои-то спорит?!

Оба погонщика рассмеялись, но Кагат вдруг что-то заметил в море у подножья башни и привстал в стремянах:

– Гляди, акула!

– Где?! – всполошился Арри.

– Да вон же, на глубине!

Брат тоже заметил в воде грозный силуэт и широко раскрыл черные глазки-пуговицы:

– Оторвите мне хвост... Это ж какого она размера?!

Кагат важно поднял крылышко:

– Перед вами, дети, крупнейшая и одна из редчайших рыб на Земле-китовая акула. Эти чудовища питаются планктоном и совершенно безобидны... – он запнулся. Помолчал, с сомнением провожая взглядом силуэт гигантской рыбы.

– А еще они очень медленно плавают, – пробормотал озадаченно. – Арри, пригляди-ка за моей птицей, я сейчас, – расстегнув ремни, он взмахнул крыльями и прынул в холодное небо.

Свежий ветер сразу подхватил Кагата и потащил прочь от башни. Умело маневрируя, рыжий летун спикировал к удаляющемуся силуэту акулы и пристроился сверху на параллельном курсе. Какое-то время, с большим подозрением разглядывал рыбу сквозь толщу воды.

Акула плыла неестественно быстро. Хотя она исправно помахивала хвостовыми лопастями, и пятнистая серо-коричневая спина была покрыта паразитами и рыбами-прилипалами, от зоркого глаза Кагата не могло укрыться, что рыбу словно тянет вперед невидимая удочка. Она плыла быстрее, чем мог бы толкать хвост! Да и тело казалось недостаточно гибким.

– Какого?.. – пробормотал растерянный Кагат.

Тем временем акула, будто заметив, что за ней наблюдают, резко пошла в глубину и скрылась под пенными волнами. Озадаченный погонщик еще немного полетал над океаном, затем взмыл вертикально вверх и помчался к насесту на башне. Там сигналил крыльями брат.

– Что случилось? – быстро спросил Кагат, приземлившись на спину альбатросу и торопливо застегивая ремни.

– Наши показались, гляди! – Арри указал на крохотную, едва движущуюся точку далеко внизу, у границы меж мертвым скальным массивом и линией песчаного пляжа.

– Пешком?

– Тащат груз, наверно!

– Летим, заберем их, – решил Кагат и припал всем телом к белоснежным перьям. Крыльевые коготки вошли в особые вживленные по бокам птичьей шеи латунные колючки, огромный альбатрос встрепенулся. Повинуясь тончайшим, почти телепатическим командам погонщиков, мощные птицы одновременно снялись с насеста.

Первым приземлился Арри и взмыл со спины альбатроса, Кагат отстал от него на пару секунд. Оба погонщика в несколько взмахов оказались рядом с двумя своими сородичами, с трудом тащившими зубами за веревки перегруженную тележку.

– Кагат! – воскликнул профессор Заубер при виде братьев. – Арри! Прилетели сами! Какие молодцы!

Погонщики торопливо переняли веревки у пожилого ученого и его спутницы.

– Что вы такое тяжелое – то везете? – пробубнил Кагат с тросом в зубах. Заубер распахнул седые крылья и издал торжествующий визг:

– Вы не поверите! Вы просто не поверите! – он подбежал к тележке и вытянул когтистой лапкой толстый фотоальбом. – Я был прав, я был прав с самого начала! Смотрите... – он распахнул альбом, и ветер тут же разнес по пляжу кипу фотографий. Запищав от ужаса, все четверо бросились их ловить.

Собрали только минут за двадцать. Уставшие и напуганные, плотно закрыли альбом и сунули его в тележку. Профессор Заубер не мог успокоиться.

– Я был прав, прав... – твердил он счастливо.

– Что ж вы нашли-то? – Кагат с сомнением смерил взглядом тележку с грудой артефактов, тщательно обернутых в белую ткань. Заубер подскочил и обхватил погонщика крыльями:

– Город!!! – завопил он.

– Город?!

– Руины огромного города! Неизвестного! Архитектура... Масштабы... – Заубер задыхался. – Это невероятно, невероятно! Мы видели эстакады монорельса... Гигантские жилые ярусы... небоскребы из сверкающего металла! Башни! Неведомые машины! Затерянная сверхцивилизация! Они превзошли нас в развитии на сотни лет! Я не уверен, что даже у людей есть подобные технологии!

Кагат попятился. Арри недоверчиво наострил уши:

– И... Все это есть на фото?..

Ответила дочь профессора-молодая серая Зетта:

– Не только на фото. Мы и видео сняли, хотя боюсь, пленка будет повреждена радиацией.

Кагат вздрогнул:

– Ох! А ну, быстро, покажите браслеты! – при взгляде на таймеры он даже пискнул. – Да какого хвоста! Красный у обоих! Арри!

Брат уже летел к спокойно ожидавшим невдалеке альбатросам. Вернувшись с сумкой в когтях, он торопливо раздал исследователям банки с кумысом. Заубер и Зетта с видимым наслаждением напились животворного напитка.

– Так-то лучше, – буркнул Кагат, выставляя стрелки на таймерах обратно в зеленую зону. – Профессор, вы с радиацией не шутите.

– Переворот в науке... – бормотал Заубер, не в силах унять. – Теперь мы точно знаем, Генезис происходил многократно и независимо. Мы не одни во Вселенной! Невероятно!

Молодая Зетта, со вздохом, подозвала погонщиков жестами и кивнула на тележку.

– Птицы унесут столько?

Арри беспечно фыркнул:

– Конечно! Да мы вообще-то...

– Тссс! – Зетта поспешно закрыла ему рот крылом, приблизилась и шепнула: – Я убедила отца, что альбатросы не поднимут больше. А то он снова в город полезет.

Арри закивал:

– Ясно!

– Погодите-ка радоваться, птенчики... – буркнул Кагат, снимая с пояса дозиметр. Поводив им над грудой находок, с сомнением почесал за ухом. – Уровень на границе допустимого... За время обратного полета может обжечь альбатросу спину...

– У меня есть рулон свинцовой фольги! – встрепенулся Арри. Кагат неохотно кивнул:

– Ладно, рискнем. Арри, устели фольгой в два слоя спины обеих птиц под переметными сумами и начинай загружать своего, я помогу профессору.

Заубер, только сейчас опомнившись, недоверчиво уставился на погонщика:

– Мы что, возвращаемся?! – спросил в изумлении.

– Близится ночь, погода портится, – пояснил Кагат. – Если начнется шторм, альбатросов может отнести далеко на юг, и мы попадем в пояс бурь. Оттуда нет спасения.

– Мы скоро вернемся, отец, и уже большой экспедицией, на морском льве! – поддержала Зетта. – У нас столько образцов и фотографий, что поверят даже снобы из Цюриха. Твои теории блестяще подтвердились!

Заубер в полной растерянности моргал, уронив на песок седые крылья.

– Но... Мы почти ничего не успели увидеть! Друзья, вы представляете, какое это открытие?! Невероятный город в руинах, но он вовсе не выглядит древним, я бы датировал его разрушение от силы полувеком-веком. Быть может, таинственные строители до сих пор скрываются где-то здесь?! Давайте останемся хотя бы до завтра, переждем шторм на острове!

Кагат устало покачал головой:

– Радиация, профессор. Ни одно живое существо тут не протянет и месяца, какой уж век... Мы с вами еще не погибли только благодаря кумысу, а ведь кумыс защищает не всех: альбатросы сейчас держатся лишь на природной сопротивляемости. Еще сутки в этих ядовитых землях они не выдержат.

Заубер поник. Молодая Зетта поспешила к отцу и принялась утешать, а Кагат вместе с Арри покатали тележку к птицам.

Час спустя, когда все находки были погружены, а пассажиры устроились в изотермической кабине меж переметными сумами, погонщики надели толстые меховые комбинезоны и заняли места в седлах. Альбатросы по очереди развернулись клювом к ветру, разбежались и взмыли в темное вечернее небо. Полет возглавил Арри, чья птица несла пассажиров; Кагат на тяжело нагруженном ведомом шел метрах в ста позади.

Они дали над островом прощальный круг. На мгновение, Кагату померещилось, будто в глубинах штормового океана, у остова колоссального затонувшего авианосца, мерцают бледно-синие вспышки; помотав головой, он раздраженно фыркнул.

– Черенковское излучение, должно быть... – крылатый надвинул на лицо ветровое забрало и приник к телу птицы.

Могучие альбатросы, набирая скорость и высоту, легли на курс к далекому континенту.

Мысықтың өлімі – тышқанға той.

(қазақтың мәтел)

– С какой целью въезжаете в Канаду? – осведомилась миловидная брюнетка с пышной гривой кучерявых волос. Карие глаза из-под узеньких модных очков смотрели внимательно, но без подозрений.

– Да вот, хотелось бы подыскать спокойное местечко для жизни... – с легкой улыбкой ответил Юрий.

Девушка кивнула:

– Опустите маску, пожалуйста... – она пару раз сравнила лицо с фотографией в паспорте. – Господин Майлослаффски?

– Милославский, – поправил Юрий.

– Вы говорите почти без акцента, – улыбнулась брюнетка. – Везете что-либо, требующее декларации?

Юрий весело развел руками:

– Вообще ничего не везу. Меня встречают.

– Прекрасно, – девушка поставила штамп и протянула документы обратно. – Добро пожаловать в Канаду.

– Благодарю, – он вежливо кивнул.

Людей на рейсе было довольно много, в основном американцев. Аккуратно лавируя между их шумными группами, Юрий вышел в зону для встречающих и сразу заметил молодого худощавого парня в ливрее и фуражке, держащего в руках картонку с портретом Леонида Куравлева. С трудом сдержал смех.

– Здравствуйте, давно ждете? – спросил он. Паренек с недоумением покосился на портрет актера, потом на Юрия.

– Простите, сэр, наверное, произошла ошибка...

– Никаких ошибок. Я Милославский, – Юрий протянул паспорт. Водитель встрепенулся:

– Ох, прошу прощения. Должно быть, спутали фото. Идемте, сэр, лимузин ждет на стоянке. Багаж?

– Я налегке, – усмехнулся гость.

Они вышли из аэропорта в морозную февральскую ночь. Лимузин, как и полагается, был заранее прогрет, Юрий опустился в устланное мехами кресло и чуть не утонул в нем. В полной тишине огромный электромобиль вырuling со стоянки.

Путь до отеля отнял минут тридцать, всю дорогу Юрий читал новости со откидного широкого экрана. Регистрация в фойе небольшой уютной гостиницы также

не заняла много времени, и вскоре гость с наслаждением ступил под горячий душ в своем номере. Он как раз закончил сушить волосы, когда в дверь постучали.

Вошли двое; величественный, высокий, аристократичный старик в строгом сером костюме в полоску, и рыжеволосая женщина среднего роста, лет сорока-сорока пяти на вид, с короткой военизированной прической ёжиком и в смарт-очках.

– Очень рад, наконец, пожать вам руку, – с выраженным испанским акцентом сказал старик. Женщина лишь молча кивнула и отправилась осматривать комнату. Юрий проводил ее слегка удивленным взглядом.

– Это она? – спросил недоверчиво.

– Она, она, – не повернув головы отозвалась рыжая. Заглянув в каждый уголок гостиной, она вышла в спальню, осмотрела ванную, кухню, и лишь затем дала знак старику. Оба гостя опустились на диван, Юрий сел в кресло напротив.

– Итак? – спросил он спокойно.

Рыжая коснулась пальцем оправы очков и легонько кивнула.

– Все чисто. Еще секунду... – она вынула из кармана круглую черную коробочку, водрузила ее на стол и повернула верхнюю часть. Комнату тут же наполнил тихий, очень неприятный для слуха гул. Юрий поморщился:

– Ну кто стал бы использовать лазерные микрофоны в такой глуш...

– Бережного бог бережет, – сурово оборвала женщина. – Можете приступать. Старик облегченно вздохнул.

– Наконец, – он закинул ногу за ногу и уложил одну ладонь на колено. – Я искренне рад, после стольких лет поисков и недомолвок, видеть вас во плоти, господин Кулибин. Это было непросто.

– Я номер один в списках на устранение, – усмехнулся Ив. – ФСБ в последние годы уже совсем не стесняется.

– Мы знаем, – сокрушенно кивнул старик. – Уважаемая Анастасия также вкусила от сего плода... В избытке.

Ив заинтересовано приподнял бровь:

– Вы, действительно, та самая Настя Тимофеева? – спросил у рыжеволосой.

– Как видите, – отозвалась она холодно.

– Вы сильно изменились.

– Не припомню, чтобы мы были знакомы.

– Да, мы не встречались лично... – Ив развел руками. – Но про вас много рассказывали в ЦРУ. Я хотел оставаться в курсе истории, связанной с памятными событиями, и вы, как я знаю, сыграли там ключевую роль. Настолько, что вас даже потребовалось спасти от преследования ФСБ, я правильно слышал?

– Более-менее, – Настя смерила его неодобрительным взглядом и спросила с легким презрением: – Юрий Милославский? Серьезно? Это ваша идея конспирации?

– Не совсем моя, – усмехнулся Ив. – Нас с семьей долгое время прятало ЦРУ по программе защиты свидетелей. Так намучались с этой вашей конспирацией, что жена подала на развод пять лет назад.

– Вот как? – старик удивленно наклонил голову. – А дети?

– С ней, – буркнул Ив.

– О, соболезную, искренне соболезную!

– Спасибо... – Ив отвел глаза. – Я догадываюсь, каково вам, и мне искренне жаль, поверьте.

На скулах старика заиграли желваки. Он напрягся, но могучая сила воли быстро сокрыла секунду слабости, и спустя миг, невозмутимое выражение вернулось на его красивое, мужественное лицо.

– Четверо сыновей, – сказал старик ровным, лишенным эмоций голосом. – Четверо умных, сильных, добрых сыновей было у меня. Я так гордился, что они пошли по стопам предков. Мой прадед, дед и отец служили в кавалерии, я первым ушел во флот...

Он опустил голову, постукивая пальцами по колену. На пальцах сверкали драгоценные кольца, из-под белоснежной манжеты поблескивало розовое золото часов «Патек Филлип».

– Эмилио, старший, прошел Ирак и дважды Афганистан. Хуарес и Мигель были в Афганистане трижды, и даже младшенький Доминик успел там отслужить. Боялся ли я? Молился ли я? О, да. Но таков путь нашей семьи. Господь миловал, сыновья и царпин не получили на войне, а если б даже и не вернулись, я плакал бы слезами горечи, смешанной с гордостью, – старик поднял на Ива слегка влажные глаза. – Нет смерти честнее, чем защищая Родину.

Он помолчал, и было заметно, как пальцы все сильнее и сильнее мнут дорогую ткань брюк.

– Когда мне сказали, что транспортный вертолет разбился на пути домой, я не поверил. Господь не мог так со мной поступить. Слепая судьба-да, но не Иисус. Иисус наделил меня властью, могуществом и деньгами, многие годы помогал строить для сыновей будущее. Но только в тот день мне, наконец, стало ясно, для чего Господь наградил меня всем тем, что я имею... – старик подался вперед. – Бог лишил меня сыновей. Отобрал будущее, пресек наш старинный род. Для чего? Зачем он десятки лет помогал стать сильнее, если теперь мне суждено умереть в одиночестве?

Ив и Настя молчали. Старик глубоко вдохнул.

– Я начал расследование, чтобы понять. Деньги? Влияние? К чему все это теперь? Я ничего не жалел и никого не щадил. И узнал правду... – на лице пожилого человека впервые проступили эмоции. – Их предали, господин Кулибин. Их хладнокровно убили. Весь экипаж авианосца, где они служили – семьсот человек, семь сотен сыновей, дочерей, братьев и сестер – были заживо преданы огню, ибо в штабе флота решили, что эвакуировать их слишком долго.

Старик скрипнул зубами.

– Вот, к чему готовил меня бог, господин Кулибин. Вот, зачем он наградил меня сыновьями, дал полюбить их сильнее жизни, а затем отобрал. Чтобы я наказал тех, кто за это в ответе. Чтобы их преступление не осталось сокрыто, замазано и забыто, как столь многие подобные в прошлом...

Он подался вперед.

– Десять лет я готовился к этому дню. Десять лет, по крупицам, искал информацию, подкупал и запугивал, лгал и шантажировал. Мне удалось найти даже вас, господин Кулибин, хотя с этим не справилась всемогущая русская ФСБ. И сегодня, наконец, я готов начать.

– Я тоже готов, – коротко сказал Ив. Старик одобрительно кивнул.

– У вас будет все. Деньги, защита, технологии. Дипломатические паспорта. Отряд лучших в мире наемников из группы «Academi», персональный самолет и яхта. Задача проста: собрать доказательства и отправить на электрический стул мерзавцев, отдавших приказ. Я дам вам список имен.

Ив усмехнулся.

– Однажды я уже устроил грандиозное разоблачение тайной клики в правительстве России. Спустя сутки, все мировые каналы объявили мое

расследование уткой, а меня самого-жалким аферистом. Хотя в тот раз у меня на руках были не просто фотографии или документы, а самая что ни на есть живая улика.

– Но за вами не стоял я, – холодно ответил старик.

– Верно.

– Я достаточно богат и могущественен, чтобы выпустить джина из бутылки и удержать бутылку открытой, – глухо произнес пожилой аристократ. Кивнул на молчаливую рыжеволосую женщину: – Анастасия знает о деле больше, чем все остальные люди, вместе взятые. Она будет вас направлять, а вы-искать доказательства.

Ив кивнул и встал на ноги. С дивана поднялись и его собеседники.

– Что ж, все понятно. Откуда начинаем? – спросил Ив у Насти.

Женщина в смарт-очках недобро улыбнулась.

– Казахстан, – ответила коротко.

Глава 1

– Сила! – Уркхнест провел ладонью по выпуклым, будто отлитым из рыжеватого металла мускулам, украшавшим бока ездового толая. – Взгляните на статью, на формы! Только настоящие джигиты отваживаются седлать этих монстров!

Толай безмятежно смотрел на покупателя пустыми, слегка раскосыми желтыми глазами. А тот – среднего роста, пожилой, но довольно крепкий на вид кипчак в серо-зеленом маскировочном балахоне – почти не слушал похвалы продавца; его колючий, недобрый взгляд проникал, будто, сквозь зверя. Если б толай умел думать, он, вероятно, ужаснулся бы, что может достаться такому хозяину.

Уркхнест, однако, предпочитал ничего не замечать:

– Зачем вам пескоход? – увещевал он путника. – Да, машина, но с ними столько хлопот! Пескоходы прожорливы, ненадежны, их надо чинить, менять масло и фильтры, заправлять отборным топливом, а уж про газотурбинные я вообще молчу! Да и пристало-ль гордому, сильному джигиту вроде вас ездить на пескоходе?! –

Уркхнест подмигнул. – Ради чего? Ни одна машина не осилит бездорожье, которое ездовой толай даже не заметит! Вот она, великая, изначальная мать-природа...

Покупатель, не особо слушая, продолжал осмотр зверя. Когда он приподнял седло, желая проверить спину, Уркхнест с новыми силами перешел в наступление:

– Между прочим, только в нашем караван-сараяе вы можете, приобретая толая, бесплатно получить к нему полный комплект сбруи, – заметил он жизнерадостно.

Кипчак впервые отвлекся от зверя и бросил на продавца тяжкий взгляд крохотных, глубоко запавших черных глаз:

– Кожаной? – спросил хмуро.

Уркхнест замахал лапками:

– Что вы! Зачем вам кожа? От нее потеешь, она пахнет, растрескивается, скользит!

Хмыкнув, кипчак вновь обернулся к толаю и, проявив неожиданную ловкость, запрыгнул в седло. Зверь напрягся, ощутив умелые и сильные лапы на шее, но Уркхнест, вновь, все воспринял по-своему:

– Вах! – воскликнул он с гордостью. – Вот настоящий джигит!

Путник бросил на торговца холодный, по-настоящему жуткий взгляд – из тех, что называют змеиными.

– Я люблю верховую езду, – произнес он негромко.

– Значит, решено! – Уркхнест просиял. – Оформляем покупку!

Всадник недобро усмехнулся.

– Знаешь, что мне нравится больше всего? – спросил он спокойно. В голову Уркхнеста впервые закрались нехорошие подозрения:

– Что? – торговец тревожно нахмурился. Эти рыжие полосы на плечах... Возможно ли?..

– Цена, – сухо сказал разбойник. Сверкнул клинок, который он до сих пор прятал в рукаве, и Уркхнест с хрипом схватился за рассеченное горло. Обратным ударом убийца пропорол ему череп и, прежде чем рухнуло тело, поднял толая на дыбы:

– Вперед! – выкрикнул кипчак, сдавив бока скакуна. Завизжав от неожиданной боли и страха, толай совершил огромный прыжок и, в панике прижав длинные уши, рванулся к воротам караван-сарая. Стоявший там стражник до сих пор, глупо моргая, пялился на дергающееся тело Уркхнеста.

Убийца еще не доскакал до ворот, когда из зарослей колючего кустарника за барханом донеслись крики и целый отряд разношерстных, многоцветных, но, в большинстве, безоружных головорезов рванулся в атаку. Почти все разбойники «скакали» на собственных лапах, лишь парочка могла похвастать верховыми зайцами-толяями – эти быстро вырвались вперед.

Главарь, размахивая клинком, уже подлетал к воротам; ошарашенный стражник вскинул копье навстречу врагу. Разбойник ловко увернулся от удара, свесился в седле и, на всем скаку, срубил беднягу-солдата, будто сноп сена в пору жатвы. Несчастный отчаянно вскрикнул – и тем, сам не зная, спас караван-сарай: на крик с глинобитной стены выглянул Темир.¹

Чтобы все понять, ему хватило доли мгновения: движением, доведенным до полного автоматизма, практически не целясь, ведун с тридцати метров метнул во всадника тяжелый стилет и, одновременно, второй рукой бросил нож через весь двор, попав точно в колокол над казармой. Резкий, захлебывающийся вскрик раненного сплелся со звоном металла.

Сила удара была такова, что разбойника выбило из седла, а испуганный толай с визгом покатился по земле. Следующим броском, Темир, с двадцати метров пробил грудь упавшего кипчака столь же легко, как мясник на кухне вскрывает гуся. Четвертый клинок разрубил канат, державший решетку поднятой над воротами, та упала прямо перед самым шустрейшим из атакующих головорезов. Не успев затормозить, разбойник на полном скаку врезался в прутья и с хрустом, даже не вскрикнув, сполз к их подножью.

Темир удовлетворенно кивнул. Рывком обернувшись к нападающим, он присел и потянул из чехла тяжелый, единственный к западу от Иртыша роликовый хромаровый лук. Разбойники, очевидно, никак не ждали встретить подобного врага в захолустном караван-сарае на самом краю Дегеленских степей: Темир, без особой спешки, в упор расстрелял четверых, прежде чем до оставшихся, наконец, дошло, в какую историю они угодили. Даже не пытаясь забрать убитых, остатки отряда бросились прочь от стен и быстро скрылись среди барханов. Стрелок проводил их презрительным взглядом.

¹ ТЕМИР (КАЗАХ.) – ЖЕЛЕЗО.

Сплюнув, Темир вынул из поясной сумки промасленную тряпочку и старательно, с любовью начал протирать свое страшное оружие. За этим занятием его и застал перепуганный, впопыхах напяливший панцирь капитан стражи.

– Что случилось? – при виде трупов разбойников, офицер невольно сглотнул. Ведун бросил на него слегка насмешливый взгляд.

– А на что похоже?

Капитан поднялся на стену, встал рядом с Темиром. Помолчал, глядя на тела.

– Да-а... – пробормотал он после длительной паузы. – На моей памяти, еще ни один набег не кончался так скоро...

Ведун криво усмехнулся.

– Клянусь волосатым языком Эшмака, они тоже удивились, – он зачехлил лук и забросил его за спину. – Известные мордашки? Или так, проходимцы без роду-племени?

Капитан стражи нехотя кивнул.

– Известные, хоть и средней руки. С полгода уж караваны стригут... Должно быть, совсем оголодали, раз на дело пошли без единого ствола. Этого, – он кивнул на труп главаря, – звали, кажется, Рыжим Сауром.

Темир скривился.

– Хе-ма... Не люблю кипчаков. За него хоть награда положена?

Офицер развел лапами:

– Где там... В Дегелене нынче не до разбойников. Забыл, что люди на будущий год собираются передвинуть зону отчуждения?

– Попробуй, забудь, – буркнул Темир.

Капитан почесал за ухом, наблюдая, как стражники ловят перепуганного толая и стаскивают убитых. Бросил на Темира задумчивый взгляд. Поджарый, худой, с желто-коричневой песчаной шерстью и мощными задними лапами, тот совсем не казался опасным. Происходил Темир из того же рода, что и сам офицер – кумтышкан-кумкус, или монгольских когтистых песчанок, крупных и быстрых дневных грызунов, похожих на помесь тушканчика с крысой. Блекло окрашенный, с круглыми ушами и кисточкой на конце пушистого хвоста, Темир превосходно сливался с ландшафтом, а сидя, как и любая песчанка, превращался в уютный меховой шарик. Ну, разве такого испугаешься...

Впрочем, по меркам сородичей, Темир не отличался ни красотой, ни ростом. Запястья его передних лап были туго обмотаны полосками вареной кожи, на шее висела цепочка с полированным малахитовым диском – знаком официально зарегистрированного мутанта, или «ведуна», как их звали в Степях. Пояс и прочее снаряжение скрывалось под шерстью, их наличие выдавал лишь блеск кольчужной перчатки для левой лапы. Пальцы, тем не менее, были иссечены неизбежными "розгами лучника" – следами тетивы.

– Ты что, прямо отсюда... его? – спросил капитан, кивнув на убитого головореза. – Ножом? На скаку?

– Я прямо отсюда всех, – коротко отозвался ведун.

Офицер восхищенно присвистнул.

– Да-а...

– Лучше стрелы соберите, – резко сказал Темир. – У меня балансирующие, немалых денег стоят. И ножи найдите. Коль награды не видать, хоть от расходов избавьте.

Капитан спохватился и смущенно потер шею.

– Прости. Спасибо за помощь... – он отвел глаза. – Мои парни обо всем позаботятся. Идем, отобедаем вместе!

Темир покачал головой.

– Некогда. До темноты я должен быть в Гурджан-улусе.

– Успеешь! Туда рукой подать!

Ведун усмехнулся:

– Я знаю.

Офицер моргнул.

– Ах да... – он щелкнул пальцами. – Вот это называется сесть в лужу. Мутанту дорогу объясняю! – он встрепенулся. – Погоди: а коли оставшиеся разбойники подкараулят тебя в пустыне?

– Хе-шш, – Темир потянулся, царапнув глиняную стену большими когтями на задних лапках, которым, собственно, его вид был обязан названием. – Непременно подкараулят. Я даже расскажу, где, за каким барханом, в котором часу.

– А-а-а...

– Мы в засады не попадаем. Никогда.

Офицер неохотно кивнул:

– Да, я слышал.

– Соль в том, что бандиты не слышали.

Капитан развел лапками.

– Что ж, чистого воздуха тебе, друг. Выручил ты нас сегодня.

– Работа такая, – буркнул Темир, спускаясь во двор. Помедлив, обернулся: – Вот что... Я, пожалуй, возьму толая этого «Рыжего Саура»? Не возражаешь?

Начальник стражи заколебался на миг-зверь был здоровым и сильным, покойному Урхнесту его доставили только вчера, свежепойманного; такого можно продать с немалой выгодой. Но гордость, все же, одержала победу над алчностью.

– Бери, конечно. Заслужил, – с легкой досадой кивнул офицер.

Темир усмехнулся.

– Спасибо, бек-джигит.

Полчаса спустя, собрав ножи и стрелы, ведун помахал лапкой слегка растерянным обитателям караван-сарая и, погоняя новообретенного скакуна, направил его к северу. С пасмурного осеннего неба тупо глядели грязные облака, чем-то похожие на вываливавшихся в болоте свиней.

Автомат наведения и основной гироскоп приказали долго жить еще вблизи Ашысу, но с такого расстояния целиться не требовалось вовсе. Шквал курносых, блекло-серых вольфрамовых пуль за секунду превратит степь в клокочущий ад, оставив лишь дымящееся вспаханное поле да звон в ушах. Разбойник это отлично понимал.

К несчастью, он столь же хорошо знал, что кассета патронов для «Саранчи» стоит дороже, чем весь караван Матушки Мирты.

Бандит появился из ниоткуда, в такой близости от Жаровни кипчаки не водились. Их густая шерсть отлично защищала от буранов на снежных склонах Джунгарского хребта, но под местным солнцем звери быстро перегревались. Должно

было случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы загнать пушистого горца в эти бесплодные земли.

– Клянусь девятнадцатым хвостом Эшмака, я нажму! – прошипела Гюрза. Лапки подрагивали, джойстик ручного наведения лип к коже. Мысли об испуганном сыне, притаившемся в кабине, пускали вдоль спины нехороший холодок.

– Не нажмешь, – нагло ухмыльнулся разбойник.

Он был рослым, с широкой грудью, носил потрепанный маскировочный балахон, утыканный пучками сухой травы. Каштановую шерсть на плечах и мощных бедрах рассекали врожденные белые полосы, такие же тянулись от локтей до кончиков пальцев, создавая жутковатое впечатление оголенных костей. Глаза скрывали защитные очки.

Надо отдать зверю должное, отрешенно подумала Гюрза. Большинство дикарей пустилось бы в бегство от одного вида полуприцепа с зачехленной «Саранчой», этот же стоял перед стволами и невозмутимо жевал соломинку. Оружия пока заметить не удалось, зато транспортом кипчак обзавестись не забыл; метрах в ста, под кустом, темнел помятый ржавый пикап с прицепом-цистерной и отличными, шипастыми внедорожными шинами. У Гюрзы едва слюни не потекли при одной мысли о великолепных покрышках. Тридцатый размер, армированные борта, наверняка двойной или даже тройной корд. Такими хоть по камням, хоть по лаве, все выдержат, не подведут... Лоснящиеся красавцы...

– Ну, толстуха, – хрипловато позвал кипчак, прервав сладкие мечты. – Зачем так сердиться? Зачем сразу хватать...

– Молчи! – рявкнула Гюрза. – Проваливай, пока я не рассердилась!

Бандит наострил ухо и склонил голову набок, став необъяснимо похож на удивленного тигренка. Поджарого, хищного и очень опасного. Кипчаки искренне не понимали, почему прочие обитатели Дегеленских Пустошей их боятся и ненавидят. Они ведь не звери какие-нибудь! Кипчаки едят лишь тех, кто не родился кипчаком...

– Скажу прямо, – с легкой угрозой бросил разбойник. – Мне ваш балаган даром не дался. А пушечка твоя и того меньше.

– Да-да, конечно, – прошипела Гюрза. – Тебе бы кумысу попить да сказки послушать!

Кипчак хохотнул:

– Думаешь, я не знаю, что «Саранчу» можно купить за бочку машинного масла, а еще за пару фильтров нанять оператора вроде тебя? Толай и тот дороже! – он фыркнул, окинув взглядом потрепанные грузовики каравана. Лениво почесал в паху. – Хвост даю, тягач и многоствол принадлежат тебе. Наемники хозяйских денег считать не любят, а ты, вон, даже на меня драгоценные пули стесняешься тратить. Что, толстушка, угадал? – кипчак оскалился. – Выпустишь в меня последнюю обойму, да и останешься посреди Жаровни с грудой бесполезного металла. Али думаешь, они, – он презрительно кивнул на грузовики, – тебе и дальше продолжают платить? Жди долго! Пинок под зад, и тащись обратно!

Гюрза яростно дышала, но возражать было нечем. От мысли, что Сай все слышит, она окончательно рассвирепела, свернула оба уха и распушила хвост в угрожающем жесте атаки:

– Пусть так! – отозвалась свирепо. – Но тебя-то стереть в труху я могу!

– Можешь, – откровенно сказал кипчак. – Да только есть предложение получше. Бросай свой металлолом и едем со мной, – он скрестил на груди лапы. – В здешних краях мое племя не промышляет. Я первым так глубоко в ядоземли подался. Караваны тут ходят совсем без защиты, или берут в охранники кого-то вроде тебя... – бандит криво усмехнулся. – Сколько они обещали за весь путь до Егынды-Булака? Пять канистр? Шесть? Идем со мной, скоро будешь зарабатывать столько же в неделю!

Зеркальные стекла защитных очков нестерпимо сверкали золотом, магнитометр на консоли управления тревожно попискивал. Где-то в складках просторного камуфляжного балахона кипчак скрывал пистолет-или даже полуавтомат. Понятно... Зубы заговаривает, гад.

– Допустим, я соглашусь. Что я буду есть в твоей стае? – резко спросила Гюрза. – Селевинии питаются насекомыми, забыл? В Жаровне мой корм не водится. Знаешь, сколько здесь стоит ящик гидратированной саранчи?

– Вот уж как-то не интересовался! – фыркнул бандит. Гюрза клацнула зубами:

– Ты сожрешь меня в первую же ночь. А жизнь, уж поверь, я ценю дороже кассеты с пулями. Так что проваливай, гад, потому что еще шаг, и прикончу! – яростно бросила Гюрза. – Даже глазом не моргну!

Кипчак угрюмо кивнул на большую цистерну, что тащил головной грузовик каравана.

– Некуда проваливать. Вчерашний теплон накрыл меня в пустыне, досталось три-четыре дозы, не меньше. Или поделитесь кумысом, или я к утру подохну.

– Что?! – Гюрза даже моргнула от такой наглости. – Вот прямо так?!

– Не строй глазки! – резко отозвался бандит. – У вас в сто раз больше, чем я могу выпить. А будете упрямыться, так я отъеду подальше и прострелю цистерну. Терять-то нечего. Сечешь?

Гюрза закусила язык. Об этом она не подумала... Но делиться драгоценным кумысом с первым же встречным кипчаком?! Матушка Мирта скорее огрызет им всем хвосты!

К счастью, сомнения просто не успели искушать разум; кипчак, очевидно, сообразил, что единственным ответом на его угрозы может стать стрельба. Безо всякого предупреждения, с леденящей кровью бесшумностью ночного хищника, он распрямил мощные лапы и метнулся в прыжок. Гюрза не успела ничего понять-она рефлекторно отпрянула, судорожно вцепившись в джойстик. Пальцы попали на гашетку.

Звук «Саранчи» совершенно не похож на выстрелы; он больше напоминает рев, дикий, сокрушительный рык, в котором смешаны визг смертельно раненной рыси, хруст трескающихся костей и металлический лязг. Шквал крупнокалиберных пуль поразил кипчака в прыжке, и бандит просто перестал существовать: было похоже, будто над камнями взорвалась пластиковая бутылка с кровью. Во все стороны полетели мелкие ошметки, алые капли брызнули на стеклянный щиток над консолью. Гюрза, опомнившись, выпустила из лап джойстик, прервав безумную пальбу.

Вращение дымящихся стволов прервалось. Повисла жуткая, звенящая тишина-столь глубокая, что было слышно даже едва различимое шипение раскаленных гильз на песке. Придя в себя, Гюрза спрыгнула с операторского кресла и лихорадочно метнулась к кабине тягача, где, оглушенный грохотом, свернулся в клубок ее сын.

– Все хорошо, Сай, все кончилось! – она обняла малыша, лизнула в нос. – Успокойся. Все хорошо.

Прижала к груди, перевела дух. Выпустив из объятий, усадила в пассажирское кресло и пристегнула ремнем безопасности. Мышонок испуганно моргал.

– Мама быстро вернется, – с натугой выдавила Гюрза. – Не бойся, я только кое-что проверю и сразу вернусь...

Уж лучше б не проверяла: «Саранча» расходовала боеприпасы с такой скоростью, что за пару секунд могла опустошить грузовик. Вид пустого контейнера произвел на Гюрзу такое впечатление, что она даже не сразу сообразила, что все кончено. Из транса вывел шорох: сглотнув, селевиния помотала головой и воззрилась на Матушку Мирту. Хозяйка каравана и трое водителей стояли у платформы, глядя на дымящийся пулемет.

Некоторое время никто не нарушал тишины, казавшейся особенно страшной после грохота «Саранчи». Наконец, пожилая серая белка тяжело вздохнула и обратила взгляд на Гюрзу.

– Без остатка? – спросила глухо. Селевиния через силу кивнула.

– Слишком высокая скорострельность, стоит нажать на гашетку и... – она запнулась, когда Матушка Мирта вскинула лапу.

– Ты понимаешь, что мы теперь беззащитны? – белка сузила зрачки. – Отсюда до Егынды-Булака ехать семь-восемь дней. Как ты намерена защищать караван?

Гюрза, встряхнувшись, расправила ушки и гневно встопорщила хвост:

– А что, надо было дать ему кумысу?!

– Надо было сделать вид, что мы согласны, а чуть позже всадить в спину нож! – резко отозвался один из водителей. – Ты, помнится, уверяла, будто много раз водила караваны мимо Жаровни!

– Водила! – огрызнулась Гюрза. – Но кипчаки никогда не забирались так глубоко в наши земли. Он же сам сказал, что других поблизости нет! Едем дальше, как ехали, все будет хорошо!

Второй водитель презрительно сплюнул на песок.

– Мы-то поедem... А вот на кой нам, теперь, сдалась ты со своим немym выродком?

Гюрза застыла.

– Что ты сказал? – переспросила она недоверчиво. Лапки сами потянулись к боевому хлысту, обернутому вокруг пояса, сдержать порыв удалось лишь страшным усилием воли. Матушка Мирта бросила на водителя недобрый взгляд.

– Джучи, как обычно, распустил язык и сожалеет об этом, – отрезала она сухо. – Довольно. Можешь ехать за нами, конечно. Но выдать тебе обещанные четыре канистры кумыса я не смогу. И не смогу делиться соляжкой для тягача. Сама понимаешь, ситуация изменилась.

Гюрза даже попятилась, широко раскрыв глаза.

– Вы спятили? Спятили, да?! – она сглотнула. – Я же растратила на вас последнюю обойму! Меня для защиты наняли, или для чего?!

Белка тяжело покачала головой.

– Ты больше не способна нас защищать. За восемь оставшихся дней пути, твой бесполезный тягач растратит столько солярки, что дешевле заехать в Мангы-узун и нанять пару толай-стрелков. Так мы и сделаем! – добавила Матушка Мирта, повысив голос. – Меняем курс. Если повезет, к утру доберемся до Мангы-узуну. Ты с нами? – спросила она жестко, обернувшись к Гюрзе.

Та окинула вероломных нанимателей угрюмым взглядом. Рослые, сильные водители смотрели на «охранницу» с плохо скрытой ненавистью, справиться с ними врукопашную будет непросто. У двоих за поясами блестели кинжалы. Пожалуй, не будь здесь ребенка, Гюрза бы рискнула, но так...

– Я вела вас почти полдороги, – яростно выдавила селевиния, стараясь обуздать бешенство. – По вашей милости, я не только лишилась оружия, но и не смогу вернуться в город на тягаче, не хватит солярки. Получается, спасая ваши облезлые хвосты, я стала нищей!

Она скрипнула зубами.

– Оставьте хоть две канистры. Я их заработала!!!

– Да ты спасибо скажи, что мы тебя не... – взорвался Джучи, но Матушка Мирта вскинула лапу:

– Тихо! – она обвела спутников свирепым взглядом. – Мы не разбойники. Ясно? – белка обернулась к Гюрзе. – Ты получишь одну полную канистру кумыса, и одну бензина.

– Бензина? На кой мне бензин?!

Матушка Мирта кивнула на стоявший вдали внедорожник погибшего кипчака.

– Вернись в город, купи солярку и спаси тягач. Я благодарна, что ты честно защищала мой караван.

Она покачала головой.

– Ничего личного, девочка. Просто благотворительность в этих краях обходится слишком дорого. Двигаемся! – белка поднялась с песка. – До темноты надо покинуть пустошь, я не слишком верю, будто кипчак мог забраться так далеко в

одиночестве. Тебя это тоже касается, – бросила она через плечо, не глядя на Гюрзу. – Замаскируй тягач в кустах и возвращайся. Сегодня в степи ночевать опасно. Прощай.

Матушка Мирта молча направилась к головному грузовику. Следом, озираясь на одиноко застывшую селевинию, двинулись и водители. Сырой запах свежей крови смешивался с пороховым дымом и металлическим, жгучим ароматом раскаленных стволов.

Караван давно скрылся вдаль, а Гюрза, все так же, стояла на развороченной пулями земле, пытаясь поверить. Изумленная вероломством спутников, селевиния еще долгих десять минут не могла найти в себе сил сойти с места.

Наконец, справившись с бешенством, Гюрза вернулась к тягачу. Сай покорно сидел в кабине, глядя на мать огромными пурпурно-рыжими глазами, белоснежная шерстка отливала перламутром.

«Брось его» – вспомнила Гюрза. – «Альбиносы не живут долго...»

За эти слова она отрезала подонку левое ухо.

– Вот и все, малыш, мама вернулась... – селевиния с трудом заставила себя улыбнуться. – Как ты тут? Уже не боишься?

Сай молча замотал головой. Он не умел говорить, но слова понимал-странный, неправильный белый мышонок, единственный из пяти, переживший кошмар Нэнэке-Улуса. Гюрза даже не знала, кто был отцом ее потерянного выводка, жизнь она в то время вела... Другую. Слишком другую.

Селевиния оцепенела, внезапно сообразив, что теперь все придется начинать сначала. Без тягача и пулемета, она вновь превратится в простую боялычную соню, крупного и очень редкого грызуна, похожего на толстую коротколапую мышь с пушистым хвостом. Селевинии отличались большой физической силой и цепкими коготками, прекрасно лазили по ветвям колючих кустарников... Гюрзу затрясло от одной мысли, что ей придется вновь работать на шахте.

Возвращаться домой затемно, кашля кровью, тратить большую часть заработка на кумыс, без которого после такого облучения не продержаться и часа. Ублажать вонючих, тупых шахтеров, а потом лежать в пропахшей чужим потом норе, плакать и клясться, что еще день... Еще неделя, и все переменится...

Нет. Нет, больше никогда. Она не вернется на шахту!

Но зима близко, если не удастся купить место для спячки в очищенной зоне, весной они с сыном попросту не проснутся. Хватит и Нэнэке-Улуса. Однажды Гюрза уже потеряла четверых детей; рисковать последним она не имеет права.

– Эшмак меня дернул связаться с этой левой работенкой в охране... – пробормотала селевиния, с болью глядя на мышонка. Сай тихо сидел в кресле, кончик его хвоста легонько подрагивал. – Что скажешь, малыш? Глупая была затея?

Мышонок беспомощно улыбнулся. Вздохнув, Гюрза потрепала его за ухом и спрыгнула на песок.

Подошла к канистрам, что предатели оставили в траве. Две канистры-две жалкие канистры, причем лишь одна с драгоценным кумысом. Этого не хватит и на оплату потраченного тягачом топлива. Вернувшись в город, Гюрза действительно станет нищей – «Саранчу» без патронов не купят даже как лом, ее высокопрочный металл и стволы с напылением нитрида бора было невозможно ни ковать, ни переплавить.

Продать тягач? Прожорливый дизельный шестиосник, конечно, не подарок, но в шахтах Дегелена таким машинам всегда найдут применение. Можно рассчитывать на семь-восемь литров кумыса. Девять, если повезет... Да уж, везение теперь пригодится.

Стиснув зубы, Гюрза бросила взгляд на кровавую лужу. Бандит ведь во всем оказался прав. Может, и впрямь стоило пойти с ним... В качестве закуски, не иначе. Йик!

Довольно нытья. Все образуется. Встряхнувшись и распушив шерстку, селевиния перекинула через спину канистры и направилась к внедорожнику мертвого разбойника.

Вблизи еще раз восхитилась покрышками. Совсем новенькие, блестящие, шипасто-зубастые. Судя по виду, фабричные-навверняка свинтили с человеческого игрушечного джипа, такую качественную резину в Дегелене производить не умели. Сам пикап был заржавленной развалюхой, но покрышки... М-м– м...

Гюрза мечтательно облизнулась, поглаживая лапкой блестящий каучук. Она сохранит это чудо, да, конечно. Продаст тягач, соберет скоростной пескоход и наймется курьером на линию Тундык – Майтубек. А что, вполне реально. Платят, конечно, гроши, зато работа интересная.

Вздохнув, селевиния забралась в кузов и приступила к обыску, но внезапный шум крыльев заставил ее мгновенно юркнуть в кабину и схватиться за хлыст. На песок рядом с машиной грузно свалилась растрепанная саджа, небольшая буро-желтая степная птица с пятнышками вдоль спины.

– Блеклый Воин! – крикнула пернатая, в упор глядя на Гюрзу. – Блеклый Воин в царстве мертвых жизнь отыщет, что крылатой, дивной примет облик девы, путь в грядущее несущей!

– А?! – селевиния отпрянула. – Чего?!

Саджа издала душераздирающий вопль, испокон веков пугавший ночами гостей пустыни, и прынула в небо, взвихрив крыльями небольшой песчаный тайфун. Ошарашенная Гюрза молча проводила ее взглядом.

Глава 2

Путь до аула Гурджан-улус, самого северного населенного пункта Дегеленских степей, обошелся без приключений – как и любой путь ведуна, не ищущего приключений. Время клонилось к вечеру, когда Темир спешился у невысокого глиняного дувала и направился к воротам, ведя толая на поводу. Стражники следили за гостем с плохо скрытым подозрением: за четверть века смут, облав и разбоя, зверяне в степях почти озверели.

Особенно здесь, на границе обитаемой зоны. К северу от аула, всего в десятке километров, территория Семипалатинского ядерного полигона кончалась, уступая место непознанному, жутковатому миру людей. Там, вечно скрываясь от беспощадных хозяев планеты, обитали лишь редкие племена Невозжелавших-одичавших почти до скотского состояния зверян, боявшихся переселяться в ядовитые Дегеленские степи. Будто чистый воздух поможет спастись от людей...

Мысли молнией пронеслись в голове Темира, когда у ворот его остановил начальник охраны, чистокровный, желто-коричневый касаяк² с пышным хвостом. Его гигантские уши несли целый набор металлических колечек, подозрительно напоминавших распиленную ломтиками гильзу от «Ак-47».

– С какой целью в наши края? – неприветливо спросил касаяк.

– Я Темир Кубыланды, следопыт. Нанят проводником к врачу Эриху Кнутте, он должен был приехать несколько дней назад.

– Эрих Кнутте? – недоверчиво переспросил один из стражников. – Из Европы, что ль?

Темир кивнул:

– Норвежский лемминг.

– Ого! – касаяк смерил гостя сомнительным взглядом. – Издалека...

– Такие, как я, местным не по карману, – усмехнулся следопыт.

– Мутант, да? – начальник стражи грозно прищурил глаза. – Регистрация есть?

– А то! – Темир снял с шеи малахитовый медальон и аккуратно развинтил пополам. Стражники сгрудились за спиной командира – очевидно, читать умел только он.

– Ну-у... – с легкой неуверенностью протянул начальник поста, дочитав документ, – Кажется, все в порядке...

– Где мои клиенты? – поинтересовался Темир, возвращая медальон на шею. Касаяк невольно хмыкнул.

– Ведун спрашивает дорогу?

– Я не чую пути! – с раздражением бросил следопыт. – Сколько раз объяснять?! Я чую опасность на пути, а не сам путь! Умел бы находить любую дорогу, давно б отыскал сокровище Горной Ласки или усыпальницу Су Хутам Лу, и не тратил бы время на всякие экспедиции!

Стражник помолчал.

– Что ж, ответ исчерпывающий... Первая улица от ворот налево, иди до перекрестка, увидишь памятник Адзомолг-батыру, а на краю площади – арык. Сразу за арыком кроличий выгон, там должен стоять белый фургон.

– Фургон? – переспросил ведун. – Грузовик? Они спятили? Я ж говорил, за Зону – только пешком!

² КАСАЯК (КАЗАХ.) – БОЛЬШОЙ ТУШКАНЧИК.

Касаяк пожал плечами:

– Вот сам со своими европейцами и говори...

– Уж поговорю, – обещал хмурый Темир. Как он и предвидел, работа начиналась не лучшим образом.

Ведя толая на поводу, ведун вступил за стены аула. Зверья на улицах было мало, холодный ветер свистел меж глинобитных мазанок. Царила довольно странная тишина – лишь в стороне от ворот, у зайчушни, стайка детенышей увлеченно гоняла по улице тарантула.

Немногочисленные прохожие с подозрением следили за вооруженным гостем. Касаяков и кумтышканов встречалось поровну, никто не носил ни одежды, ни поясов – сказывалась близость к границам. В отличие от центра полигона, где люди не появлялись с пятидесятих годов, здесь приходилось регулярно от них скрываться, выдавая себя за «простых» грызунов.

Жители подземного города Дегелен всячески стремились унижить, осмеять или обляять обитателей границ – за дикость – но здесь, на севере, «цивилизованность» мало кого волновала. Выжить бы, да сохранить потомство. О большем в этих краях мечтать было не принято.

Отыскав памятник Адзомолг-батыру, Темир сразу увидел свою цель посреди выгона и даже ругнулся с досады. Высоченный белый трехосный дизельный грузовик с красными «медвежьими лапками» на бортах – каким местом думают его хозяева, любопытно? И как он вообще так далеко на север добрался, по местным дорогам, этакая-то мишень?

Полный решимости высказать непутевым путешественникам все, что о них думает, Темир быстро направился к машине. Хозяина узнал сразу; месяц назад, в Дегелене, именно этот робкий, неуклюжий пожилой лемминг нашел одного из последних природных мутантов и уговорил его послужить проводником "гуманитарной миссии" к дикарям за Зоной. Не то, чтобы Темира заботило здоровье одичавших племен – ему до них просто не было дела, однако идея посетить территорию людей показалась привлекательной.

О, поживиться в тех краях было чем... Пределом мечтаний Темира, как, впрочем, и всех степных стрелков, до сих пор оставались зеленые лазеры на урановых батарейках; разработанные для ослепления камер на спутниках-шпионах, они были достаточно мощными для обороны от любого врага в царстве грызунов, но главное,

не нуждались в боеприпасах. На полигоне еще с семидесятых годов сохранилось несколько сверхсекретных прототипов советского производства, и ценились они сегодня раз в триста дороже собственного веса в кумысе...

Завидев гостя, старый лемминг с улыбкой шагнул ему навстречу, но в этот миг из-за фургона скользнула пушистая тень и застыла на пути ведуна вздыбленной щеткой. Невозмутимый обычно толай захрипел и попятился, натягивая повод, Темир слегка вздрогнул.

– Стоять! – приказал дварг. Его гладкая, лоснящаяся пепельная шерсть поднялась дыбом. – Кто такой?!

– Тише, Туман, тише! Он с нами! – старик тронул грозного воителя за плечо. Для этого ему пришлось нагнуться: как и все североевропейские мыши-малютки, ростом пепельно-серый Туман едва достигал пояса взрослого кумтышкана или бурундука, внешне напоминая меховой шарик с хвостом и длинными усами-вибриссами.

Темир удержал смешок:

– Телохранитель? – поинтересовался у старика. Туман фыркнул, но врач совершенно серьезно кивнул:

– Не суди по росту о доблести, – отозвался спокойно. – Знакомься, Туми: Темир Кубыланды, наш проводник. Темир-перед тобой бесстрашный Туман, младший сын Деянира, потомка Трора, из рода самого Тэлема. Он идет с нами, чтобы совершить подвиг и шагнуть из юности во взрослую жизнь.

С пушистой мордочки настороженно смотрели маленькие, темно-карие глазки с огромным круглым зрачком.

– Мутант? – подозрительно спросил дварг. – Природный, от рождения? Кровью не харкаешь?

Темир молча покачал головой. Крохотный воитель смерил его сомнительным взглядом:

– Твои стрелы пахнут кровью, – сказал внезапно. Следопыт от неожиданности моргнул.

– Верно, – он удивленно взглянул на дварга. – Пару часов назад, по пути сюда, я расстрелял группу разбойников.

– О! – старый врач отпрянул. – Темир, но как же...

– Они напали первыми, – отрезал ведун.

Старик, поникнув, лишь вздохнул. Зато шерсть дварга слегка улеглась, очевидно, слова Темира ему понравились. Фыркнув для остратки, Туман отошел назад, смешно переваливаясь на коротеньких лапках. Старый лемминг покачал головой.

– Что ж... Не мне тебя судить. Рад видеть, Темир, – они обменялись рукопожатием. – Кажется, приключения начались даже до выхода...

– Эрих, что это значит? – оборвал Темир, указав на грузовик. – Я ведь говорил: отправляться за Зону можно только пешком, без одежды и техники. Если люди поймут хоть одного зверянина и узнают о нашем существовании...

Врач согласно кивнул:

– Я помню, друг мой. Мы оставим фургон в Жаксы.

– Жаксы?! – ведун отпрянул всем телом. – Ты не говорил, что собираешься туда ехать!

Старик с удивлением поднял коротенький хвостик.

– В Жаксы ожидает контейнер, доставленный по железной дороге, мы должны...

– Эрих! – напряженно оборвал Темир. – Единственный путь в Жаксы идет вдоль Сизого каньона.

Лемминг моргнул.

– И... что?

– Никто не ходит Сизым каньоном уже двадцать лет, – терпеливо объяснил следопыт. – Там испытали секретную бомбу. Неизвестный яд сочится из-под земли, кумыс против него бессилён. Даже дикари, жившие по соседству, давно перебрались на юг.

Растерянный старик нервно сцепил лапки.

– Но я сам прибыл сюда через Жаксы, на аисте с пересадками. Грузовик нам выдали в Дегелене. Мы не можем воспользоваться птицами для обратного пути только потому, что везем тяжелый груз с...

– Эрих, – мягко прервал Темир, – С тех пор, как Сизый каньон стал гиблым, передать весточку из Жаксы могут только птицы. Больше никто. Туда не добраться ни по воде, ни по суше.

– И мы должны верить, что за четверть века, так никто ни разу и не сунулся в Сизый каньон? – насмешливый голос заставил всех обернуться. Из кабины грузовика,

на землю спрыгнул крохотный, ростом с бурундука сычик-эльф с гладкими, темно-русскими перьями. Его плоскую, широкую мордочку с огромными желтыми глазами уродовал страшный шрам поперек лицевого диска, крючковатый клюв хищно поблескивал. Сгорбленный, когтистый, с подбитым левым крылом, незнакомец имел столь зловещий вид, что Темир даже попятился. Края клюва русоперого сычика тронула ехидная усмешка: к подобной реакции он явно привык.

– Не представишь? – спросил он старика.

Эрих нервно сглотнул.

– Э-э- э... Знакомся, Темир: наш спутник...

– Таурон де Маар, собиратель костей, или "алхимик", как он себя кличет, – хмуро прервал ведун.

– Ого, да меня знают! – рассмеялся сыч.

Темир стиснул зубы.

– В Кушмуруне тебя все-е знают, – протянул он с плохо скрытой ненавистью. – Скольким мышкам ты скормил свое пойло под видом любовного эликсира? Знаешь, что с ними потом было?

Таурон криво усмехнулся и щелкнул клювом.

– Поумнели, дружок. Поумнели.

Темир резко обернулся к Эриху:

– Эта птица – лжец, аферист и шарлатан, а вдобавок хищник. Что он здесь делает?

– Едет с вами, – холодно отозвался сыч.

Старый Эрих со вздохом развел лапками.

– Темир, я не знаю, что за слухи бродят среди темных зверян, но почтенный Тау де Маар – лучший биолог из всех, кого я знаю, а я знаю многих, мой друг...

– Его не будет в одном отряде со мной, – отрезал ведун.

Молчавший до сих пор Туман гневно фыркнул.

– Это тебя не будет в одном отряде с нами! – бросил он надменно. – Следопыт, фих-х- х! Ты не учуешь и вчерашних следов!

Бледный врач, кусая губы, вышел вперед:

– Друзья, друзья! – он поднял лапки. – Во имя милосердия, успокойтесь! – старик обернулся к Темиру и сказал, понизив голос:

– В Чернобыле умер последний байбак. К лету у них не останется кумыса.

Темир поперхнулся. Уставился на лемминга квадратными глазами. Тот неохотно кивнул:

– Лучевая болезнь уже начинает косить зверян, если срочно не доставить им новые эмбрионы, на Земле станет одной обитаемой зоной меньше. Мы последняя надежда.

Ведун открыл пасть и, несколько мгновений, молча глядел на врача. Тот не выдержал первым:

– Прости, – Эрих отвел глаза. – Никто не соглашался вести нас через полконтинента.

– И ты... – Темир задохнулся, начал снова, – ...решил, что поведу я?!

– Только до Жаксы! – быстро отозвался старик. – Там ждет контейнер, мы спрячем груз в 108–м человеческом поезде, идущем без пересадок прямо на Украину. Ты же знаешь, все карты бесполезны – их рисовали четверть века назад, а горы меняются каждую весной, ледники прогрызают в скалах новые пути и обрушивают старые. Ты ведун, у тебя врожденный дар находить дорогу – больше никто не справится! Проведи через горы и возвращайся!

Темир стиснул зубы.

– Мы не дойдем до железной дороги. В каньоне еще никто...

– Каньон предоставь мне, – резко оборвал Таурон.

– И что ты сделаешь, шарлатан?! – взорвался Темир. – Потрясешь амулетом?!

Сычик зло усмехнулся.

– Тебе бы я с радостью продал парочку амулетов... – он картинно вздохнул.
– ...да, к сожалению, ты нам нужен живой. Придется раскрыть тайну.

Следопыт насторожился.

– Тайну?

Смерив его взглядом, исполненным невыразимого презрения, Таурон обернулся к фургону, пару мгновений рылся внутри и, наконец, выудил клювом массивный сундук. Внутри оказался набор пробирок и стеклянная банка, где трепыхалась тусклая ночная бабочка.

– Смотри, – ловко пользуясь клювом, когтями и здоровым крылом, алхимик вытащил из сундука небольшую пробирку и протянул Темиру. – Что внутри, можешь сказать?

Ведун, тяжело дыша, поднял склянку. Потряс, посмотрел на свет.

– Ничего нет...

– Дурак! – бросил Таурон. – Если сосуд пуст, это еще не значит, что там нет ничего! В склянке воздух.

Темир нахмурил брови.

– И?

– Воздух бывает разный, – сухо произнес алхимик. Отобрав у Темира пробирку, он осторожно откупорил ее клювом и, держа двумя когтями, перевернул над банкой.

Выглядело это на редкость глупо – ведь склянка казалась пустой. Но, прямо на глазах удивленного Темира, сидевшая в банке бабочка вдруг дико заметалась, дергая крыльями невпопад. Прошло несколько мгновений, и насекомое упало на дно, поджав лапки в конвульсиях. Таурон молча выудил бабочку когтем, склюнул и посмотрел на следопыта.

Тот, кусая губы, переводил взгляд с пустой банки на пробирку и обратно.

– Что это меняет?

– Я знаю, почему звери гибнут в каньоне, – терпеливо, как ребенку, объяснил Таурон. – И у меня есть противоядие. Мы пройдем без помех. Дальше начнется твоя работа – искать перевал. Не забывай, мутант, ты подписал договор! Правительство с позором лишит тебя регистрации, если откажешься идти!

Темир стиснул зубы.

– Никто, нигде, никогда не скажет мне и слова, – ответил он с расстановкой, – когда узнает, куда вы направляетесь в действительности. Более того, на самом деле в Дегелене с позором предадут огласке вашу "историю", поскольку вы открыто и нагло меня одурачили, заставив приехать в это самим Эшмаком позабытое захолустье, и лишь потом открыв истинную цель!

– Правда? – Таурон ухмыльнулся. – А ты внимательно читал договор?

Темир сузил зрачки.

– В смысле?

– Я хорошо знаю свое дело, – мрачно сказал алхимик. – А невидимые чернила – трюк старый. В копии договора, что осталась в Дегелене, черным по белому сказано, что мы едем в Чернобыль. И ты его подписал, ведун.

Темир дернулся вперед, рука сама потянулась к метательному ножу. Таурон насмешливо прищурил глаза:

– Что, добавишь к своим подвигам убийство нанимателя?

Следопыт вздрогнул. Тут алхимик был прав: преступления хуже, чем наняться проводником, а затем погубить клиентов, представить было трудно. Эшмак с ней, с оглаской – в нынешние времена ведун мог хоть всю жизнь промышлять, не посещая город... Просто такой поступок был Темиру не по нутру.

Сплюнув, он бросил на Таурана презрительный взгляд и обернулся к Эриху.

– Я возвращаюсь в Дегелен.

– Темир, умоляю, – тихо сказал старик. – В Чернобыле обитают тысячи зверян и никто, кроме нас, никто в целом свете им не поможет. Если мы не дойдем, на Земле останется лишь одно место, где пушистые могут жить, не опасаясь людей.

– Ты ничем не рискуешь, – совсем другим тоном, очень серьезно вставил Таурон. – Мы расстанемся у железной дороги, никто не просит тебя ехать на Украину. Чего ты боишься?

Темир криво усмехнулся.

– Боюсь? – переспросил он. Резко отвернувшись, он подошел к седлу толая и вынул из сумки кожаный футляр. Бережно достал карту.

– Иди сюда, смельчак, – он развернул свиток и повелительным жестом подозвал Таурана. – Гляди. Дня за два мы достигнем границ полигона и повернем на восток. Оттуда до Хребта Голодной Кошки километров тридцать, а сам хребет тянется на сотни, до самого Иртыша, и он совершенно непроходим. Верьте, ведуны ЧУЮТ, когда дороги НЕТ, – следопыт указал на маленькую линию у края карты. – Вот единственный путь.

– Сизый каньон? – робко спросил лемминг.

Темир тяжело кивнул:

– Он узкий, почти прямой и довольно длинный, километров пять. И глубокий. Очень глубокий. Его дно спускается гораздо ниже, чем мы сейчас. Каньон не затопило лишь потому, что там течет небольшая речка Узын Кюрик, впадающая в Шаган, а тот несет ее воды дальше, в Иртыш.

– Та-ак... – глубокомысленно заметил Таурон. – Все сходится...

Следопыт бросил на сычика гневный взгляд.

– Не знаю, как ты намерен защитить нас от яда, но не забывай, что толай тоже дышит, а дизелю требуется больше воздуха, чем всем нам! У тебя и для них противоядие имеется?

– Повторяю, каньон – моя забота, – с раздражением ответил Таурон. – Расскажи лучше, что ждет нас после.

Темир хмыкнул.

– За каньоном? Я никогда там не был.

– Тебя потому и наняли, что умеешь находить дорогу в местах, где никто не бывал!

– Дорогу? – насмешливо переспросил ведун. – Дорог там нет, Таурон. Совсем. Раз в год там сходят ледники, они бороздят скалы, получается как стиральная доска, только огромная. В этом месте грузовик придется разобрать.

– Разобрать?! – хором переспросили Эрих и Туман. Темир мрачно кивнул.

– А вы чего ждали? Поклажу понесет толай, а запчасти придется тащить волоком, они позже пригодятся, по ту сторону перевала. Машине горы не одолеть, Эрих: с высотой появится снег, а после и снежные барсы...

Он вздохнул.

– Хоть сам я и не бывал на перевале, по рассказам старых следопытов мне ведомо, чего ждать. Там дикая стужа и трудно дышать. Имейте в виду, толай долго не протянет – очень быстро мы останемся пешими посреди ледяного ада, с неподъемным грузом и на такой высоте, что простое дыхание превратится в муку!

Старый врач сглотнул. Темир хрипло рассмеялся:

– Нравится? А ведь перевал – самая низкая точка в горах. И все равно, до нее больше километра, если брать отсюда прямо вверх!

– А что за перевалом? – спокойно спросил пушистый Туман.

Ведун поперхнулся.

– За перевалом? Хе-марак... Ну, если каким-то сумасшедшим образом мы не попадем в лавину, не замерзнем насмерть, не задохнемся и не провалимся в ледяную каверну глубиной в полкилометра, то за перевалом начинается длинный пологий склон прямо до Иртыша. Тут-то и пригодятся остатки фургона: смастерим сани с парусом, и будем в Жаксы за день. Если, конечно, не случится пурги... – Темир покачал головой. – В это время года, да на такой высоте... Начнется пурга, мы сгинем. Без вариантов. Попросту задохнемся, если прежде не обратимся в льдышки.

– Звучит мрачновато, – пробормотал Таурон.

Темир криво усмехнулся.

– Звучит? Помяните мое слово: каждый из вас проклянет миг, когда решил идти!

Туман фыркнул.

– А если остаться, мы будем вечно, до последнего вдоха проклинать каждый миг собственной жизни, купленный такую ценой!

Ведун косо взглянул на пушистого дварга.

– Отучаемся говорить за всех... – буркнул он, сворачивая карту. – Ну? Одумались?

Эрих долго молчал.

– Тау, – сказал он затем, не глядя на следопыта. – Боюсь, нам потребуется больше снаряжения.

Ведун со стоном зажмурился и прижал ладони к вискам. Решение было принято, и все, включая самого Темира, прекрасно это понимали.

В лучах утреннего солнца, на фоне слепяще-яркого белесого неба, скалистые шпили Дегелена казались трещинами самого мироздания. Здесь ничего не росло, безжизненную пустыню скрашивали лишь удивительные круговые россыпи каменной крошки-с высоты, пейзаж напоминал застывшие волны. В детстве Гюрза слышала, будто такие следы остаются от подземных ядерных взрывов, когда земля действительно расплескивается от эпицентра твердой водой. Верилось с трудом, ведь сама Гюрза испытаний уже не застала: объект «Дегелен» был закрыт и обнесен ключей проволокой задолго до рождения ее прадеда.

Дозиметр на приборной панели трофейного пикапа давно упирался в красную зону. Селевиния с тревогой поглядывала на сына, молча сидевшего в пассажирском кресле; она, конечно, заставила малыша выпить целый глоток кумыса, но материнское сердце, как известно, с разумом дружит редко. Лапки самостоятельно давили на акселератор, выжимая из старенького пикапа все соки.

Утесы нависали над головой, резкие переходы между светом и тенью жалили взгляд. Кое-где в трещинах виднелись хищные стволы пулеметов, зловеще поворачивавшихся вслед внедорожнику. Если б Гюрза не переставила на пикап опознавательный маячок «свой-чужой» из тягача, городская охрана давным-давно расстреляла бы «бандита».

Очереди на Западном пропускном пункте не оказалось; редкая удача в это время года. Пограничники с плохо скрытым недоверием выслушали рассказ о кипчаке, высадили Гюрзу с ребенком из машины и, добрых полчаса, обыскивали пикап. Ускорить процесс не помог даже знакомый офицер, помнивший, как неделю назад Гюрза отправилась сопровождать караван с этого самого пропускного пункта.

Пока все формальности, наконец, были улажены и пикап оформили на новую владелицу, селевиния уже была готова кусаться. Грубо хлопнув дверцей, она затянула ремень безопасности на мышонке и вдавила газ до пола. Взревев двигателем, внедорожник прынул с места и нырнул в главный транспортный туннель.

Чтобы не попасть в пробку на жилом ярусе, Гюрза свернула на служебный, где движение было не таким напряженным. Обгоняя неуклюжие грузовики, она вела машину вдоль рядов отработанных гидропонных цистерн, ожидавших дезактивации. Света в Дегелене хронически не хватало, почти все электричество от замаскированных в пустыне солнечных батарей пожирала фермы. Большинству горожан, впрочем, это проблем не создавало-они принадлежали к подземным видам и чувствовали себя в Дегелене, как в родных норах.

Селевинии тоже считались ночными зверьками, но за годы работы в шахтах Гюрза получила устойчивую боязнь темноты и, с тех пор, ненавидела Дегелен. В поисках лучшей доли завербовалась в спецназ, прошла интенсивную боевую подготовку в Кушмуруне, но покинула отряд, когда командир, проведая о прошлой «работе» пулеметчицы, попытался... Больше не попытается, криво усмехнулась Гюрза, вспомнив прыжки и вопли мерзавца. Пришлось переехать с едва родившимися мышатами в пограничный городок Нэнэке-Улус.

Имя вновь, как и всякий раз, пустило вдоль спины холодок. Селевиния до сих пор не понимала, каким чудом выжила в ночь гибели города. Вернувшись с единственным уцелевшим сыном, сумела скопить деньги на покупку «Саранчи», стала наемницей, пару раз успешно водила караваны мимо Жаровни. Даже поверила, что в жизни наступает белая полоса... Ага, шас...

Гюрза стиснула зубы. Бросила короткий взгляд на сына, тихо сидевшего в соседнем кресле.

– Ничего, малыш, – пробормотала селевиния, яростно дергая кончиком хвоста.
– Мы еще выберемся на поверхность. Все изменится, мой милый, клянусь. Все изменится...

Она резко свернула в другой туннель и помчалась вниз по спиральному пандусу. Город Дегелен был построен в старом советском бункере, уцелевшем при ядерных испытаниях, но получившим достаточно радиации, чтобы навсегда отбить у людей желание его посещать. Новые обитатели, зверяне, за много лет превратили гигантскую искусственную пещеру в довольно уютное жилище, воздух в котором очищался мутировавшими водорослями.

Главным сокровищем новых хозяев Дегелена был кумыс-молоко сурков-мутантов, по привычке звавшихся байбаками. Тучные и малоподвижные, начисто лишенные разума, байбаки не прожили бы в дикой природе и суток, поскольку мутация сделала их беспомощными и неспособными искать пропитание. Но, к счастью для всех обитателей полигона, молоко байбаков обладало фантастическим свойством: даже один глоток кумыса наделял иммунитетом к жесткому излучению на несколько дней, а уже облучившимся – моментально восстанавливал здоровье. Верующие в культ «проекта Генезис» уверяли, будто так было задумано неведомыми создателями первых зверянь, специально для освоения радиоактивных полигонов-единственных на Земле мест, где мыслящие могли жить почти нормальной жизнью, не опасаясь ежесекундно истребления от людей.

Большую часть пространства бывшего бункера занимали многоэтажные фермы, где десятки тысяч байбаков непрерывно производили драгоценный кумыс. Жизнь всего полигона зависела от бесперебойности поставок, но гигантскую орду зверей приходилось кормить, а растить зерно для байбаков было негде-зараженная земля полигона оставалась бесплодной.

Зверьянам пришлось разработать уникальную подземную гидропонику, для поддержания которой требовались бесконечные, разветвленные, прокливаемые всеми шахты. Каждая штольня, как правило, служила не дольше полугода – радиоактивные грунтовые воды быстро уничтожали плантации, и все приходилось начинать заново. Не помогали даже столь экстремальные меры, как подмешивание кумыса к воде гидропонных баков...

Знакомая вывеска над улицей прервала невеселые мысли. Спихватившись, Гюрза ударила по тормозам. Натужно воя мотором, старенький пикап с трудом взобрался по крутому пандусу и остановился у дверей мастерской «Хладнокровный кузнец».

На звук из окошка на втором этаже выглянул хозяин-одна из исключительно редких в Дегелене разумных рептилий, глазчатая ящерка-самец по имени Иосиф. В свое время Гюрза познакомилась с ним на рынке гидратированной саранчи-подавляющее большинство жителей Дегелена питались растениями и зерном, а селевиния, как и красивая серо-бурая ящерка с отороченными черным голубыми пятнами на боках, в пищу употребляли только насекомых. Это делало их «чем-то вроде хищников», обеспечивая весьма косые взгляды со стороны растительных видов.

– Оторвите мне хвост... – пробормотал Иосиф, открыв от удивления пасть. – Гюрза-джан! Какие покрышки! Ты уже вернулась? Ох, вернулась, я-то о чем, я-то... Оппаньки, да еще и с ребенком, в кои-то веки... – гибкий ящер выскользнул из окна и прямо по вертикальной стене сбежал вниз. Гюрза заглушила двигатель.

– Привет, Изя, – буркнула она, выходя из машины.

Ящер торопливо оббежал пикап по кругу, изучая колеса.

– Оторвите мне хвост, оторвите хвост... – Иосиф внезапно сильно вздрогнул и, рывком, обернулся к подруге: – Ты же не собираешься оставить такое чудо на ржавой развалюхе, да? Ты ведь для этого приехала, да? Да?

– Да, Изя, – устало отозвалась Гюрза. – Мне нужен пескоход. И солярка.

Ящер понимающе закивал:

– Проблемы с нанимателями?

– Это еще мягко сказано... – пробормотала селевиния и кратко поведала свою историю. Иосиф осуждающе пошипел.

– Значит, тягач замаскирован в пустыне? – он прикрыл внутренние веки и весь изогнулся, с надеждой уставившись на гостью. – А что мне за помощь? Ты ведь отдашь покрышки старому другу? А? Отдашь?

Гюрза развела лапками.

– Отдам. Мне сейчас не до роскоши.

Иосиф просиял, его длиннющий хвост ракетой взмыл к своду.

– Гюрза-джан! О спасительница! Вай-ме, вай как хорошо! Дам лучший пескоход, два-шестнадцать, оторвите мне хвост если вру, а то!

– Два-шестнадцать? – недоверчиво переспросила Гюрза. – Очумел? Мне нужно багги, а не мотоцикл!

– А багги сейчас нету, – моментально отозвался ящер. – Э, дорогая, какое сейчас время для багги?! Они знаешь, сколько бензина жрут? Ох! Не напасешься! Я соберу такой два-шестна...

Селевиния молча провела лапкой вдоль губ в жесте «закройся». Давно привыкший к ее манере общения, Иосиф послушно умолк и наострил хвост.

– Я не собираюсь таскать сына на мотоцикле, – резко заметила Гюрза. Открыв дверцу пикапа, она расстегнула ремень безопасности и взяла Сая на руки, мышонок сразу обнял мать.

– Нужен закрытый четырехколесный пескоход, как минимум восемь-семьдесят, а лучше восемь-сто десять. С фильтрацией.

Ящер приоткрыл пасть и вновь захлопнул. Помолчал, опустив внутренние веки.

– Не хватит, – заявил он, наконец. – Покрышки хорошие, не вру. Но столько не стоят.

– Бери в придачу пикап.

– Таковую рухлядь бесплатно не возьму, Гюрза-джан! Обижаешь, да?

– Тебя обидишь, как же... – пробормотала селевиния. – Ладно. Давай так: сейчас бери пикап вместе с покрышками, а когда я вернусь на тягаче-мы его продадим и поделим кумыс поровну.

Иосиф помолчал, раздумывая над предложением.

– Нынче на машины с большими моторами спроса нет... – протянул он после паузы.

– Даже на шахтах?

– А там дизель не возьмут, у них нормативы на выбросы, Гюрза-джан.

Селевиния стиснула зубы.

– Волосатый Эшмак, об этом я позабыла...

– А я помню, – вздохнул Иосиф. – В общем, Гюрза-джан, не могу. Прости, родная, как сестру люблю, но-не могу. Семью кормить надо, понимаешь, да?

Гюрза моргнула.

– Семью? Какую семью? Вы ж яйца откладываете, да и забываете про них!

Ящер оскорбленно вскинул голову:

– Ай-ай-ай, темное ты существо, Гюрза-джан. Даже не знаю, обидеться, что ли?

А?

– Ты обижаться не умеешь, чешухвостый.

Иосиф усмехнулся.

– Смотря на что, драгоценная, – тихо отозвался он совсем другим тоном, но тут же вновь встрепенулся: – Как не знаешь, а? Мой вид живородящий. Только два вида ящурок так умеют.

Гюрза гневно свернула ушки:

– Ладно, живородящий ты мой, только вот для семьи обычно еще и самочка требуется...

– А что мы все про семью, да про семью? – поспешно оборвал Иосиф. – Тоже мне, тема! Ладно, закроем тему... Гюрза-джан, в общем так. Отдавай пикап, отдавай тягач как есть, получишь восемь – сто десять с фильтрацией.

Селевиния прищурила глаза.

– Тягач стоит семь-восемь литров. Не жирно будет, а?

– А солярка? А риск? А если не смогу продать? А если он в плохом состоянии?

– Ты ж его сам мне толкнул, прохвост ты этакий!

– Но как ты с ним обращалась! Кто знает? Гюрза-джан, как сестру люблю, но в таких делах я и сестре не доверяю, оторвите мне хвост, если вру.

– Че-то мне подсказывает, не врешь, – процедила селевиния сквозь зубы.

Помолчала, раздумывая над ситуацией.

– Я могу подать в суд на Матушку Мирту за невыполнение контракта? – спросила угрюмо. Иосиф с грустью покачал головой:

– У тебя нет свидетелей.

– Но они же...

– Они скажут, что ты ночью похитила канистры и бросила караван в пустыне.

Четверым поверят скорее, чем одной бывшей наложни... – ящер запнулся, – ...наемнице.

Гюрза понимающе усмехнулась.

– Ясно. Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие.

– Знаешь человеческую классику, Гюрза-джан? – удивленно спросил Иосиф.

Селевиния скрипнула зубами:

– Я умею читать, Изя. И говорю на трех языках. Я не всегда жила... так.

Ящер встрепенулся:

– Погоди, бриллиант моей души, погоди. Говоришь на трех языках? Трех человеческих языках? А русским владеешь?

– Свободно.

– Оппаньки... – Иосиф ошалело посмотрел на собственный хвост. – Откуда?!

– Не важно, – угрюмо отозвалась Гюрза.

– А все-таки?

– Сказала, не важно! – огрызнулась селевиния. Ящерка озадаченно попятилась, Гюрза вздохнула. – Ну... На моей первой работе... До спецназа... Иногда приходилось, м-м– м, читать человечьи... Руководства, да. Инструкции всякие.

– Оу-у– у, – протянул Иосиф.

– У-у– уо. Селевинии – самый редкий вид грызунов, вот клиентам и хотелось... Необычных услуг, – Гюрза яростно стиснула коготки. – Доволен? Все выведал? Не желаешь меня заценить? Ты, вроде, самец.

– Зачем так, Гюрза-джан? – ящер обернул хвостом ноги. – Друзей обрести трудно, потерять легко, знаешь... Эх... Бриллиант мой, истинно говорят: пусть алмаз неграненый, да под верным углом и он заблестит. Хочешь подзаработать?

Гюрза встрепенулась:

– Как именно?

– Да есть одно дело... – ящер огляделся и понизил голос. – Ко мне вчера клиент заходил, из контрразведки, да ничего такого не думай, у него пескоход сломался. В общем, разговорились...

Гюрза насторожила ушки.

– Да-да?

– Позавчера человечья ПВО сбита беспилотник, летевший из Афганистана. Плюхнулся километрах в тридцати от Дегелена, рядом как раз был наш патруль, – Иосиф многозначительно подмигнул. – Они решили поскорее осмотреть обломки, авось удалось бы стащить пару деталей до появления людей, да только беспилотник оказался, гм... Не совсем беспилотным.

– Это как? – не поняла Гюрза. Ящер помахал длиннющим хвостом.

– По словам разведчика, на борту был контейнер, залитый баллистическим гелем, а в нем-какой-то странный мышонок с волосатым хвостом. Говорил он только по-русски да по-английски.

Глаза селевинии загорелись:

– Подопытный!

– Определенно, – согласился Иосиф. – А сейчас главное: у них в отделе с человеческими языками туговато. Парень меня даже просил навести справки, есть ли в городе переводчики... Сечешь, чем пахнет, Гюрза-джан?

Селевиния сглотнула.

– Работа в органах!

– Вай, как повезло, да, родная? Как сестре рассказал, ничего не утаил, видишь теперь?

Гюрза нервно дернула хвостом и, отрывисто, кивнула:

– Спасибо. За мной не пропадет. У тебя тут есть, кому приглядеть за ребенком? Не хочу брать с собой, мало ли... К тому же он и так за последние дни навидался всякого.

Иосиф перевел взгляд на тихо прижимавшегося к матери мышонка. Улыбнулся.

– Редкостный окрас, да. Раньше почему не водила ко мне детей? Красивый малыш.

Гюрза подозрительно воззрилась на ящера, но у того в глазах не было и тени насмешки.

– Спасибо...

– А где остальные? – осведомился Иосиф. – Твой вид, я помню, рождает не менее трех?

Гюрза сильно вздрогнула. Перед глазами, как наяву, встали языки пламени, сирены, боль в обожженных до мяса лапках. Жуткие, чудовищные силуэты на горизонте. Люди в противогазах. Огнемётные тележки. Запах, запах горелой плоти...

– Остальные в Нэнэке-Улусе, – мертвым голосом отозвалась селевиния. Ящер отпрянул.

– Прости.

– Все нормально, – Гюрза сглотнула, с трудом успокаивая сердце. – Так иногда случается. Чаше, чем хотелось бы, но... Все нормально.

Ее лапка ласково коснулась шерстки сына.

– С той ночи Сай не разговаривает.

Иосиф стиснул коготки.

– Мы поквитаемся за Нэнэке-Улус, – сказал он тихо, совершенно непохожим на обычный тон. – Рано или поздно, мы поквитаемся за каждый разрушенный город, Гюрза-джан.

– Только не забудь пустить мне звонок, – усмехнулась селевиния. – Пропустить такой день будет обидно. Ну? Приглядишь за ребенком?

– Сейчас, я только освобожу ему комнатку... – Иосиф проворно взбежал по вертикальной стене и скрылся в окне. Гюрза присела на корточки и поставила перед собой испуганного сына.

– Сай, тебе придется немного побыть одному.

Мышонок вздрогнул, беспомощно прижал ушки. У Гюрзы екнуло сердце.

– Не бойся, я буду совсем рядом! Маме нужно попробовать устроиться на работу, а ты пока поиграй с милой ящеркой. Да? Нарисуй ее! Ты ведь любишь рисовать, малыш. Видел, какой у нее длинный хвостик?

Сай замотал головой и вцепился в лапку Гюрзы. Та потрепала его по шее.

– Ну же, не бойся. Я никому не дам тебя в обиду. Да? Побудешь с маминим другом, пока я не вернусь?

Мышонок в отчаянии замотал головой, в уголках глаз показались слезы. Гюрза, помолчав, тяжело перевела дух и опустила голову.

– Ладно. Обещаешь не шалить и сидеть тихо?

Сай лихорадочно закивал. Селевиния, лизнув его в нос, выпрямилась и обернулась к подошедшему Иосифу:

– Малыш боится без меня оставаться.

– Ну так бери с собой, в чем загвоздка, родная?

– Нет, ни в чем... – Гюрза вздохнула. – Куда идти?

– Едем на твоей машине, – ящер хлопнул внедорожник по капоту. – Пешком далековато выйдет. Да, и еще... – он снял с ремня флягу и протянул Гюрзе. – Глотни.

– Зачем? – селевиния с опаской принялась. – Кумыс?

– Ты облучилась.

– Справлюсь сама, не впервой...

– Глотни, говорю! – Иосиф нахмурился. – У тебя уже глаза красные. Ну?

Повторять просьбу не пришлось. Жмурясь от наслаждения, Гюрза жадно припала к фляге, чувствуя, как божественный нектар наполняет тело новыми силами. Ящер терпеливо ждал, пока кумыс вычищал гостя кровь.

– Лучше стало?

Гюрза с огромной признательностью ткнула носом в плечо Иосифа.

– Спасибо... С чего это ты такой щедрый?

– Родная, от степных повадок-то отвыкай, – невесело буркнул ящер. – Деньги деньгами, а жизнь, ее, знаешь, монетами не измерить.

Гюрза промолчала, хотя ей очень хотелось спросить «даже на шахтах?». Но это было бы грязно и нечестно по отношению к Иосифу. Поэтому, лишь благодарно кивнув, она забралась на водительское сидение и усадила рядом Сая. Ящер занял правое кресло.

Дорога отняла минут десять и завершилась на заднем дворе невзрачного цилиндрического строения в рабочем квартале Дегелена. Над обшарпанной дверью висела покосившаяся табличка «Мышгорвнешстрой фил. №7», ниже мелом была нарисована большая стрелка и приписано от руки – «филиал переехал на ул. Мышкевича, 15а».

– Здесь? – удивленно спросила Гюрза, выбираясь из пикапа. Иосиф ухмыльнулся.

– А ты ожидала вывеску «Контрразведка»?

Селевиния прикусила язык. Следом за ящером, ведя Сая за лапку, она вошла в пустое прохладное фойе, освещенное целой россыпью новомодных светодиодов.

– Подожди пару минут, я все разузнаю... – Иосиф скрылся за одной из дверей. Немного растерянная, Гюрза улеглась на коврик для посетителей, к ее боку тут же приткнулся мышонок. Селевиния механически потрепала его по голове.

– Странно, да, малыш? – спросила вполголоса. – Сначала чокнутая птица... Теперь ящерица...

Сай преданно смотрел в глаза матери. Гюрза, улыбнувшись, дернула его за ушко.

– Ничего, малыш, прорвемся. Настанет день, вот увидишь, и нам не придется прятаться под землей. Жить в ядовитых степях, терять детей в огне... – Гюрза запнулась и гневно свернула уши трубочками. Помолчала. – Ты не голоден?

Сай закивал. Селевиния, вздохнув, вытащила из поясной сумки горсть молотых жуков и протянула мышонку:

– Ешь аккуратно, это последние.

Радостный малыш вгрызся в лакомство. Гюрза устало закрыла глаза, но долго отдыхать ей не дали-вернулся Иосиф. С ним пришла худенькая, щуплая белая домовая мышь в столь же белом халате.

– Я в мастерскую, – сказал ящер и кивнул на мышку: – За вами присмотрит Айжамал Акылжан-Карлагаш из отдела кадров.

Селевиния вежливо кивнула:

– Здравствуйте. Я Гюрза. Как змея, только не кусаюсь.

Мышка слабо улыбнулась. Иосиф дольно потер лапки:

– Здорово, вот и подружались! А насчет благодарности... – он подмигнул,
– ...загляни в мастерскую, как тут закончишь.

– погоди! – Гюрза подбежала к ящеру. – Блокнот есть?

Чешуйчатый кивнул:

– А что?

– Дай! – Селевиния быстро набросала схемку и добавила координаты GPS.

– Вот здесь я замаскировала тягач. Десяти литров солярки хватит.

Иосиф с усмешкой спрятал блокнот в кармашек на поясе.

– Ладно, разберемся. Ну, бывай, о бриллиант, ожидающий огранку! Потом расскажешь, что вызнала у подопытного... – Ящер сладко потянулся и вышел на улицу.

Гюрза и Сай остались наедине с белой мышью.

Глава 3

Первые сутки в пути пронеслись быстро. Грузовик, перекрашенный в хаки по настоянию Темира, трясся по старой дороге, следопыт на своем толае скакал впереди. Эрих и Таурон сидели в машине, что же касается Тумана, тот был слишком неугомонным и путешествовал на крыше.

К вечеру второго дня, граница полигона осталась позади. Она никак не была обозначена ни охранными, ни колючей проволокой; местные жители и так знали, где начинается «тастамды жер» – плохая земля.

Степь здесь, до сих пор, жила своей первобытной, изначальной жизнью. Эрих и Туман могли наивно восхищаться природой, но Темир, как, очевидно, и Таурон, родились в местных степях, а потому с напряжением глазели по сторонам. Тут, на человеческой территории, одичавшие зверяне мало отличались от зверей – разве что были куда хитрей да свирепей.

Теперь отряд возглавлял грузовик, чтобы дикари не приняли всадника-Темира за бандита, да не застрелили издали; к официальным экспедициям Дегелена местные пока еще питали уважение. Следопыт трусил на толае сразу за машиной, когда пушистый дварг внезапно свесился с крыши фургона прямо перед Темиром:

– Впереди стая бурундуков, на вид дикари, много вооруженных, – негромко сказал Туман. Толай судорожно захрипел от неожиданности, следопыт вцепился в поводья и бросил на дварга свирепый взгляд.

– Пограничное племя, – ответил резко, пытаясь совладать со скакуном. – Каждого из нас спросят, кто он и куда направляется. Отвечай только правду: среди дикарей есть мутанты, чувствующие ложь.

Туман вопросительно встопорщил шерсть:

– Как, интересно, они ее чувствуют?

– Так же, как я опасность! – выдохнул Темир. – Это шестое чувство.

– Седьмое, – миролюбиво поправил пушистый. – Шестым считается равновесие.

– Хватит пугать толая!

Туман фыркнул.

– Попроси у Таурана мазь, – посоветовал он. – Капнешь своему зайцу под ноздри, перестанет бояться.

Темир презрительно скривил хвост.

– У этого шарлатана?

– А ты попробуй, – очень серьезно отозвался Туман. – Вдруг поможет?

Мелькнула серая шерсть, и дварг будто испарился. С трудом успокоив толая, Темир решил в этот раз – только в этот – умерить гордость и воспользоваться советом.

Дорога предстояла тяжкая, а обезумевший скакун на горной тропе – ...нет уж, лучше стерпеть.

Алхимик, разумеется, не спешил облегчить следопыту задачу:

– Как? Нужно мое шарлатанское пойло? – от насмешки в умных желтых глазах птицы, Темир заскрипел зубами.

– Если зверь испугается на горной дороге, погибну не только я, но и ваш драгоценный груз.

– Он и вправду драгоценный, – мгновенно посерьезнев, сказал Таурон. – Умерь цинизм хоть на час и задумайся, что стоит на кону.

Темир смолчал. Приняв от алхимика склянку, он отъехал в сторону и спешился. Толай захрапел, ощутив запах снадобья.

– Ну, н-ну... – глядя скакуна по шее, Темир незаметно промазал ему ноздри. Спустя минуту заяц слегка успокоился и вновь позволил себя оседлать; тут же, как из-под земли, появился и Туман.

К изумлению Темира, толай действительно не обратил на дварга никакого внимания и продолжил спокойно трусить позади фургона. На пушистой мордочке Тумана сверкнула улыбка.

– Видишь? – спросил он, запрыгнув в седло и устраиваясь на шее скакуна прямо перед ведуном. – Как все просто, если дать волю разуму...

– Разумом сыт не будешь, – буркнул следопыт.

– А чем еще? – удивился Туман. – Сколько продержится грызун в этой степи? Мы в самом начале пищевой цепочки, для любого встречного зверя и птицы мы даже не добыча, а закуска. Разве природа дала нам когти, зубы, скорость или силу?

Темир усмехнулся.

– Не ропщи на природу, мышонок. Всегда есть кто-то, кому повезло еще меньше.

– Например? – взвился Туман.

– Например, я.

– Ты?!

– Я мутант, – сухо сказал Темир. – У меня никогда не будет детей. Но на природу я зла не держу.

Дварг запнулся.

– М-м– м... И почему?

– А потому, что таких, как я, создала не природа! – свирепо отозвался ведун. – Атомные бомбы не растут на деревьях!

Туман надолго умолк.

– Но тебе все равно повезло, – произнес он после длительной, напряженной паузы. Похлопал зайца-толая по боку. – Ты родился разумным существом. Частью Гenezиса. Шансы на это-все равно как выиграть в лотерею сто раз подряд.

Ведун прищурил глаза:

– Вот как?

– Я видел отчеты, статистику, – кивнул дварг. – Нас чудовищно мало, Темир. Семьдесят лет назад, пока Гenezис еще тщательно контролировали, общее число зверян на целой планете исчислялось всего лишь десятками, даже не сотнями. А потом напал Эшмак... – серый мышонок вздохнул. – Больше нет контроля. Новые мыслящие виды появляются чуть ли не каждый год, зверяне спариваются с кем хотят, не думают ни о будущем, ни об опасности обнаружения... Погляди, что творится в ваших степях! Одичавшие племена, разбойники, невежество и насилие повсюду. Не представляю, каким чудом люди вас до сих пор не нашли.

– Да знают они давно... – буркнул Темир. Туман вздрогнул:

– Что?!

– Ты всерьез думаешь, будто за четверть века ни один местный житель так и не заметил, что среди зверей вдруг начали появляться слишком сообразительные? – иронично спросил следопыт. – Не видели дикарских стоянок с вигвамами, караваны всадников из Дегелена, стражников Кушмуруна на птицах?

– Но... Но... – пораженный дварг смотрел квадратными глазами. – Люди знают, и ничего не делают?!

Темир рассмеялся.

– Ох и наивные вы в своих европах... – он бросил на серого мышонка внимательный взгляд. – На свете есть много странных вещей, Туман, рассказывать о которых не всякий решится. Любой настоящий следопыт, настоящий охотник, за долгую жизнь хоть пару раз, да и сталкивается... с Неведомым, – Темир покачал головой. – Я и сам... Видел всякое, малыш.

Туман нервно прижал ушки к голове.

– Так ты думаешь, хоть люди и замечают зверян, они молчат, боясь, что их поднимут на смех?

Темир развел лапками.

– Кто-то боится, кто-то попросту суеверен... Четыре поселка было уничтожено огнем, в Нэнэке-улусе погибли тысячи-их тоже не заметили, по-твоему? Люди-не единое целое, Туман, их много, они разные. Как и мы, – буркнул следопыт. – Ты, вон, веришь, будто некий дьявол по имени Эшмак восстал против святого плана «Генезис» и с тех-то пор райские деньки закончились... Оглянись вокруг, – Темир обвел степь широким жестом. – Ты не думал, что здесь, бесконтрольно и дико, сберечь семя разума как раз и удастся? Когда полигон только начали заселять, мыслить умели лишь кумтышканы да касаяки. С тех пор стали появляться разумные птицы, кипчаки и белки, мыши-простые и летучие, даже ящерицы по слухам уже есть. Многие целыми семьями уходят с полигона, чтобы не зависеть от глотка кумыса. Да, судьба их ждет незавидная-прятаться всю жизнь, питаться объедками с человеческих столов, а кое-кому и вовсе, дичать и вновь становиться зверьми. Но в том-то и соль! – с жаром добавил ведун. – Сегодня, зверян уже не перебить одним ударом. Мы повсюду!

Туман скептически прищурил глазки.

– Именно так и происходит вырождение, Темир.

– Дети зверян всегда рождаются разумными, – возразил следопыт.

– Только если оба родителя разумны и строго из одного вида, – мрачно отозвался Туман. – А в бесконтрольно разбросанных мелких ячейках, смешанные пары будут сплошь и рядом. Вот почему жизненно важно сохранить каждый безопасный оазис, каждую популяцию. Мы больше не звери, Темир, нам недостаточно всего лишь «выжить». Необходимо встречаться, жить вместе, поддерживать культуру-только так есть шанс сберечь народ.

– Народ... – сквозь зубы процедил Темир. Дварг тревожно склонил голову набок.

– Да, народ, – повторил он с нажимом. – Мы народ, Темир. У нас есть история, культура, традиции. Сказки и песни.

– Не напомнишь их авторов? – угрюмо осведомился следопыт. Туман жарко затряс головой:

– Это ничего не значит! Заимствование у людей неизбежно, ведь мы делим с ними планету всего семьдесят пять лет! Пока проект Генезис развивался по плану, зверяне уверенно шли в будущее, как нация, как новый разумный вид. Мы сейчас беседуем на языке, разработанном специально, чтобы его могли легко выговаривать

разные виды. А сами виды? Говорят, целые консилиумы мудрецов собирались, решая, кому следующему доверить факел разума. Почему изначально среди зверян были только мы, грызуны? Да потому, что мы крохотные и можем скрываться от человека, а лапки отлично сойдут за руки. Все было продумано, Темир, рассчитано до мелочей, а теперь? Хаос! Безумный хаос...

– Малыш, – горько прервал следопыт. – Прости, но твой «проект Генезис» – обычная религия. Можешь верить мутанту, Туми, уж я-то знаю, о чем говорю. Все разумные звери Земли – точно такие же мутанты, как я.

Он скрипнул зубами.

– Ошибка в генах наделила меня чувством опасности. Когда-то, в далеком прошлом, группа зверей внезапно научилась мыслить. Разница лишь в том, что я так и подохну одиночкой, а им удалось подыскать себе пары...

– Это чушь, Темир, – спокойно отозвался пушистик.

Они посмотрели друг другу в глаза. Туман слабо улыбнулся.

– Ты просто не осознаешь, как сильно отличаешься от простой степной песчанки. Какого цвета твой скакун?

Следопыт вздрогнул.

– Рыжий?

– Рыжий... – Туман вздохнул и разве лапками. – Ты сейчас в одном слове уместил почти все недоступные простым песчанкам понятия. Грызуны не различают цветов-раз. Неспособны издавать сложные звуки, тем более «Р» – два. Не умеют сопоставлять абстрактные описания с реальными-я ведь сказал не «заяц», а «скакун». Вдобавок песчанка не поймет слов, не различит вопросительную интонацию и даже не догадается, к кому я обращаюсь.

Он подался вперед:

– Никакая мутация, никогда не сумеет за раз поменять в организме такое чудовищное количество функций, и при этом сохранить зверю жизнеспособность и плодовитость. Это все равно, как случайно уронить пескоход с обрыва, да так, что после удара из него получится аквариум с живыми рыбками. Кстати, сколько тебе лет?

Темир молчал. Так и не дождавшись ответа, дварг ткнул себя в грудь.

– Мой вид в «дикой форме» живет не более года. А мне сейчас четыре, и я считаюсь детенышем.

– Ну и откуда ж мы тогда взялись, по-твоему? – хмуро спросил следопыт.

Туман улыбнулся.

– Проект «Генезис».

– Я в него не верю.

– Это не религия, он веры не требует, – возразил Туман. – Просто, из-за предательства Эшмака, проект распался всего за десять лет, не успев достичь и доли того, что планировалось... У нас, в Цюрихе, есть целый институт, курирующий наследие проекта. Там хранятся документы, рабочие дневники, исследования – записи самих творцов, Темир!

– Ого! – рассмеялся следопыт. – Хорошо, допустим некий гениальный зверь первым получил разум и создал проект Генезис в конце 40-х годов...

– Нулевой год, – поправил Туман. – У нас не пользуются человеческим календарем. Год начала Проекта принят за нулевой.

– Хорошо, допустим некий мутант внезапно обрел разум и создал проект Генезис в нулевой год, – раздраженно повторил Темир. – Сам-то он откуда взялся тогда? А? Коли случайная мутация, по твоим словам, исключена, стало быть, у Творца был Творец? А у того-еще один? И так в бесконечность?

Пушистый дварг развел лапками.

– Мы не знаем. Уверены лишь, что творцов было несколько, причем одним оказался проклятый Эшмак. И они не могли «внезапно» обрести разум. Это совершенно невозможно, Темир, повторяю. Есть много теорий, откуда взялся проект Генезис, общепринятая гипотеза-его создали люди в каком-то из своих экспериментов. Но я в эту гипотезу не верю. Мне нравится думать, что творцы происходят из мира-за спиной.

– Как-как?!

– Сложно, – Туман вздохнул. – Я тоже не до конца понимаю... Но общая идея такая: вот ты сейчас смотришь на меня. Ты не видишь, что происходит за твоей спиной. Конечно, разумом ты знаешь, что ничего особенного там не происходит, но проверить это невозможно-куда бы ты ни обратил взгляд, всегда останется область за гранью видимого.

Темир почесал ухо.

– погоди, но ты-то ведь видишь, что за моей спиной ничего не происходит?

– Ошибаешься, – заметил Туман. – Я часть поля твоего зрения, поэтому, естественно, не могу служить доказательством. А если я существую только в твоём воображении? Если меня попросту нет, пока ты смотришь в другую сторону?

Темир, усмехнувшись, обернул голову вправо и позвал, не глядя на дварга:

– Туми-и...

– Не-а, не выйдет, – мышонок фыркнул. – Голос тебе тоже мерещится. Пока не позовешь-его и вовсе нет.

Он вздохнул.

– Но главное-то в чем... Проверить эту гипотезу невозможно, а значит, ее нельзя и опровергнуть. Я читал, что никогда не выйдет определить-существует ли объект, на который никто не смотрит.

– Очуметь... – пробормотал Темир. – Вот так, незаметно, он и подкрадывается...

– Кто? – не сразу понял Туман, а когда сообразил, звонко рассмеялся. – Ясно. Ну, в общем, ученые Цюрихского института еще много чего напридумывали, но самое замечательное следствие из их гипотезы-мы. Зверьяне.

Следопыт почесал второе ухо.

– Э-э-э... А пояснить?

– Запросто, – ухмыльнулся Туман. – Вот задумайся: человек смотрит на мышь. Кого он видит?

Темир нахмурил брови.

– А люди-то причем?

– Люди нужны как наблюдатели. Без разумного наблюдателя теория не работает.

– А как же тогда люди появились?

– От обезьян произошли! – удивился Туман. – Ты разве не знаешь?!

Темир смерил его долгим взглядом, но ничего не сказал. Вздохнув, вновь почесал за ухом.

– Ладно. Что там за мышь?

– Кого видит человек, когда смотрит на мышь?

– Мышь.

– Именно! – Туман потер лапки. – Но что происходит с мышью, на которую человек НЕ СМОТРИТ? Откуда ты знаешь, что она так и остается мышью? А что, если звери, пока на них НЕ СМОТРЯТ, умеют мыслить?

Темир открыл рот и, некоторое время, ехал молча. Затем резко сжал челюсти.

– Погоди. То есть, если сейчас рядом с нами проедет человек, мы превратимся в животных, пока он не отвернется?!

Туман покачал головой:

– Нет конечно! Ты не понял. Творцы проекта Генезис – те самые звери, которых НЕ УВИДЕЛИ. Восемьдесят лет назад, в результате неведомой флуктуации-или секретного эксперимента людей – в тканях самого мироздания возникли неоднородности, и редкие объекты, которые не должны существовать в отрыве от наблюдателя-стали «закрепляться», то есть переходить в категорию наблюдателей. Я людей в пример привел потому, что в то время других разумных наблюдателей еще не было, но сегодня в точности такой механизм работает и для нас. Ведь и мы теперь разумны. Только представь! – Туман азартно распушил шерсть, – А вдруг камни, мимо которых мы едем-камни лишь для нас? А что, если пока на них не смотрят, камни превращаются в динозавров? Динозавров ведь никто не видел. Может, они и не вымирали вовсе?

Темир яростно почесал за двумя ушами разом.

– Знаешь, что, пушист? Мне вести экспедицию через перевал, и, если я начну размышлять, не исчезнет ли под ногами земля, пока я гляжу в небо-перевал мы не одолеем.

– А еще йети, что обитают среди гор, сирены на тайных атоллах Бермудского треугольника, единороги из заповедных лесов Палены... – мечтательно протянул Туман. – Представляешь, вдруг мы существуем лишь потому, что на нас не смотрит ни один единорог?

– Хватит! – Темир раздраженно взъерошил мех. – Оставь единорогов в покое. Не хватало еще... – он запнулся, – ...в общем, довольно. Меняем тему.

Дварг удивленно встопорщил хвост:

– Ты не любишь единорогов? – он погладил толая по мощной, увитой мускулами шее. – Они же самые прекрасные создания фанта...

– Туми, довольно, – жестко оборвал следопыт. – Да, Звездные Кони похожи на самую Красоту во плоти. Я как-то видел картину... До сих пор на душе тепло... Но их не

существует! Понятно?! – его передернуло. – В какую сторону ни смотри... – Темир запнулся, поскольку дварг неожиданно привстал и закрыл ладошкой его рот.

– ...в какую сторону ни смотри, ты узришь красоту, – очень тихо и серьезно сказал Туман. – Это наш главный дар, Темир. Величайшее сокровище разума. Фантазия.

Он мечтательно улыбнулся.

– Мир существует лишь в нашем сознании. Мы сами его творим, непрерывно, каждый миг, с зачатия до смерти. Взгляни на меня! – Туман распушился. – Что ты видишь? Мышонка? Нет. Ты видишь поток фотонов, возбуждающий фоторецепторы внутри твоих глаз, которые создают электрический сигнал, поступающий в мозг. А мозг уже придумывает мышонка. Я-не существую, Темир, я придуман тобой, раскрашен твоим разумом... Совсем как единорог! – весело подмигнул Туман. – В головах Эриха или Таурана, я совсем другой. Когда смотрюсь в зеркало-третий. И ты тоже, для каждого, его собственный.

Он подался вперед и жарко сказал:

– Мы никогда не увидим мир таким, каков он есть. Мы видим фантом, интерпретированную мозгом картину, куда память и жизненный опыт наклеивают ярлыки-вот «толай», а вот «грузовик», вот «гора», а вот «бабочка». Но знаешь, чем наградил нас разум, чем отличается наше восприятие от звериного? – Туман счастливо раскинул лапки. – Лишь нам доступно сознавать, что гора величественна, а бабочка красива.

Он зажмурился.

– Фантазия, Темир. Она дает власть. Власть замечать красоту, власть СОЗДАВАТЬ красоту-единорогов, драконов, русалок! Крохотная, во многих давно угасшая, искорка изначального света до сих пор тлеет и согревает нам души. Красота... – мышонок развел лапками. – Мы придумали единорогов? А вдруг, это они придумали нас? А вдруг красоту изобрели Звездные Кони, самая древняя и мудрая раса нашего мира, и все переняли это понятие у них?!

Глаза мышонка горели.

– Представь: в непостижимой древности, когда первые звезды зародились среди огня, пожравшего Око Ночи, единороги уже тысячи лет слагали поэмы о красоте жизни, а над ними, в кристально-бездонном небе парили Лунные Драконы, еще одна раса, что древнее звезд... – пушистый запнулся. Опомнился, смущенно обернул себя

хвостом и вздохнул. – Ну, давай, скажи, что их тоже не бывает. Притуши свою искру сильнее.

Темир помолчал.

– Ясно... Надо будет нам, как-нибудь, продолжить беседу. А сейчас не волнуйся, и отвечай только правду. Отряд пропустят, я не чую опасности.

Туман рывком обернулся: посреди дороги, преграждая путь, стояло несколько вооруженных ассагаями бурундуков в ярких, утыканых перьями боевых одеяниях.

Передний властно поднял лапу. Эрих послушно отключил двигатель, Темир спешился. Юркий дварг моментально оказался на крыше фургона. Выглянул и Таурон:

– Что случи... О! – сычик заметил дикарей и поспешно спрыгнул на землю. Его примеру последовал Эрих; путешественники встали плечом к плечу напротив коричнево-полосатых воинов. Спустя мгновение, к ним присоединился и Туман.

Первым заговорил Темир:

– Мы направляемся в Жаксы, оттуда в Чернобыль. Везем эмбрионы байбаков. Я проводник.

Бурундук молча обратил мордочку к Таурону.

– Я биолог, – сообщил тот. – Сопровождаю груз.

Черные глаза повернулись к старому Эриху.

– Я врач из Норвегии, – сказал лемминг, скромно потупив взор. – Месяц назад мы получили сообщение о катастрофе в чернобыльской обитаемой зоне, у них заканчивается кумыс. Дегелен – единственное место в мире, где можно достать эмбрионы байбаков, поэтому меня срочно откомандировали в Казахстан. Хочу верить, что за месяц лучевая болезнь скосила не всех, и мы успеем спасти хоть кого-то...

Дикарь кивнул и посмотрел на дварга.

– А я с ними, – просто ответил Туман.

Бурундук молчал. Так и не сказав ни слова, он жестом пригласил путешественников продолжить их путь, а сам развернулся и скрылся в зарослях. Остальные воины последовали за лидером; спустя миг ничто не напоминало о встрече. Темир с облегчением выдохнул.

– Ну, что ж, – он обернулся к спутникам. – Первое препятствие позади.

– Хотелось бы, чтобы все трудности разрешались с такой простотой, – вздохнул Эрих. Таурон усмехнулся.

– Мечтай, мечтай...

Темир вернулся к своему толаю.

– Поспешим, – заметил он негромко. – Завтра утром доберемся до гор и повернем на восток. К вечеру, если погода не изменится, должны увидеть Сизый Каньон. А дальше... – ведун бросил недобрый взгляд на сычика – ...посмотрим.

Таурон фыркнул.

– Ты чувствуешь опасность? – осведомился невинно. Темир с подозрением прищурил глаза.

– Пока нет.

– Значит, смерть в каньоне нам не грозит, верно?

Ведун покачал головой.

– Идти в каньон, или не идти, мы решим только завтра. До тех пор я ничего не почую.

Пушистый Туман легким прыжком взвился на шею зайца и разлегся там, свободно свесив лапки и хвост.

– Знаете, в чем ваша проблема, степняки? – спросил он с досадой. – Вы столько лет живете в аду, что попросту разучились вспоминать про рай. Стоит случиться чему-то плохому, вы тут же говорите: "Ага, я так и знал!", но, если плохого не происходит – вы удивляетесь. А должно быть наоборот! – заявил он твердо. – Удивляться надо плохому, а ждать от жизни только хорошего!

Туман указал лапкой на мрачного, сутулого Таурана.

– Иногда я просто не понимаю, как вы живете в этом мире, – с чувством сказал дварг. – Стоит вам подумать о будущем, как тут же вспоминается все страшное, что может случиться, и начинаются размышления, как из этого страшного вырастет нечто еще более ужасное. А давайте, для разнообразия, вспомним о хорошем? – он склонил голову на бок и лукаво прищурился. – Мы движемся навстречу самому интересному приключению за последние четверть века! Мы едем спасать целую обитаемую зону! Мы только что мирно пересекли границу запретных земель дикарей! С первого же часа наш отряд преследует удача. Почему вы думаете лишь об опасности? Разве она от этого исчезнет? Чем сильнее вы тревожитесь, тем скорее накличете беду! – гневно заметил дварг.

Таурон помедлил, глядя на пушистого с легким удивлением.

– А знаете, он прав... – пробормотал сычик.

Темир молча покачал головой, вскочил в седло и пустил толая вперед. Эрих и Таурон, переглядываясь, полезли в фургон.

К вечеру, вдали за сопками впервые показались горы. Кряж, удивительно метко прозванный Хребтом Голодной Кошки, вздымался к небу на сотни метров, рвался ввысь неприступными, почти вертикальными, а кое-где и отрицательно-наклонными скалами. Формой напоминая дугу, он тянулся на сотни километров до самого побережья реки Иртыш.

– Раньше семипалатинский полигон охранялся, как государственная граница – рассказывал Темир, а его единственный слушатель, Туман, возлежал на шее толая и блаженно жмурился, поскольку следопыт чесал ему за ушами. – Слыхал об овчарках?

Туман легонько вздрогнул.

– Еще бы...

– Этих чудовищ люди вывели, что б никому не повадно было в закрытые зоны лазить, – заметил Темир. – В советское время мы не то, что в Жаксы, мы и сюда бы живыми не добрались.

– Правда?

– Правда. Много изменилось с тех пор, как страна людей развалилась. Жить стало разом и легче, и труднее...

Туман повернул голову и бросил на следопыта странный взгляд.

– Ты говорил о картине с единорогом, – сказал он внезапно. – Это та, жутко древняя, что хранится в подземельях Каскабулака?

Темир кивнул:

– Та самая. Я специально в Каскабулак отправился, чтобы посмотреть, – он помолчал. – Старики говорили, что коли помрешь, так и не увидев, считай – не жил.

Дварг сел и с большим интересом посмотрел на друга.

– Ну и как? – спросил очень серьезно.

Темир развел лапками:

– Старики были правы.

– Неужели настолько красиво? – Туман подался вперед. – Я не видел... Только во снах да в мультиках.

Ведун невольно улыбнулся.

– Красиво... Словами не передать. Там и не красота главное, просто... – он вздохнул. – Как бы объяснить... Когда стоишь перед ЭТОЙ картиной, ты видишь не ее,

а себя. Как в зеркале, только... Правдивом, – ведун покачал головой. – Рассказывать бессмысленно.

– Понимаю, – вздохнул Туман. Моргнул. Потянул носом воздух, нахмурился. Тело дварга напряглось, уши наострились.

Привстав, Туман резко огляделся:

– Кажется, каньон уже близко, – пушистый указал лапкой вперед. – Растения болеют.

Темир кивнул без особой радости. Впереди, примерно в полукилометре, виднелись груды крупных угловатых булыжников, как две насыпи окружавшие дорогу в ущелье. И без того редкие в предгорьях, деревья вокруг разлома гнили на корню; жухлая трава сходила на нет в сотне метров от тропы, повсюду росли странные фиолетовые цветы с иззубренными, как лезвие пилы, листочками.

– Думаю, лучше подождать алхимика тут, – напряженно заметил Туман. – Запахи неправильные. Я... Не понимаю, – он прижал уши. – Похоже на перец, смешанный с мертвечиной... Омерзительно!

Темир согласно кивнул, натягивая поводья.

– Подождем. Знать бы еще, чего.

– Тау прекрасно разбирается в своем деле, – возразил дварг.

– А ты уверен, что его знания здесь помогут? – серьезно спросил Темир. Туман кивнул.

– Я ведь доверяю свою жизнь.

– Это не ответ.

– Единственный, кто сможет ответить, здесь ты, – заметил пушистик. – Едва мы шагнем в каньон, ты сразу почувешь, выйдем ли мы из него живыми.

Темир нахмурил брови. Помолчал.

– Об этом, как правило, не говорят... – произнес он с неохотой, – Но лучше, чтобы вы знали заранее. Чутье ведунов определяет только опасность, грозящую самому ведуну. Поэтому любая угроза, способная погубить весь отряд, будет предсказана... Но ни один ведун, даже я, не даст гарантию, что выживут все.

Туман с любопытством склонил голову на бок.

– Интересно... А как оно работает, твое чутье? Что ты видишь?

– Не вижу, – поправил Темир. – Чувствую. Спину пронзает острая дрожь, в сердце начинает колотить, и я ощущаю гибель собственного тела. Ну, а отсюда, зная, как

именно он должен погибнуть, ведун определяет место, время и природу опасности. Этому долго учатся.

Дварга передернуло.

– Хе-фихххх... Ни за что бы не согласился узнать, как мне предстоит умереть, – Туман распушился. – А уж ПОЧУВСТВОВАТЬ... Бррр!

– Верно, – кивнул Темир. – Дар у нас не из легких, но оно того стоит. Всегда, везде, куда бы я ни направлялся, я точно знаю, что приключений в пути не будет, и я благополучно доберусь до цели, либо НЕ доберусь, если безопасных путей нет... – он запнулся, – ...хотя, старики в Дегелене свято верят, что есть одна-единственная опасность, предвидеть которую ведун никогда не сможет.

Туман с громадным интересом подался вперед, его хвост взвился к небу:

– Что за опасность?!

Темир усмехнулся.

– Прости. Это наша главная тайна.

Он оглянулся. Тяжелый фургон, слегка отставший от следопыта и его пушистого друга, остановился вдали, оттуда уже выбрался Таурон. Темир развернул скакуна.

Алхимик не обратил внимания на подъехавшего следопыта. Вытащив из кузова большой черный мешок, он аккуратно расстилал по траве широченное блестящее полотно. Удивленный Темир некоторое время молча наблюдал.

– Что это? – не выдержал он, наконец. Таурон бросил в сторону ведуна слегка насмешливый взгляд.

– Синоптический зонд, – отозвался невозмутимо.

– Э-э-э...

– Зачем спрашиваешь, если знаешь, что не поймешь ответа?

Темир гневно прищурил глаза:

– А ты отвечай понятно, шарлатан!

– Не ссорьтесь, пожалуйста, – из кабины выбрался старый Эрих. – Темир, умоляю, доверьтесь мне, как я доверяю почтенному Таурону. Неужели я похож на самоубийцу? – робко спросил лемминг.

Темир чуть не поперхнулся, но страшным усилием воли сдержал дикий хохот.

– Честно? – он справился с собой и скрестил на груди лапки. – Да, похожи. Вся эта миссия выглядит как изощренный суицид отдельно взятого лемминга.

– Хе-фиххх... – фыркнул Туман, но в разговор предпочел не вступать. Алхимик криво усмехнулся.

– Попробуй счастья в каньоне самостоятельно, коли не веришь нам.

– Я даже не шагну в сторону каньона, пока не услышу объяснений.

Таурон отвернулся от полотнища и, в упор, посмотрел на Темира.

– Это воздушный шар, – сказал он после долгой паузы, кивнув на ткань. – Ядовитый воздух тяжелее нормального, именно поэтому он и собирается на дне каньона. Когда я наполню шар гелием, он взлетит на сотни метров; мы привяжем его к грузовику и потащим за собой так, чтобы зонд всегда парил выше ядовитого слоя.

Таурон указал на толстый моток промасленной парусины.

– Через рукав, привязанный к шару, дизель будет засасывать чистую атмосферу, и мы сможем дышать свежим воздухом даже на дне каньона.

Темир, подавив удивление, совсем с другим видом осмотрел полотнище.

– Остроумно... – пробормотал следопыт. – Погоди, а как же мой толай?

Таурон нетерпеливо отмахнулся здоровым крылом:

– Ты вроде говорил, что в горах его ждет смерть? Прояви милосердие и дай животному свободу. Остаток пути проделаем в машине, все вместе, как дружная экспедиция!

Выдержав яростный взгляд следопыта, сычич невозмутимо добавил:

– Я ведь не обещал, что будет легко?

Эрих робко тронул Темира за плечо.

– Вы чувствуете опасность?

Ведун помолчал. Закрыв глаза, долго стоял неподвижно, прислушиваясь к ощущениям. Затем, неохотно, покачал головой.

– Нет. Не чувствую.

– Тогда хватит юродствовать и начинай помогать! – резко отозвался Таурон. – Чтобы одолеть каньон, потребуется много часов, все это время мы не сможем снимать респираторы. Отправляйся за свежей водой, надо заранее напиться.

– Я с ним, – сразу вставил Туман. – Едем, Темир! Приключения ждут! – он азартно потер лапки и распушил шерстку.

Следопыт, ничего не ответив, молча полез в седло.

Пленник отличался от знакомых Гюрзе полевых мышей, что в изобилии населяли полигон и степи вокруг. Менее крупный, густо-черный с большими зелеными глазами, он щеголял хвостиком, покрытым тонкой гладкой шерсткой, и развитой мускулатурой на лапках, особенно задних-сначала Гюрзе даже показалось, что перед ней не мышь. Но приглядевшись, она сообразила, что гость просто относился к другому подвиду.

– Ему дали глотнуть кумыса?

– Разумеется. Но у него очень сильная природная сопротивляемость, никогда не встречала такую, – заметила Айжамал. – Если не приближаться к Жаровне и пить фильтрованную воду, он, пожалуй, смог бы выжить здесь без кумыса.

Гюрза удивленно фыркнула. Они с белой мышью стояли перед односторонне-прозрачным зеркалом, глядя на странного пленника, нервно бегавшего по комнате с мягкими стенами. Сая усадили в уголке приемной, вручив блокнот и коробку с цветными карандашами, так что мать, хотя бы некоторое время, могла быть свободна.

– Люди проводили опыты? – угрюмо спросила селевиния. Айжамал невесело кивнула.

– Очевидно. Странно, как этот несчастный еще жив. Беспилотник ракетой чуть ли не в клочья разорвало. Если б не баллистический гель...

– Черный ящик?! – с тревогой спросила селевиния. Айжамал фыркнула:

– Ты ведь не думаешь, что мы могли упустить ТАКОЕ? Патруль в первую очередь изучил обломки в его поисках. Можешь быть спокойна, люди нас не заметили... – мышка запнулась и, немного подумав, уточнила: – В том смысле, что следов патруля на месте падения не осталось. Куда направлялся беспилотник и зачем в него поместили подопытного, мы понять не сумели. Надеюсь, с твоей помощью он сам об этом расскажет.

Гюрза смерила мышонка за стеклом подозрительным взглядом.

– Кожа у носа слишком розовая. Он облучился?

– Да, слегка, но ничего такого, с чем бы не справился кумыс. Правда, реакции у него странные... – белая мышка вздохнула. – Возможно, бедняжке в кровь попал активный осколок, оказывающий на мозг негативное воздействие.

– Парень сопротивлялся?

– Нет, но ведет себя как помешанный, – Айжамал грустно покачала головой. – Смотри сама, – она тронула клавишу интеркома. – М-м– м... Элджи? Ты ведь Элджи, да?

Голос заставил мышонка подпрыгнуть и подбежать к зеркалу. Нервно дергая хвостом, гость прижался мордочкой к стеклу:

– Дайте!!! Мне!!! Радио!!! Гив! Ми! Рэйдио! Шнелль!!! Рэйдио, радио, дер фуннканлагхэ!!! Фаст!!! Срочно!!!

– И так целый день, – вздохнула мышка, прикрыв микрофон лапкой. – Хоть имя удалось узнать, и то хлеб.

Гюрза прыснула со смеху.

– Он радиостанцию у вас просит на человеческих языках, сразу на трех. Я войду в комнату.

– Это может быть опасно...

– Для него-несомненно, – Гюрза с усмешкой похлопала боевой хлыст, обернутый вокруг пояса. Подошла к дверям в бокс, посмотрела на электронный замок. – Однако, гостеприимства вам не занимать, ребята... Где ключи?

Мышка смерила селевинию неуверенным взглядом, но все же сняла с пояса кодовую карту и неохотно провела ее над сканером. Дверь, жужжа, отъехала в стену.

Мышонок с воплем восторга бросился к выходу, но замер, уставившись на Гюрзу. Та молча вошла в камеру и дала Айжамал знак вновь запечатать дверь. Пленник сглотнул, не в силах оторвать взгляда от закрывающейся створки.

– Ну? – селевиния скрестила на груди лапки.

Мышонок беспомощно моргнул:

– Ай... Донт андерстэнд... – пробормотал он хрипло. – Ю... Спик англиш?.. Русский? Дойч?

Гюрза фыркнула.

– Как ни странно, ай ду, – отозвалась по-русски. Пленник подскочил:

– Наконец-то!!! Умоляю, скорее, мне нужна рация!

Гюрза склонила голову набок.

– Зачем?

– Люди сбили мой самолет над пустыней, – торопливо ответил мышонок. – Я должен радировать на базу, что остался жив, иначе друзья отправят спасательный дрон и попадут в ту же ловушку! Если я не выйду на связь до завтра, они...

– Погоди, погоди, погоди, – оборвала Гюрза. Что-то в словах гостя ее насторожило. – Я, наверно, плохо помню русский... Ты сказал, люди сбили твой самолет?

– Ну да!!!

– ТВОЙ самолет? Не человеческий беспилотник?!

Мышонок ударил кулаком об ладонь:

– Каждую секунду, что мы сейчас теряем, мои друзья сходят с ума от тревоги!

Гюрза недоверчиво приоткрыла пасть.

– Ты хочешь меня уверить, что владел самолетом?! Настоящим механическим самолетом, и летал на нем над человеческой территорией?!

Пленник яростно кивнул:

– Конечно!

Гюрза попятилась и вжалась спиной в стену. Сглотнула.

– Ты... Ты ведь шутишь, правда? – выдавила она внезапно охрипшим голосом.

– Люди не знают о существовании зверян. Не могут знать. Не имеют права. Если они найдут обломки «твоего» самолета и поймут, что это такое, нам конец!

Мышонок в отчаянии затряс головой:

– Раньше люди не знали, но двенадцать лет назад... – он запнулся, зажмурился от волнения. Пару секунд стоял неподвижно, собирая волю в кулак.

Когда он открыл глаза, отчаяния в них больше не было. Там осталась лишь затаенная, глубокая мука и неестественное для ситуации спокойствие. Гюрза уже встречала такие взгляды-много лет назад, в глубинных штольнях Дегелена, откуда на поверхность возвращался лишь каждый десятый.

– Мое имя Элджи, – глухо произнес черный мыш. – Я ученый и конструктор, один из лидеров небольшой колонии, что уже двенадцать лет скрывается от людей на заповедных островах Тристан да Кунья в Атлантическом океане.

Гюрза вздрогнула.

– Колония? Вроде нашего полигона?

– Не совсем, – мрачно ответил Эджи. – Сейчас это неважно. Мы потомки мышей, ставших разумными после секретных американских экспериментов. В тайне от людей, предкам удалось построить могучую цивилизацию в пещерах необитаемого острова, но около двенадцати лет назад их обнаружили, и на остров сбросили водородную бомбу.

Селевиния ахнула. Эджи скрипнул зубами.

– К счастью, предки были заблаговременно предупреждены и успели эвакуироваться. Где они, мы до сих пор не знаем-колония, откуда я родом, основана экипажем подводной лодки, в момент катастрофы находившейся в море.

– Подводная лодка? – прошептала Гюрза. – Наша, зверьянская? Настоящая?!

– Да, – кивнул черный мыш. – И не только она. За минувшие годы я построил немало новой техники. Мы ведем поиски уже много лет, и недавно, в секретных человеческих документах, обнаружили данные про город Семипалатинск, где якобы встречались разумные звери...

Гюрза с ужасом подалась вперед:

– Люди знают про Дегелен?! Тебя отправили на разведку? Отвечай! Они знают про нашу степь?!

Эджи покачал головой:

– Я больше ничего не скажу, пока не получу рацию.

Гюрза рывком оказалась рядом с мышонком и схватила его за загривок. Сильно натянув кожу за ушами, запрокинула пленнику голову, хвостом подсекла лапы, бросив беспомощного зверька на колени.

– Ты серьезно полагаешь, что мы позволим людям запеленговать наш город? – задыхаясь от гнева, сквозь зубы процедила Гюрза. – Открою небольшой секрет. У человека есть широко известный, классический способ уничтожения грызунов. Для этого надо поймать крысу, накачать медленным ядом и отпустить. Крыса вернется в нору и подохнет, а другие крысы ее съедят и тоже подохнут...

– Что происходит? – тревожный голос Айжамал раздался из интеркома.

– Все под контролем, не вмешивайся! – рявкнула Гюрза. Еще раз трянула мышонка: – Отвечай! Тебя послали на разведку?!

– Я ничего не знаю о вашем... Городе... – прохрипел Эджи, напрасно пытаюсь вырваться из стального захвата. – Я летел... В Семипалатинск! Рядом... Станция Конечная...

Гюрза оцепенела. Конечная!

– Курчатов? – спросила она быстро. – Черный Улус?

– Отпусти!

– Я переломлю тебе хребет, как замороженную соломинку, – предупредила Гюрза. – Мой вид отличается большой физической силой.

– Заметно... – с трудом выдавил Эджи. – Отпусти, я... Не шпион...

Гюрза рывком поставила мышонка на ноги и толкнула к стене, тот едва не упал. Селевиния застыла перед ним, хлеща себя хвостом:

– Сейчас слушай очень внимательно, каждое слово, – процедила она сквозь зубы. – Не задавай вопросов. Не переспрашивай. Только отвечай. Ясно?

Эджи с трудом кивнул:

– Ясно.

– Ваша островная колония провела о нашем существовании из человеческих документов?

– Да.

– Документов какой страны?

– России.

– Что люди знают о Дегеленских степях? И о Чернобыле?

Глаза мышонка полезли на лоб:

– Чернобыль! – прошептал он. – Ну конечно! Вы поселились на семипалатинском ядерном полигоне! Но... Как же... – он в страхе поднял глаза. – Радиация?

Селевиния криво усмехнулась:

– Когда тебя поймали, тебе дали глотнуть молока, верно?

– А... Э... – мышенок пришел в себя и перевел дыхание. – Почтенная, не знаю вашего имени...

– Гюрза.

– Хмфрх, – Эджи запнулся. – Гюрза. Как змея?

– Угу, но кусаюсь я БОЛЬНЕЕ, – предупредила селевиния. Пленник сглотнул:

– Почтенная Гюрза, умоляю, мне нужна рация. Если желаете, отвезите меня подальше от города, в пустыню или солончак, хоть на другой конец мира-только дайте сообщить на базу, что я жив. Если друзья решат, что я погиб, они бросятся на мои

поиски и окажутся в смертельной опасности... – Элджи содрогнулся, – ...особенно моя подруга, Орби. Она неукротима.

Селевиния покачала головой:

– Ты не понимаешь, да? – она уперла лапки в бока. – Твой «самолет» сбили на ядерном полигоне, Элджи. Ты в любом случае мертв, даже если уцелел при падении. Здесь такая радиация, что без кумыса животное протянет, от силы, сутки, а с катастрофы уже миновало два дня.

Мышонок оцепенел. Гюрза ткнула пальцем ему в грудь:

– Так что прости, дружок, но рацию ты не получишь. Нам вовсе не хочется давать людям лишние темы для размышления, например, каким образом на зараженной территории нашелся радист, и где он умудрился отыскать передатчик.

– Но мои друзья!!!

– ...не станут кидаться в радиоактивную пустыню. Успокойся и включи мозги, – резко оборвала Гюрза.

Мышонок сильно вздрогнул. Помолчал.

– Где мы находимся? – он перевел дыхание и огляделся. – И что ты за животное, я никогда таких не видел?

Гюрза хмыкнула.

– Не советую меня животным звать, парень. Я девушка, можно сказать, уникальная. Селевинии – единственный вид в единственном роде целого семейства, а обитаем мы на Земле только и только в одном месте, юго-востоке Казахстана.

– Казахстан! – прошептал Элджи. – Гюрза, как далеко мы от Семипалатинска?

– С полтора ста километров будет, – угрюмо ответила она.

– Так далеко?! – мышонка передернуло, он сглотнул и дико огляделся. – Почтенная, в вашем... Городе... Живут птицы? Или быстроногие звери, вроде койотов?

Селевиния недоверчиво покачала головой:

– Парень, ты явно ударился сильнее, чем кажется.

– Я должен попасть в Семипала...

– Тебя выкинут в пустыню без кумыса, если узнают про шашни с людьми! – оборвала Гюрза. – Элджи, тут не тропические острова. Приди в себя! – она шагнула вперед, но застыла, услышав снаружи приглушенный вой сирен. Мышонок встрепенулся, наострил ушки:

– Что это?

– Тревога, – отрывисто бросила Гюрза, закусив губу. – Жди здесь! – она подбежала к дверям. – Откройте!

Створка поползла в сторону. Селевиния нетерпеливо ее оттолкнула, выскочила в контрольный пост. Айжамал с тревогой вслушивалась в портативную рацию.

– Что? – выдохнула Гюрза. Белая мышка свирепо отмахнулась:

– ...Да. Да, товарищ майор, я поняла. Немедленно передам, – опустив рацию, Айжамал бросила на Гюрзу растерянный взгляд. – Посты дальнего обнаружения радируют, что приближается вертолет.

У селевинии перехватило дыхание:

– Двухвинтовой или нет?! Это важно!

– Да, двухвинтовой, – мышка нервно сглотнула. – Но люди не летают над полигоном, здесь слишком высокая ионизация...

– Они нашли обломки беспилотника и поняли, что к чему! – прорычала Гюрза. – В Павлодарском гарнизоне только один вертолет Камова, если это он, люди просветят Дегелен насквозь-их детекторы предназначены для поиска подводных лодок до глубины в полкилометра! – селевиния с дрожью передернула хвостом. – Вертолет надо сбить до того, как он доложит о городе!

– Сбить?! – Айжамал попятилась. – Сбить человеческий вертолет?!

Гюрза хлестнула хвостом.

– Нет выбора. Присмотри за моим сыном, я на периметр! – селевиния бросилась к дверям. Растерянная мышка проводила ее испуганным взглядом.

Снаружи царил паника. Горожане всех видов беспорядочно метались по улицам, кричали, пищали и карабкались на стены. Рев сирен ранил уши. Гюрза гнала внедорожник по центру проезжей части, лавируя между паникующими зверьями и брошенными автомобилями. Минуты за три домчавшись до городских окраин, свернула на восток, взмыла на транспортный ярус, обогнав на подъеме два тяжелых грузовика с солдатами. У северо-восточных ворот дорога была уже заторена боевой техникой; селевиния ударила по тормозам. Вытащила из кармашка на поясе слегка поблекший оловянный жетон, надела на шею.

К вылезавшей из внедорожника Гюрзе подбежали двое бурундуков с арбалетами:

– Стой!

– Кто такая?!

Селевиния молча показала жетон. Солдаты переглянулись:

– Спецназ?! – один из бурундуков попятился, второй ошалело почесал за ухом:

– Как вы столь быстро здесь очутились?!

– Работа такая! – огрызнулась воительница. – Я пулеметчица из Кушмуруна, в Дегелене гостила по личным делам. Где у вас тут зенитки?!

– Зенитки? – тревожно переспросил солдат. – Ты же не собираешься...

– Еще как собираюсь, – прорычала Гюрза. – Нэнэке-Улус напомнить?

Бурундуки синхронно отпрянули, в глазах у обоих отразился ужас.

– Но... Но мы не должны... Люди узнают...

– Они точно узнают про Дегелен, если вертолет вернется в Павлодар! – резко ответила Гюрза. – Ионизация мешает дальней радиосвязи, потому люди и послали Ка-31 вместо телеуправляемого 137-го. Машина, возможно, прямо сейчас сканирует горный кряж!

Серый от страха, один из бурундуков судорожно сглотнул.

– Есть п-п- план эвакуации...

– И сколько беженцы протянут без кумыса? – сурово спросила Гюрза. Солдаты переглянулись. Хрипло выдохнув, селевиния схватила одного из них за шерсть на груди:

– Где турель?!

– Над воротами. Я покажу... – натужно отозвался второй бурундук.

При виде знакомой консоли с двумя джойстиками, Гюрза даже облизнулась. Державший вахту худенький кумтышкан с перебинтованным хвостом что-то забормотал, пытаясь не пустить селевинию на пост, но та молча сунула ему под нос жетон и оттолкнула. Прыгнула в кресло, умело и быстро проверила запас патронов, температуру стволов, напряжение в разгонном механизме. И лишь убедившись в боеготовности зенитной турели, бросила первый взгляд на степь за перекрестием прицела.

Одного взгляда хватило.

Судорожно пискнув, Гюрза, что было сил, оттолкнулась от кресла и прыгнула в высоту, вцепившись коготками в грубый бетон потолка. Вовремя; перебинтованный кумтышкан, два веселых бурундука, зенитная турель и массивные контейнеры с

патронами, в облаках каменной крошки, с грохотом рухнули в бездну, когда управляемая ракета пробилла ворота.

Взрывной волной Гюрзу протащило по потолку почти метр, ее коготки со скрежетом царапали камни. В один момент она даже сорвалась, но чудом уцепилась за выбоину и избежала гибели. Внизу, в развороченном взрывом массиве, билось несколько агонизирующих тел.

Вторая ракета пролетела сквозь дверной проем и взорвалась прямо в скоплении боевой техники, метрах в пятнадцати от Гюрзы. Обломки машин и мертвые тела расшвыряло по всему ярусу, сотрясение швырнуло селевинию на землю. Оглушенная, Гюрза заползла под нависший бетонный обломок, сжалась, накрыла лапками голову. Кто-то кричал, тонко, отчаянно, и внезапно все звуки утонули в реве крупнокалиберных пулеметов. Вертолет висел на высоте пары метров напротив разбитых ворот.

Гюрза оцепенела; очередь прошла прямо над ней, так близко, что раскаленные 14- и миллиметровые снаряды опалили шерсть. Облака пыли и бетонных осколков накрыли ярус. На большом расстоянии, внезапно, взревел знакомый металлический голос «Саранчи», но почти сразу захлебнулся отрывистым сухим взрывом.

Облака пыли ненадолго скрыли ворота от глаз пулеметчика, и Гюрза сумела отползти с линии огня. Приподнялась на локте, в ужасе огляделась. Мысли, пропитанные страхом, бешено вертелись вокруг единственного слова. Имени.

«Сай!» – Гюрза в отчаянии вцепилась в бетон. – «Сынок!!!»

С вертолета, повисшего над землей, уже выпрыгивали десантники в серебристых антирадиационных скафандрах; как минимум у одного, за плечами, темнели баллоны огнемета. Дегелен, бывший бункер, строился людьми-все коридоры и двери были человеческих габаритов. Врагам не составит никакого труда передвигаться по городу.

Вспомнив Нэнэке-Улус, Гюрза ощутила, как из глубин души поднимается сжигающая, выворачивающая разум наизнанку волна бешенства. Заныли мгновенно напрягшиеся мышцы, в глазах потемнело от гнева. Гюрза знала, что сейчас самое время бежать, что люди не станут преследовать одинокую толстую мышь, но остановиться уже не могла. С тех пор, как во всем мире у нее остался лишь Сай.

Селевиния судорожно заглотнула воздух и двинулась вперед, разворачивая с пояса боевой хлыст.

Глава 4

Дно каньона почти сплошь покрывали высохшие трупы птиц и животных. Следов разложения видно не было – ядовитый воздух работал, как вечная мерзлота, предохраняя своих жертв от гниения. Чудовищный, циничный памятник холодной войне.

Грузовик, натужно рыча дизелем, тащился по каньону уже час, за рулем сидел Темир. По общему решению, отныне вести машину предстояло ему одному, поскольку лишь ведун мог предвидеть, чем закончится поездка. День клонился к вечеру, воздушный шар сильно натягивал тросы и уже пару раз вынуждал останавливаться, когда мотор глохнул из-за перекрученного рукава.

Солнце с трудом проникало на дно глубокого каньона, мрачные тени рассекали дорогу ломанными линиями сплошной черноты. Респираторы лишили путешественников даже возможности разговаривать – особенно мучился Туман, в его блестящих глазках стояла тоска. А путь предстоял неблизкий, фургон тащился с черепашьей скоростью.

В мутном световом конусе от фар, то и дело, возникали мертвые тела, которые приходилось объезжать. С удалением от границ каньона их становилось меньше, преобладать начинали хрупкие птичьи останки – наземные животные задыхались раньше, чем успевали углубиться в смертоносную долину. У Темира было нехорошо на душе, старый Эрих и вовсе сидел с закрытыми глазами, что-то неразборчиво шепча под респиратором.

Легче всех поездку переносил Таурон: сыч приспособил себе на основание клюва особую «насадку» из двух присосок, и пока прочие потели в противогазах, невозмутимо клевал сушеную саранчу. Погода стояла безветренная, в темнеющем вечернем небе грузно висели тучи.

Ночь наступила неожиданно быстро. Как всегда бывает в степи, контраст между бездонным звездным небом и матово-черной, влажно дышащей землей переворачивал мир вверх дном-густая темная масса под ногами начинала казаться дырой, провалом в ликующей ткани Вселенной. В такие минуты, как никогда остро ощущались масштабы, слабенькие огоньки фар посреди глухого бесконечного мрака. Было невозможно верить, что путь сквозь тьму когда-нибудь завершится.

Зловещая тишина смертоносного каньона приглушала даже натужный, болезненный вой мотора. Фургон казался раненым зверем, обреченно ползущим по кровавой тропе и кричащим, кричащим в беспомощной муке. Яркость сравнения заставляла Темира судорожно цепляться за руль.

Его спутники, однако, подобной чувствительностью не страдали, и понемногу отходили ко сну. Первым, естественно, сунул голову под здоровое крыло Таурон, чуть позже и Туман, измученный бездеятельностью, прикорнул на сидении. Последним веки сомкнул Эрих; врач остро воспринимал забортные картины смерти. К полуночи, следопыт остался наедине с темнотой.

Довольно долго, сильно уставший Темир механически вел фургон, когда внезапно, на периферии зрения, ему померещилось движение. Следопыт оцепенел, его сердце судорожно заколотилось в груди. Нет ничего более страшного, чем движение там, где его не может быть никогда.

Руль сразу показался потным и скользким. Напрягая волю, чтобы не поддаться панике, Темир ударил по тормозам и заглушил двигатель. Воцарилась мертвая тишина.

Тишина была настолько полной и всеобъемлющей, что шорох-когда он, все же, раздался-хлестнул по нервам не хуже раскаленного стального прута. Метрах в десяти от машины, чуть в стороне от светового конуса, шевельнулось нечто огромное, матово-черное. Чуждое.

Темир явственно ощутил, как останавливается сердце. Почему, о звезды, почему, ведь он не предвидел опасности! Как это может быть? Неужели... Неужели ОНО пришло? Час пробил?! ОНО явилось за ним, здесь, в абсолютном мраке мертвой долины, ОНО загодя усыпило друзей... Чтобы никто не увидел... Не успел рассказать...

От ужаса у Темира свело хвост, каждая шерстинка встала дыбом. Дрожащими, непослушными пальцами он вцепился в рычаг на потолке кабины и развернул прожектор.

Сердце подпрыгнуло-и вновь бешено заколотилось, от облегчения по всему телу разлилось блаженное тепло. Лапки подкосились, следопыт безвольно обмяк в кресле. Летучая мышь. Всего лишь очередная, залетевшая в ядовитый каньон летучая мышь...

Бедняжка еще не задохнулась, но явно находилась при смерти. Широкие фиолетовые крылья вяло вздымались, лапки сучили в последних конвульсиях. Темир много раз видел такие картины, и хотел уже отвернуться, поскольку не получал от зрелища ни малейшего удовольствия-как вдруг заметил деталь, разом менявшую все. На лапке летучей мыши блеснуло золотое кольцо.

«Разумная» – понял Темир, и тут же осознал, всей душой, что не может молча смотреть на ее гибель. Степной воин не понимал, но полный трупов каньон оказывал сильнейшее воздействие и на него, вызывая подсознательный гнев, яростный протест живого существа торжествующей смерти. Еще не имея ни плана, ни представления о грозящих опасностях, Темир судорожно втянул воздух, сорвал респиратор и, до боли сжав губы, рванул дверцу кабины.

Холодный ночной воздух ударил в лицо, сразу защипало глаза и чувствительный кончик носа. Зажав нос лапкой, Темир бросился к умирающей летунье, схватил за крыло и, рыча от напряжения, потащил к вездеходу. Зашвырнул в кабину, поскользнулся, упал на четвереньки. Нет, твари, еще рано... Его час еще не пробил! Судорожно цепляясь за металл, Темир втащил себя в машину и захлопнул дверь, непослушными пальцами наклеил герметизирующую ленточку. Летучая мышь лежала без движения, с беспомощно приоткрытой пастью.

– Врешь! – прорычал Темир, заводя двигатель и хватая респиратор. Два мощных потока свежего воздуха, головокружение проходит. Прижать респиратор к смешной курносой мордочке. Дыши, дыши, крылатая... Ну же... Ну же!!!

В глазах следопыта мутилось. Он даже не заметил, как проснувшийся Эрих резко его оттолкнул и сам склонился над летучей мышью, а Туман натянул ему на нос запасной респиратор. Ароматный, вкусный ночной воздух рванулся в грудь, заставив следопыта закашляться и вцепиться лапками в горло. Туман напрыгнул всем телом, прижал к спинке кресла.

Понемногу шок отпустил, Темир вновь начал воспринимать окружающее. Догадавшись по просветлевшему взгляду, что друг в порядке, перепуганный Туман

ослабил объятия и в полном недоумении заглянул следопыту в глаза. Тот натужно улыбнулся.

Сел, перевел дыхание, усадил маленького Тумана обратно в его кресло. Голова до сих пор кружилась, но лучшим лекарством было зрелище дергающихся на заднем сидении фиолетовых крыльев. Врач делал летучей мыши искусственное дыхание, пока Таурон держал ее лапы.

«Жива...» – с громадным облегчением понял Темир. Зажмурился, потряс головой. Бросив взгляд на приборную панель, спохватился и вытянул до предела рычажок регулировки холостого хода, обратив ровное гудение дизеля в надрывный вой. Резко усилившийся поток свежего воздуха придал мыслям ясность, очистил зрение.

– В следующий раз за такие сюрпризы выкину за борт! – прошипел Таурон, повернув голову на 180 градусов. Особенности его «накловной насадки» позволяли сычичу разговаривать, не снимая респиратора. – О чем ты думал, болван?!

Темир счастливо пожал плечами и указал на летучую мышь. Таурон сверкнул огромными глазищами:

– Таких здесь подышает по сотне в день! Какого Эшмака требовалось вылезать... – он запнулся, поскольку Темир без размаха, неожиданно и сильно, ударил его в лицо. Сычик отпрянул, взъерошил все перья, но одного взгляда в потемневшие глаза следопыта ему хватило, чтобы понять, как близко подошла смерть. Проглотив ругань и лишь злобно клацнув клювом, птица обернулась к Эриху-тот ничего не видел, поглощенный врачеванием летучей мыши.

Заметив, что кровь на мордочке спасенной принадлежит ей самой и сочится изо рта, Эрих стиснул зубы. Ему не требовался дозиметр, чтобы определиться симптомы смертельного облучения. Судя по виду летучей мышки, даже в нормальной атмосфере той оставалось жить не более трех-четырех часов. Если, конечно...

Ногой откинув крышку железного чемоданчика, врач вытащил пробирку с непрозрачной белесой жидкостью и сломал смоляную пломбу. Все вздрогнули, вдохнув моментально заполнивший кабину потрясающий аромат, сокрыть который не могли ни респираторы, ни вонь ядовитой атмосферы за бортом.

С громадным трудом удержавшись, чтобы самому не припасть к горлышку, Эрих совладал с искушением, схватил летучую мышь за загривок и сильно запрокинул ей голову, вынудив рефлекторно приоткрыть пасть. Влив кумыс в горло, зажал ей

челюсти, пока не почувствовала инстинктивный глоток, и вновь натянул респиратор на смешную курносую мордочку. На дне пробирки осталось несколько капелек-их лемминг выпил сам, моргнув от удовольствия.

Как всегда, ждать эффекта пришлось недолго. Летунью затрясло, она скрутилась в клубок, забилась, пока кумыс вычищал ей кровь. Эрих, нахмурившись, склонился над своим саквояжем и вынул дозиметр. Когда он выпрямился, летучая мышшь уже была в сознании и судорожно глотала свежий воздух из респиратора.

Улыбнувшись, врач тыкнул прибором в огромное ухо летуньи. Та дернулась, но Эрих уже снял показания и, невольно, даже поджал хвост. Бросил на Таурона растерянный взгляд.

– Даже не думай, – предупредил сычик, но врач, тяжело вздохнув, вторично полез в чемодан и вынул еще одну пробирку с кумысом.

Протянул ее спасенной. Та, хлюпая носом, что-то забормотала из-под респиратора, но Эрих в споры вступать не собирался. Вновь ухватив летунью за загривок, он влил ей в горло вторую порцию.

– Когда я сниму шкуру с Темира, это не покроет затрат! – прошипел Таурон.

Летучая мышшь закашлялась, но уже не кровью; кумыс действовал мгновенно. Подождав, пока бедняжка слегка успокоится, Эрих еще разок ткнул ее дозиметром-прибор показал безопасный уровень.

Врач облегченно утер со лба пот и обернулся к Темиру. Жестами объяснил, чтобы тот продолжал путь. Кивнув, следопыт взялся за руль. Спасение крохотной летучей мышшки ничего не меняло – как верно заметил сыч, еженощно в каньоне погибали десятки, если не сотни таких же. Но на душе у Темира, все равно, было тепло и уютно.

Тепла и уюта хватило ровно на десять секунд: именно столько времени понадобилось Эриху, чтобы отсоединить шланг от респиратора и объяснить спасенной, как надо прижимать его к ноздрям. Получив способность говорить, летучая мышшь судорожно схватила врача за лапу:

– Kommst du aus der stadt?! Aus der Stadt Degelen?!³

Эрих кивнул, ответить вслух мешал респиратор. Летунья лихорадочно оглядела кабину.

³ «Вы из города?! Из города Дегелен?!» (нем.)

– Ich hatte es eilig, dich zu warnen!!! Ein Angriff auf Degelen wird vorbereitet! Die Leute wissen alle, dass Ihre Stadt zusammenbricht!!!⁴

Гюрза судорожно заглотнула воздух и двинулась вперед, разворачивая с пояса боевой хлыст. Горькая бетонная пыль, до сих пор, висела над землей, скрывая маленьких существ от взглядов их огромных и беспощадных врагов. Тем хуже для них...

Первый удар хлыстом пропорол человеку штанину, оставив на ноге длинную кровотокающую царапину. Вскрикнув, десантник резко отпрыгнул, направил автомат вниз, но Гюрзы там уже не было; ее сильные лапы и цепкие коготки делали селевинию удивительно юркой. Длинным прыжком покрыв расстояние до второго солдата, Гюрза еще в воздухе рванула с пояса два загнутых кинжала и всем своим весом, помноженным на инерцию, вонзила их человеку в бедро, пропоров и скафандр, и прочную ткань. Рывком провернула в ране, вызвав вопль боли, отпрыгнула, оставив оба клинка во вражеском теле. Первичная цель была достигнута-все пятеро десантников на время позабыли о незащитном, лежавшем перед ними городе, и перебрали внимание на дерзкого грызуна.

Гюрза чудом увернулась от автоматной очереди, метнулась к обломку стены, юркнула в тень. Здесь лежал мертвый, разорванный почти пополам бурундук. Схватив труп зубами, Гюрза бросилась обратно-рассчитывая, что люди, привыкшие иметь дело с неразумными животными, такого не ожидают. Действительно, солдаты целились в противоположный конец щели. Захлебываясь соленой бурундучьей кровью в пасти, Гюрза прыгнула так, еще никогда не прыгала, что было сил оттолкнулась от камня, от него-к другому, теперь на стену, шершавый бетон прекрасно держит когти! Ну, еще прыжок... Еще один! Задыхаясь от напряжения, селевиния совершила последний дикий скачок и рухнула на шею десантнику с огнеметом.

⁴ «Я мчалась предупредить!!! На Дегелен готовится атака! Люди все знают, ваш город уничтожат!!!» (нем.)

Тот дернулся, рывком обернулся, но в этот миг Гюрза с размаху ударила мертвым бурундуком по забралу его шлема. Выплеск горячей крови залил все стекло, ослепший человек в панике бросил автомат и схватился за шею, пытаясь смахнуть селевинию на землю.

Гюрзе требовалась всего лишь секунда. Спрыгнув на баллоны с огненной смесью, она двумя свирепыми укусами вскрыла шланги и схлестнула их вместе. Ядовито-зеленый напалм с шипением хлынул на землю. Ближайший десантник бросился вперед, повалил товарища, попытался зажать шланги ладонями. Гюрза до крови цапнула его за палец и метнулась прочь. Оставалось последнее дело...

Лихорадочно озираясь, селевиния заметила присыпанный бетонной крошкой приклад рядом с беспомощно торчащей из-под завала лапкой. Рванулась вперед, прыгнула, чудом увернувшись от десантного ножа. Перекатилась по земле и вскочила уже с оружием в лапах.

– Получите, гады... – выдохнула Гюрза, скидывая автомат. Крохотные пульки не пробили бы даже антирадиационных скафандров, но селевиния целилась не в людей. Длинная очередь подожгла разлитый по бетону напалм.

Солдаты все поняли в тот самый миг, как увидели ствол в лапках Гюрзы, и с внушающей восхищение быстротой метнулись врассыпную. Огнемечик даже успел сбросить с себя баллоны, у тех имелись мгновенно раскрывающиеся зажимы как раз на такой случай. Тем не менее, облако сумасшедшего огня обдало каждого, брызги напалма мгновенно прилипали к скафандрам.

Гюрза в последний миг успела юркнуть в трещину и спаслась, а люди катались по земле, отчаянно пытаясь сбить пламя. Из приземлившегося вертолета выпрыгнул пилот с огнетушителем. Селевиния в бешенстве скрипнула зубами; у нее не осталось оружия, способного добить врагов. Дальнейший бой вести было нечем.

Тем не менее, главную победу Гюрза уже одержала: зачистка города откладывалась как минимум на пару часов, пока вертолет не слетает на базу за новым огнеметом. Терять время было нельзя. Прихрамывая на сильно ушибленную заднюю лапку, селевиния тихо отступила под прикрытие уцелевших кусков стены и, развернувшись, бросилась во тьму.

Первую уцелевшую машину пришлось оставить-ее намертво блокировал перевернувшийся грузовик. Гюрза протиснулась между стеной и кабиной, огляделась.

Грузовик придавил дверцей молодого касаяка, тот был еще жив и, с мукой, глядел на селевинию. Гюрза закусил губу.

Подбежала к раненному, напрягла все свои немалые силы. Дверцу удалось приподнять, и касаяк, плача от боли, на руках выполз из-под машины. Его мощные, прыгучие задние лапы волочились по земле, перебитые сразу в нескольких местах.

Гюрза свирепо выдохнула:

– Держись за шерсть, – она перебросила раненного через спину и потащила к не слишком на вид пострадавшему пескоходу, врезавшемуся в стену метрах в двадцати от грузовика.

– Брось... – прошептал касаяк. – Я все равно не жилец...

– Обойдешься!

– Не трать время... – раненный с мукой зажмурился. – Я видел... Как ты сражаешься... Спаси нас... Защити город...

Селевиния уложила его на заднее сидение пескохода и прыгнула за руль.

– Побереги дыхание, – прорычала свирепо. Пескоход был наиболее мощной модели-десять сто шестнадцать, с газотурбинным двигателем. По пути в жилые кварталы, Гюрза выжала из машины все, на что та была способна.

Улицы города опустели, сирены выли тоскливо и одиноко. Брошенные автомобили и разбитые витрины, аварийные красные лампы через каждые сто метров объясняли обстановку лучше выпусков новостей. Гюрзе пришлось напрячь всю волю, чтобы притормозить у районной больницы.

– Со мной раненный! – крикнула она группе санитаров, поспешно грузивших в «Скорую помощь» канистры с кумысом. Те переглянулись, но, к чести профессии, даже не стали задавать вопросов. Стонущего касаяка уложили на носилки и уволокли в здание, следом побежал хирург в сиреновом халате. Гюрза до пола вдавила газ.

Ставка контрразведки, снаружи, ничуть не изменилась. Протаранив забор, селевиния даже не стала глушить двигатель. Выпрыгнула из машины, рванула на себя дверь. В фойе не горел свет.

Стараясь побороть панику, Гюрза бросилась к знакомому кабинету. Удар! Створки разлетелись по сторонам, перепуганная Айжамал вжалась в стену. При виде целого и невредимого Сая, у матери подкосились лапки, она чуть не потеряла сознание.

– Что происходит?! – в ужасе спросила белая мышь, глядя на окровавленную, обсыпанную бетонной пылью воительницу. Гюрза схватила сына, прижала к груди. Не сразу нашла силы ответить.

– Дегелену конец, – выдавила, наконец, судорожно дыша. – Я ненадолго задержала людей, у нас есть пара-тройка часов. Приступайте к эвакуации.

Айжамал посерела от ужаса.

– Я... Слышала взрывы...

– Верно, – селевиния скрипнула зубами. Нежно лизнула мышонка в нос. – Малыш, как ты был без меня? Не испугался?

Сай замотал головой. Удивленно провел пальчиком по грязной, окровавленной шерсти матери.

– Да, я немного... Запачкалась, – с трудом отозвалась Гюрза. – Но все отмоеся.

Мышонок счастливо ткнулся мордочкой в мамину шею и открыл блокнот, который до сих пор прижимал к груди. Показал карандашный набросок.

– Ты нарисовал птичку? – селевиния заставила себя улыбнуться. – Наверно, ту странную саджу?

Сай замотал головой и указал на хвостатые фигурки по сторонам от большого черного силуэта хищной птицы со рваными дырами вместо глаз. Ткнул себя в грудь, ткнул пальцем Гюрзу, показал на потолок. Селевиния, со вздохом, лизнула сына в щеку.

– Нет, малыш, на птичке мы не полетим. В другой раз.

Сай принялся что-то объяснять жестами, но Гюрза лишь крепче прижала его к груди и вздохнула. Метнула взгляд на зеркальное стекло, за которым располагалась камера для допросов.

– Подопытный. Его нельзя тут бросать.

Айжамал, с трудом одолев панику, покачала головой.

– Мы отправим его вместе с сотрудниками управления...

– Отправите куда? – грубо оборвала Гюрза. – Никто из вас не говорит по-человечьи.

Она покачала головой:

– Мыш поедет со мной. Где ближайший пункт сбора по плану эвакуации?

Айжамал, сглотнув, подошла к массивному шкафу и, некоторое время, рылась среди бумаг.

– Вот карта, – сказала, наконец, вытаскивая тонкую красную папку. – На случай обнаружения, горожанам с четвертого жилого яруса предписано следовать к точке «Егынды-Булак» на любом подручном виде трансп...

– Очумели?! – Гюрза моргнула. – Туда ехать неделю даже на пескоходе! Я спросила, где БЛИЖАЙШАЯ точка!!!

Бледная Айжамал закусила губу.

– Сейчас... Сейчас...

– Дай сюда! – Гюрза вырвала у нее карту. – Так... Вот, отлично! Подземелья Каскабулака!

– Но туда нельзя! – в ужасе вскрикнула белая мышь. – Там... – она запнулась, – ...нет воды.

Селевиния прищурила глаза.

– Так слухи правдивы? В Каскабулаке действительно ваш секретный объект?

Айжамал вскинула голову.

– Там нет воды. И энергии. Вот и все. Мы поедем к... К... – она лихорадочно осмотрела карту. – Вот, прекрасное место для регруппировки-ручей Тундык. Его берега радиоактивны, люди туда не сунутся.

Гюрза закусила губу.

– Хорошо. На закате мы с подопытным будем у ручья. Ты знаешь эту местность? – она прищурила глаза. – Там есть остов Ил-4, использовавшегося при ядерных испытаниях. Буду ждать у самолета. Если не встретимся, – отправлюсь в Мангы-Узун, оттуда на север, за зону. Люди будут еще долго прочесывать полигон...

– Я не могу отпустить тебя с подопытным, – покачала головой Айжамал. – Он принадлежит управлению. Мы поедем все вместе.

Селевиния криво усмехнулась.

– Что, пушистик, со мной рядом спокойнее будет?

Белая мышь вспыхнула, но Гюрза покачала головой:

– Не кипятись. Я не против. Присмотришь за малышом, коли вынудят драться.

– Я дипломированная разведчица, а не секретарша!!! – возмутилась Айжамал.

Селевиния пожала плечами.

– А я, только что, уложила пятерых людей, – отозвалась спокойно. Белая мышь выпучила глаза и судорожно сглотнула. Гюрза усмехнулась:

– Ладно. Довольно терять время. Открывай камеру, а сама начинай паковать вещи. Машина у входа. Нужны карты, вода, ящик гидратированной саранчи для меня с ребенком и мешок зерна для вас, авиационный керосин и весь кумыс который ты сможешь найти. Грузи канистры в салон, не в багажник-ехать будем мимо Жаровни...

Айжамал с трудом кивнула. Гюрза, потершись носом об носик испуганного сына, ласково лизнула его в щечку. Сай вновь попытался показать маме блокнот, но Гюрза была слишком озабочена текущими проблемами.

– Все хорошо, малыш. Я рядом. Я не дам в обиду... – она на миг зажмурилась от боли. Встряхнулась, свирепо перевела дыхание, поставила мышонка на пол. – Подожди тут минутку, мама сейчас вернется.

Сай покорно кивнул и отошел в уголок, судорожно прижимая блокнот к груди. Селевиния рывком отодвинула дверь. Эджи отпрыгнул от зеркала, прижавшись к которому, он пытался слушать разговор по ту сторону. Гюрза невесело усмехнулась.

– Дела плохи, – сообщила она по-русски. – Люди обнаружили наш город.

Мышонок сглотнул:

– И... Что теперь будет?..

– Не догадываешься? – мрачно осведомилась Гюрза.

Эджи замотал головой:

– Здесь же высокая радиация! Люди не могут вас тут преследовать!

– Не сумеют выжечь вручную, так в новостях сообщат, что на полигоне провели последнее ядерное испытание! – гневно возразила селевиния. – Очнись, островитянин. Зверьяне угроза их доминированию. Люди никогда не позволят нам жить рядом, это столь же ясно, как твой волосатый хвост!

Мышонок нервно попятился.

– Ты не права. Люди не рискнут отправить солдат в радиоактивную пустыню на смерть, и тем более взрывать тут атомную бомбу – ради нескольких грызунов? К тому же, не все люди монстры, среди них...

– Эджи, милый, – Гюрза горько улыбнулась. – Разве на вашем острове бомбу не взорвали?

Мышонок запнулся и поник. А Гюрза вдруг оцепенела. Ей в голову пришла странная-опасно странная-мысль. До того странная, что ее, пожалуй, даже имело смысл хорошенько обдумать.

– Остров... – негромко протянула селевиния. Помолчала, взвешивая все «за» и «против». Другого шанса ей не представится больше никогда, тут без вопросов.

– Остров... – медленно прошептала Гюрза. – Ты сказал, ваша колония скрывается от людей на необитаемом острове? Уже двенадцать лет?

– Ну... да, – буркнул Элджи.

– Почему остров необитаемый?

– Там заповедник, – неохотно отозвался мыш.

– И люди не подозревают о вашем существовании?

– На острова запрещен доступ даже научным экспедициям, не говоря уж о туристах. Мы долго искали такое место.

– Ясно... – пробормотала Гюрза, кусая губы. Ее грызли сомнения. – Куда ты летел?

Элджи нахмурился:

– Сейчас лучшее время для допроса?

– Ты собирался проникнуть в институт Ломоносова, верно?

Мышонок моргнул:

– Откуда знаешь?

– У нас он зовется Черным Улусом, – буркнула Гюрза. Опустила голову и, некоторое время, молча смотрела в пол.

– Год назад я потеряла четверых детей, когда люди устроили «дератизацию» одного из пограничных поселков, – сказала глухо. – На будущий год ожидается перенос границ обитаемой зоны, ведь уровень радиации на полигоне непрерывно снижается. Людям не терпится начать продажу бесхозной земли, они подделывают отчеты, торопят экспертов. Их абсолютно не волнует, что изотопы в почве не распадутся еще тысячи лет, и всякий человек, поселившийся на полигоне, неизбежно умрет от рака.

Селевиния стиснула коготки.

– У меня остался последний ребенок. Я не хочу, чтобы он умер вместе с Дегеленом. Я ненавижу этот город... – Гюрза глубоко вздохнула и, решившись, шагнула вперед:

– Элджи, – сказала сухо. – Я помогу тебе вернуться домой, если обещаешь забрать меня с сыном на ваш остров.

Повисла тишина. Мышонок некоторое время молча смотрел на массивную, покрытую кровью и каменной пылью воительницу.

– Я не могу обещать, – ответил он, наконец, с явной болью. – Я разбил самолет и не представляю, как добраться до базы. Если вы дадите мне рацию, я...

– Тссш! – Гюрза щелкнула зубами. – Далеко ваша база?

– Несколько тысяч километров...

– Сколько?!

– Вся моя техника использует резонаторы Теслы, это бесконечный источник энергии, добывающий ее прямо из структуры вакуума, – грустно ответил мышенок. – Самолет имел неограниченную дальность полета.

Гюрза сглотнула.

– Ради такого люди не то, что атомную, кобальтовую бомбу не пожалеют... – она помолчала, нервно дергая кончиком хвоста. – Странно все это. Тебя извлекли из контейнера с баллистическим гелем, поэтому и жив остался при падении машины. Ты чего, готовился прыгать без парашюта? Зачем?

Элджи опустил голову.

– Меня не в первый раз сбивают, – буркнул глухо. – Проектируя самолет, я хотел быть готовым ко всему.

– Ты соображаешь, каково брякнуться с километра об асфальт?!

– Я вообще неплохо соображаю! – резко отозвался мышенок. – На высотах, где я летаю, от парашюта пользы как от заговоренного амулета. Хватит допрашивать!

Гюрза нахмурилась.

– погоди, а что ты собирался делать в секретном институте? Ради чего рисковать жизнью? Уж явно не просто так! – она подалась вперед: – Куда ты летел, Элджи?

Черный мыш опустил голову:

– Я не могу сказать. Прости.

– Почему?

Он замотал головой:

– Не спрашивай, пожалуйста. Я бы сказал, если б мог. Просто поверь, у меня имелась веская причина отправиться в этот полет.

Гюрза нахмурилась.

- Вы что-то ещё нашли в тех документах, верно? – спросила она напряженно.
- Нечто настолько важное, что ты в одиночку пустился в смертельно опасный полет на другой конец мира...

Элджи отвернулся. В его крупных зеленых глазах стояли слезы.

Глава 5

Летунья лихорадочно оглядела кабину:

– Ich hatte es eilig, dich zu warnen!!! Ein Angriff auf Degelen wird vorbereitet! Die Leute wissen alle, dass Ihre Stadt zusammenbricht!!!

В машине повисла мертвая тишина-казалось, исчез даже вой дизеля и пыхтение компрессора, качавшего воздух. Все, кроме Темира, уставились на летучую мышь.

– На каком языке она говорит? – недоуменно спросил следопыт, приподняв респиратор.

Таурон бросил на него гневный взгляд:

– Немецкий.

– Немецкий? Она что, тоже из Европы? – Темир вернул респиратор на место и обернулся к дороге. Грузовик прибавил скорость.

– Я говорю и на вашем языке, и на русском, и на английском, – чуть тише, на зверолингве сказала летунья, дыша через трубки. – Я из Швейцарии, эмиссар Цюрихского института Генезиса, мое имя Ингрид Фюнгерхаттдоттир, или просто Инга. Спасибо, что спасли мне жизнь.

Темир, встрепенувшись, оглянулся на спасенную и одобрительно кивнул. Эрих и Туман переглянулись, но респираторы помешали ответить. Таурон, единственный кто мог говорить вслух, гневно распушил перья:

– Благодарю этого длиннохвостого, – он указал клювом на Темира, сидевшего за рулем. – Он чуть не погубил всю экспедицию, завидев какую-то подышающую летучую мышь! – сычик возмущенно распушил перья.

Инга на миг закрыла блестящие глазки:

– Как скоро я смогу продолжить полет? – спросила слегка дрожащим голосом.
– Дорога каждая секунда, я обязана спасти город.

Сычик неприветливо нахохлился:

– Как только наш горе-водитель выберется, наконец, из проклятого каньона.

Инга сильно вздрогнула. Понурилась:

– Я не знала, что здесь отравленный воздух, – сказала совсем тихо. – Думала срезать путь, на картах это был самый короткий маршрут к полигону... – ее передернуло. – Мне с вечера нездоровилось, горело в груди и болела голова, а над каньоном начала задыхаться. Попыталась набрать высоту, но все закружилось, крылья не слушались... Это ужасно, чудовищно. Здесь, наверно, погибают десятки птиц и зверей! Как такое случилось? Почему ветры не очищают атмосферу?

Таурон бросил на спасенную слегка заинтересованный взгляд.

– Говоришь, будто образованная, – буркнул сыч.

– Я такая и есть, – спокойно отозвалась летунья.

– Слыхала о катализаторах?

– Слыхала.

– Так вот... – Таурон клацнул клювом. – Люди испытали здесь секретное оружие, которое сами же прозвали «вечной погибелью». Это была химическая бомба, распылившая над каньоном особый катализатор. Воздух, вступая с ним в контакт, становится ядовитым, при этом катализатор не расходуется. Атмосфера в каньоне никогда не очистится, даже через миллион лет.

Инга зажала крылом рот:

– Какой ужас!

Таурон усмехнулся:

– Это ужас? Погоди, пока узнаешь, что хранится в Черном Улусе...

– Тау, достаточно, – мягко оборвал Эрих, приподняв на мгновение респиратор.
– Бедняжка едва не погибла. Дорогая Ингрид, имею честь представиться-я доктор Эрих Кнутте из Цюрихского института, с кафедры зоографии, это мои спутники-

Туман и Таурон, а управляет машиной ваш спаситель, он из местных, зовут Темир. Что за опасность грозит Дегелену? Как вы о ней узнали?

Инга опустила голову.

– Я с кафедры футурологии, занимаюсь популяционной евгеникой. У меня есть зачатки способностей эспера, поэтому меня и отправили сюда, на поиски редчайшего мутанта-телепата, – начала она рассказ. – Его сила пока дремлет, но она столь велика, что ощущается эсперами даже в Швейцарии, на другом конце Земли.

– Эсперами? – неразборчиво переспросил Туман из-под респиратора. Инга развела крыльями:

– Да, в институте помимо меня работают еще двое таких мутантов. Увы, наши способности мизерны.

Она опустила голову, помолчала:

– Видите ли... – Инга сглотнула, – Здесь, в Казахстане, еще со времен СССР имеется секретный институт, где хранятся данные по уникальным разработкам Холодной Войны. Эти разработки настолько смертоносны и ужасны, что даже сами русские боятся их применять. ЦРУ пыталось проникнуть в институт с самого распада Союза, но все их планы разбивались вдребезги, поскольку, по нашим данным, в охране института есть телепаты. Люди-телепаты.

– Люди? – пренебрежительно усмехнулся Таурон. Инга очень серьезно кивнула:

– Не смейтесь. Я глубоко изучила оккультные науки и знаю, что есть немало вещей, объяснить которые рационально нельзя.

– Правда? – насмешливо спросил сыч. – А вам там в Цюрихе не приходило в голову, что радиоактивное загрязнение всего Восточного Казахстана длится уже второе человеческое поколение? Если «телепаты» реальны, тому, как видишь, есть эшмакски-рациональное объяснение.

Летучая мышь запнулась. Упрямо покачала головой:

– Пусть так. Но дома я знала мутанта, умевшего видеть смутные картины будущего и предчувствовать грозящую ему опасность. Как объяснить подобное?

Темир на водительском сидении сильно вздрогнул, но крылатая ничего не заметила.

– Я прибыла в городок Жаксы по человеческой железной дороге, прячась в товарном вагоне, – Инга запнулась, – получила там карту полигона и отправилась в

полет, но по пути увидела стоявший прямо в степи военный вертолет и внезапно ощутила, что рядом сильный телепат. Решила подлететь ближе-вдруг мои поиски увенчались успехом?

Летучая мышка поникла.

– Я ошибалась. Пилоты сидели в кабине, а рядом у колючего куста, человек в черной военной форме допрашивал двух пленных зверян-вы понимаете, допрашивал зверян! Говорил с ними! – Инга в ужасе закуталась крыльями. – Наша тайна была раскрыта, но это еще не самое страшное. Если б вы видели... Если б могли представить, что он делал с пленниками! – летучая мышь содрогнулась. – Я не выдержала, попыталась их освободить, но человек ОЩУТИЛ мое приближение и насадил несчастных на шипы. Прямо на моих глазах! И пока они корчились, захлебываясь кровью, он снял с пояса рацию и громко отдал приказ уничтожить Дегелен, поскольку, по его словам, «крысы расплодились сверх меры».

Инга в ужасе покачала головой:

– Я знала про Дегелен, и догадалась, о чем изувер допрашивал пленных. Рванувшись предупредить, умудрилась избрать путь через ядовитый каньон... Остальное вы знаете, – мрачно закончила летунья.

Повисла тишина. Таурон, слушавший рассказ с неподдельным интересом, слегка распушил воротник перьев.

– Любопытно, любопытно... – протянул он. – Только есть нестыковочка... – сычик подался вперед: – Говоришь, прямо из Жаксы летела в Дегелен, но отравилась тут, в Сизом Каньоне?

– Ну да, – недоуменно кивнула летучая мышь. Таурон щелкнул клювом:

– А ты знаешь, что отсюда до границ полигона еще километров тридцать?

– Я изучала карты, да.

В огромных глазах сычика промелькнула странная, недобрая искорка.

– Каким же образом ты нахваталась радиации, коли до полигона даже не успела долететь? – спросил он размеренно.

Инга растеряно моргнула. Темир за рулем с удивлением обернулся, Эрих и Туман озадаченно переглянулись. Летучая мышь в полном замешательстве накрылась крыльями.

– Понятия не имею! – пробормотала она дрожащим голосом. – Может, тот вертолет... Или человек?!

Таурон презрительно фыркнул. Но в разговор внезапно вступил Темир:

– Ты что-нибудь ела перед полетом? – спросил через плечо, приподняв респиратор и не отвлекаясь от управления грузовиком. Инга вздрогнула.

– Да, конечно. Нам часто требуется пища, особенно, когда много летаем. Несколько сочных мух, три десятка светлячков, ну и всякую мошкарку по пути ловила...

– Светлячков? – Темир оглянулся. – Зеленых или синих?

Инга моргнула.

– Синих, кажется...

– Понятно, – следопыт вздохнул, вновь надвинул респиратор и вернулся к управлению. Таурон недовольно ухнул.

– Что-то не так с синими светлячками? – растеряно спросила летучая мышь. Сычик метнул на нее слегка презрительный взгляд.

– Все нормально, кроме того, что их не бывает, – буркнул под клюв. – Наглоталась радиоактивных жуков из Жаровни...

– Откуда?!

– Кратер в центре полигона, – отозвался сыч. – Там водятся самые опасные мутанты. Ветры нередко относят целые рои радиоактивных насекомых в степь, где звери их ловят и мрут в страшных мучениях.

– Какой ужас... – прошептала Инга. – То есть, я была обречена?! Даже если бы не отравилась в каньоне?!

– Уху, – отозвался сыч. – Благодарю за спасение кумыс да нашу щедрость, – последнее слово он произнес с сильным сарказмом, бросив на Эриха обвиняющий взор.

Летучая мышь с дрожью провела крылом по мордочке.

– Спасибо... – выдавила она.

– Не за что, – буркнул Таурон. Инга с трудом заставила себя немного успокоиться.

– Простите, а куда направляется ваш отряд? – спросила после долгой паузы. – Почему я не слышала об экспедиции доктора Кнутте с соседней кафедры?

Таурон взглянул на Эриха, тот кивнул. Сыч обернулся к летунье и начал рассказ.

Темир перестал слушать, вновь обратив все внимание на дорогу. Путь сменил уклон, теперь грузовик с натужным воем карабкался на подъем. Догадавшись, что это

значит, следопыт невольно улыбнулся и потрепал юного Тумана по шерстке. Тот удивленно наострил ушки.

«Каньон заканчивается», – жестами объяснил Темир. Дварг встрепенулся, радостно подался к ветровому стеклу. В лучах фар, мертвая земля убегала назад, страшное царство смерти осталось в прошлом.

Сычик, как раз, успел закончить рассказ о Чернобыле, как фургон с трудом перевалил каменистую насыпь и покатился по степи прочь от зловещего каньона. Темир непроизвольно жал на газ, стремясь побыстрее забыть о ночном кошмаре, но внезапно, в желтоватом конусе электрического света возник силуэт. Задохнувшись, следопыт ударил по тормозам.

На пути машины сидела птица-простая степная саджа, чей душераздирающий крик тысячелетиями пугал ночных путешественников. Эта птица хранила молчание, но что-то в ее глазах, обращенных к Темиру, заставило всю его шерсть подняться дыбом.

– В чем дело? – шепотом спросил Туман, снимая уже ненужный респиратор. Следопыт не ответил: молча, дрожа всем телом, он смотрел в глаза птицы. Тишина продлилась пару секунд.

Затем саджа, коротко кивнув, распахнула крылья и прыгнула в ночь. С Темира будто спала гипнотическая пелена:

– Покинуть машину!!! – заорал он, срывая респиратор. – Залечь в камнях, не шевелиться!!! – подавая пример, следопыт выбил водительскую дверцу. Туман, обо всем догадавшись, бросился следом, растерянный Эрих только открыл рот. Таурон схватил его за шкуру когтистой лапой:

– Мутант почувствовал опасность, беги!

– Но... Эмбрионы... – старый врач в отчаянии вскочил. – Мы не можем...

– БЕГИ!!! – проревел Темир, запрыгивая в салон. Схватив за крыло растерянную Ингу, он потащил ее из машины, следом Таурон волок сопротивляющегося лемминга. Спотыкаясь и падая, пятеро зверян бежали во тьме, кашляя от тошнотворного дыхания каньона.

Прошла минута, другая. С севера стремительно приближался рокот мощных моторов, вскоре земля начала трястись. Беглецы едва успели отдалиться от машины метров на сто, как с неба ударил слепящий луч света. Обжигающе-белое прожекторное

пятно вырвало из тьмы брошенный грузовик с распахнутыми дверцами и тянущимся к воздушному шару рукавом.

– Прячьтесь! – крикнул Темир. – Под камни! – он толкнул Ингу в ближайшее укрытие и нырнул туда сам, соседнюю щель занял Туман. Старый Эрих, задыхаясь от быстрого бега, свалился совсем рядом.

– Как же так... – бормотал он, всхлипывая и царапая камни. – Эмбрионы...
Надо спасти... Обитаемая зона...

Таурон в отчаянии огляделся-сычик был слишком крупным, чтобы уместиться под камнем. Захлопав здоровым крылом, он подтащил обессиленного врача к крупному обломку.

– Лемминги... – выдохнула птица, принявшись забрасывать Эриха землей. Позади, на вертолете вспыхнули десятки огней, двери десантного отделения раздвинулись. Таурон, ухнув от страха, побежал к ближайшему бульжнику, волоча перебитое крыло.

– Что происходит? – выдохнула Инга, придавленная Темиром к земле.

– Тише... – следопыт был дико напряжен. – Нас не заметят, если... О, злобный Эшмак, нет! – перепуганный, растерянный Эрих пытался встать на ноги. Темир закусил губу.

– Не шевелись, – выдохнул он в ухо летучей мыши и, напрягая все силы, бросился к старику. Схватил за шкурку, рывком зашвырнул на свое место под камнем... И замер в луче света. С вертолета развернули прожектор.

«Врешь», – мысленно сказал Темир. – «Мой час еще не пробил» ... – и, петляя, рванулся прочь, отвлекая внимание от беззащитных друзей.

Далеко убежать ему не удалось. Автоматная очередь взметнула вулканчики песка на пути, следопыт резко свернул, бросился в сторону, еще раз-и покатился по земле, с воплем прижав ладони к глазам, когда рядом взорвалась ослепляющая граната.

Вспышка чудовищной интенсивности временно лишила зрения и прочих беглецов, в страхе следивших за поимкой Темира. Хуже всех пришлось Таурону, с его чувствительными глазищами, сильно пострадала и Инга. Но даже таким, ослепшим и беспомощным, зверьям все равно оставался шанс на спасение, если бы не старый Эрих, почти утративший рассудок от потери драгоценного груза.

Громко крича, обезумевший лемминг бросился бежать, не разбирая дороги. Людям его крик, естественно, показался писком, но беглецов выдал и писк. Прожектор развернулся в сторону их укрытия.

Несчастные этого даже не заметили. Дрожащих, беспомощных, их по одному подбирали солдаты и бросали в мешок.

Всех, кроме Инги.

Летучая мышь отличалась от спутников уникальным умением-для нее зрение было не единственным, и даже не главным средством познания мира. Слегка оправившись от первого шока, Инга задействовала сонар и «огляделась»; открывшаяся ей картина заставила летучую мышь пискнуть, схватить лапками маленького Тумана и, двумя взмахами, взлететь к трещине в ближайшем утесе. Прожектор с вертолета за ней не последовал, очевидно, столь крохотную цель было плохо видно с шестидесяти метров.

Забившись в укрытие, Инга спеленала ослепшего Тумана крылом и оцепенела, стараясь не выдать себя ни единым движением. На тусклой сонарной «картинке» она видела, как солдаты изловили Темира, Таурана и Эриха, сунули всех троих в общий мешок и, вместе с фургоном, который рядом с людьми казался игрушечной машинкой, забросили в вертолет. Двое десантников остались там, а двое других начали прочесывать местность, водя по сторонам могучими фонарями. Инга судорожно выдохнула.

– Ты как, живой? – спросила шепотом. Туман всхлипнул.

– Ослеп...

– Не болтай глупостей, все пройдет через минуту.

Дварг зажмурился. У него непроизвольно дергалось ухо.

– Это конец, да? – спросил тихо. – Все погибли?

Инга стиснула зубы.

– Пока нет. Их изловили живьем.

– Ты видишь? Как?

– У меня сонар.

– А-а-а... – протянул Туман. Шмыгнул носом. – Прости, что я так... Испугался.

Я должен вернуться. Спасти отряд. Я отправился с Эрихом, чтобы совершить подвиг, а вместо этого...

– Фшш! – летучая мышь встряхнула юного дварга. – Опомнись. Подвиг должен иметь смысл, иначе это просто самоубийство, а не подвиг.

Туман сглотнул.

– Что же нам делать?

Инга прищурилась: зрение начинало возвращаться, огненные пятна перед глазами тускнели.

– Люди отвезут твоих друзей на допрос, – сказала она негромко. – В противном случае убили бы сразу. Наш шанс в том, что они не знают, сколько зверян было в грузовике.

Туман вздрогнул.

– Хочешь лететь за ними?

Инга покачала головой.

– Не угнаться. Во мне всего одна мышинная сила, а в вертолете пять тысяч лошадиных. Мы должны спрятаться на борту.

Туман отпрянул. К нему тоже начало возвращаться зрение, мышонок яростно тер глаза.

– Но где же нам спрятаться в боевом вертолете?!

– В любом подходящем местечке, – летунья нахмурилась. – Например, в ракетной установке под крылом.

– А если выстрелят?!!

– Значит, путешествие окажется коротким... – Инга потерла глаза крылом, зрение быстро восстанавливалось. – Вообще-то, знаешь, малыш, тебе лучше остаться здесь. Я летаю и вижу в полной темноте, мне одной будет легче освободить пленников. Без обид?

Туман замотал головой:

– Я не буду обузой! Я ловок, быстр, хорошо прыгаю и плаваю! А еще я грызун, – добавил он с волнением. – Могу перегрызть веревку или проделать отверстие в мешке! Если ты бросишь меня здесь, я погибну! Человечья база отсюда в десятках километров, как ты найдешь крохотного мышонка, когда вернешься?!

Инга улыбнулась, невольно продемонстрировав набор острейших клыков, способных пропороть крысу насквозь.

– Убедил, – схватив дварга за шерсть, она взмахнула крыльями и прыгнула в звездное небо.

Приближаться к вертолету с высоты было немыслимо, лопасти до сих пор вращались. Спикировав почти до самой земли, Инга облетела машину по большой дуге, чтобы избежать прожекторов, нырнула под фюзеляж и юркнула в нишу для складывающегося шасси. Быстро огляделась, изучила форму колес, желая убедиться, что их с Туманом не раздавит. К счастью, в ступице массивного титанового диска имелись прорези, где легко уместились бы двадцать летучих мышей.

– Не шевелись, – шепотом приказала Инга, усадив дварга на теплую трубу гидроцилиндра. – Пока люди прочесывают местность, я попытаюсь освободить пленников.

Туман с трудом кивнул.

– Буду ждать... – отозвался тихо, и голос невольно прозвучал столь беспомощно, что летунья вздрогнула. Потрепала мышонка крылом.

– Ты ведь Туман, да?

– Да...

– Я скоро вернусь, Туман, – серьезно сказала летунья. – Я друзей в беде не бросаю. Понимаешь? Я вернусь.

Мышонок шмыгнул носом.

– Верю, – ответил просто. Инга улыбнулась и, оттолкнувшись, спиной вперед выбросилась из ниши, разворачивая крылья. Завертелась винтом, заложила вираж над самой землей, двумя взмахами промчалась под фюзеляжем и затаилась у открытого люка, вцепившись коготками в металл. Отсюда ей было прекрасно видно людей.

Один из солдат, охранявших вертолет, тянул к земле воздушный шар, наматывая парусиновый рукав на локоть. Второй стоял с автоматом наизготовку и мрачно озирался.

Инга заползла в десантное отделение. Перевернутый и помятый фургон валялся под откидной скамьей, мешок с пленниками подвесили к задней стене. Одного взгляда на узел-толстый, капроновый-хватило летунье, чтобы отказаться от мысли его перекусить.

«Зато капрон отлично режется раскаленным ножом» – вспомнила Инга и лихорадочно огляделась. Подползла к фургону, забралась в кабину через разбитое лобовое стекло. В машине царил полный хаос.

– Ну, чего там? – донесся снаружи человеческий голос. Говорили по-русски.

– Да ни фиги... Погодный зонд, никаких шпионских штучек. Зря летели.

– Так уж и зря, – фыркнул второй десантник. – Сначала америкосы к нам беспилотник засылают, теперь, вон, воздушный шар на радаре орет.. А если это все для отвода глаз?

– Угу, и говорящих крыс они для отвода глаз вывели, – пробормотал десантник, тыкая синоптический зонд ножом. – Слыхал, что вчера было с отделением Курбанова?

– Это которых в Дегеленский бункер на зачистку послали?

Инга оцепенела. Бросилась к окну, выглянула. Люди беседовали прямо у десантного люка.

– Те самые... – солдат покачал головой. – Говорят, всех пятерых положила какая-то толстая крыса-охренеть, а? Им для зачистки выдали ранцевый огнемет времен второй мировой, «Шмелем» или «Варной» много не пожжешь... Так крыса умудрилась боезапас взорвать. Жахнуло почище 71–го, насилу потушили.

– Погодь, Курбанова ж вроде в госпиталь уложили из-за радиации? Типа, скафандр разгерметизировался...

– Угу, угу, ты еще теленовости слушай, – фыркнул десантник. – Паразиты свою нору берегут, не то, что мы-страну.

– Б**...

– Угу, п***** полный.

– Ну и чего теперь будет?

– Чего, чего... Ракету тратить не станут, и не надейся, ракета больших денег стоит. Снова отправят людей.

Второй десантник огляделся и понизил голос:

– А ты слыхал, что эти крысы к радиации нечувствительны?

Первый солдат кивнул.

– Угу. Мутанты какие-то. Говорят, из-за крыс-то вокруг и запретная зона, уровень радиации там не такой уж и смертельный.

Второй человек сплюнул.

– Мы с тобой прямо щас, вот тут, вдыхаем за секунду раз в пятьсот больше яда, чем нормами дозволено. Лет через двадцать, знаешь, как аукнется? Десна кровоточат, зубы не держатся, инсульты, облысение, рак...

Первый десантник смолчал. Инга отползла от люка и, дрожа, подбежала к мешку.

– Ребята, вы там живые? – позвала тихо. Ответ последовал не сразу:

– Инга? – донесся хриплый голос Темира. – Ты свободна?

– Да, да! Как вам помочь?

Мешок дернулся, когда следопыт прижался к брезенту изнутри.

– Найди в фургоне мои ножи! – прошептал Темир. – Кожаная перевязь, лежали под передним сидением. У них кромка из нитрида бора, режут что угодно. Только торопись!

– Поняла! – летунья бросилась к фургону. Нырнув в разбитое окно, лихорадочно огляделась, «просветила» машину сонаром. Сразу увидела перевязь, схватила зубами, потащила на себя... Не заметила, как сдавленное креслом дверное стекло сместилось на пару миллиметров и, внезапно, со звоном, разлетелось на тысячи закаленных осколков.

– Какого... – оба человека рывком обернулись на звук, и Инга застыла прямо посреди ярко освещенного металлического пола. С ножами в зубах.

– Еще один!

– Хватай! – десантник бросился вперед. Летучая мышь, пискнув, судорожно забила крыльями и, буквально чудом, сумела увернуться. Взмыла к потолку, заметалась-второй солдат успел захлопнуть люк, перекрыв Инге путь на волю. Она осталась в тесном десантном отделении наедине с человеком.

– Ути-пути-пути... – солдат, ухмыльнувшись, махнул рукой на Ингу, заставив летунью броситься в сторону. У бедняжки от страха темнело в глазах, из глубин души рвался исконный, первобытный ужас крохотного существа перед хищником. Борьба с ним было бесполезно.

– Нож! – донесся хриплый, придушенный вопль из мешка. – Брось нож!!!

Трепещущая от страха летунья поняла не сразу. Сообразив, наконец, чего хочет Темир, она пискнула и рванулась к задней стенке кабины. Десантник вновь попытался ее поймать, но это было не легче, чем, хм, ловить рукой летучую мышь. Инга увернулась.

Дернув головой, она подкинула перевязь и перехватила пастью так, чтобы два массивных ножа торчали клинками вперед. Сложила крылья, зажмурилась и свалилась из-под потолка на мешок.

Голубовато-серые матовые лезвия взрезали брезент, как папиросную бумагу. Перевязь вырвало у Инги из пасти, летунья рухнула на пол, беспомощно вывернув крылья-но дело было сделано. В разрез мешка, свирепо скаля зубы, выпрыгнул Темир.

Еще в воздухе, не успев коснуться металла, следопыт вырвал из брезента застрявшие ножи и, рывком развернувшись в прыжке, метнул оба в протянутую к нему руку десантника. Брызнула кровь, человек завопил, отпрянул. Вскинул к глазам раненную ладонь, не понимая, куда делись клинки.

Темир привычным, доведенным до автоматизма движением крутанул кистями, намотав на запястья две тончайшие стекловолоконные нити, скрытые в рукоятках ножей. Рванул, расставил лапки в стороны, поймал оружие. Бросил на солдата тяжелый взгляд.

И метнулся в атаку.

Десантник попятился; на его глазах небольшой, пушистый блекло-желтый зверек, сходный с помесью тушканчика и крысы, внезапно превратился в клубок дико вертящихся клинков. Работу с двумя цепями Темир осваивал многие годы и владел ими виртуозно. На тренировках, он рассекал пополам летящие стрелы, выбивал среднее зернышко из пирамидки, не потревожив остальные, поражал до шести мишеней в секунду. А сейчас, имея на концах нитей клинки из нитрида бора, а за спиной-беззащитных друзей, у следопыта был чертовски хороший шанс превзойти самого себя. И шанс он не упустил.

Пистолет из руки солдата был выбит в один миг. Подпрыгнув, Темир несколькими свирепыми взмахами рассек человеку суставы всех пальцев, вызвав кошмарный вопль боли, а приземляясь-подсек под колени. Ножи пробили толстую военную форму, как воздух. Десантник, корчась, рухнул на пол.

Его товарищ рванул на себя дверцу кабины, бросаясь на помощь, но не успел. Темир метнул оба ножа в его запястье, пока кисть еще лежала на ручке двери. Выдернул, перекатился по металлу, новым взмахом распорол падающему солдату бедро, прыжок-свист клинков-воплъ. Хрипло дыша, ведун дернул ножи на себя.

Из рассеченных локтевых сухожилий фонтаном брызнула кровь. Десантник, утратив контроль над руками, дергающимся манекеном свалился на пол, а Темир бросился к фургону. Пилот вертолета не мог до сих пор принять участие в схватке, поскольку между кабиной и грузовым отсеком не было люков.

Третий человек оказался умнее-он не стал кидаться прямо в десантное отделение, ему хватило вида окровавленных друзей. Выскочив из кабины, пилот упал на колени метрах в трех от люка, вскинул автомат и попытался поймать Темира в перекрестие прицела. Это оказалось плохой идеей.

Поскольку за прошедшие секунды следопыт успел нырнуть в перевернутый фургон и выпрыгнуть обратно, сжимая тускло сверкающий, роликовый хромаровый лук. Единственный к западу от Иртыша.

Темир умел стрелять разом четырьмя стрелами, и использовал свое умение сейчас, пронзив пилоту сразу все пальцы, стиснутые на рукояти калашникова. Завопив от боли, человек уронил автомат, но за пистолетом не успел даже потянуться-следующую стрелу Темир вогнал ему в разинутый рот, пробив язык насквозь. Захлебнувшись кровью, пилот в болевом шоке рухнул на землю.

Бешено хватая воздух, следопыт огляделся. Метрах в пятистах от машины, двое уцелевших десантников бежали к вертолету с автоматами наперевес; терять нельзя было ни секунды. Темир подскочил к абсолютно шокированной Инге и ударил ее по щеке:

– Очнись!!! – рявкнул воин. – Быстро!!!

Летучая мышь судорожно сглотнула.

– Что... Как... Что ты сделал?!..

– Скорее! – Темир бросился к одному из полумертвых солдат и сорвал с его пояса гранату. Подкатил к Инге:

– Лети!!! Урони ее перед теми парнями!! – он махнул на приближающихся десантников. – Я снял чеку!!! Три секунды, Инга!!! Или умрем все вместе!!!

Летунья, пискнув от ужаса, вцепилась когтями в гранату и так заработала крыльями, что перед глазами вспыхнули цветные пятна. Пулей вылетев из вертолета, Инга в отчаянии рванулась вперед, лапками буквально чувствуя, как огонь в детонаторе пожирает запал. Отлетев от машины шагов на двадцать, летунья уронила гранату и в панике метнулась прочь. Десантники, заметив ее маневр, бросились врассыпную.

Вовремя. Гроыхнул взрыв, облако яростного пламени на мгновение осветило степь. Свистящие осколки изрешетили борт вертолета, разбив половину приборов в кабине и повредив двигатель, из выхлопных труб повалил белый дым. Ингу взрывной волной отшвырнуло как сухой лист, она с трудом приподнялась на крыле.

Раненный пилот, которого взрыв застал на открытом месте, превратился в окровавленный кусок мяса. Двое десантников не пострадали, успев залечь среди камней, выжили и израненные солдаты в вертолете. Но сама машина горела.

Потрясенная, уничтоженная летучая мышь свалилась на спину и забылась в глубоком обмороке.

Очнулась она лишь под утро, в тесной пещерке на склоне горы. Рядом, заботливо поддерживая голову старого лемминга, стоял опаленный и притихший Туман, у входа дежурил растрепанный Таурон.

Темир, покрытый кровью от кончика хвоста до кончика носа, сидел на камне и, угрюмо, протирая тряпочкой свой смертоносный лук. Перевязь с ножами тянулась поперек его груди, за спиной висел колчан, на поясе блестела кольчужная перчатка. Инга судорожно сглотнула.

Ее затошнило, и летунья, скрутившись в спазме, откатилась к дальней стене пещеры. На нее никто не обратил внимания. Туман, не в силах даже слизывать языком слезы, прижимал к груди умирающего Эриха, Темир смотрел под ноги. Раздавленная, потрясенная летучая мышь с огромным трудом заставила себя сесть.

– Что... Что случилось?.. – прохрипела Инга, не узнавая собственный голос.

– Старика пнули сапогом, – не повернув головы, отозвался Темир. – До вечера не доживет.

Инга зажмурилась. Мир крутился перед глазами, в груди было совершенно пусто.

– Ночью... Как мы вырвались?..

Следопыт пожал плечами.

– Люди предпочли спасти товарищей из горящего вертолета, вместо того, чтобы преследовать крыс. Я так и рассчитал, но старик был слишком неуклюж. Слишком медлителен.

Он кивнул на выход из пещеры.

– Они вызвали подкрепление, скоро придут вездеходы и начнется облава. Мы убили человека, Инга. Тяжело ранили еще двоих, взорвали вертолет. Будет такая облава, какой еще не помнит степь.

Темир свирепо ударил хвостом.

– Вот, почему людей убивать опасно.

Инга пошатнулась, вспомнив взрыв. Ахнула, зажала крылом пасть.

– Это же я... – прошептала летунья в безмерном ужасе. – Я! Я уронила гранату, это я... Я убила... – она пискнула и свалилась без чувств. Темир криво усмехнулся.

– Добро пожаловать в клуб... – пробормотал он под нос, возвращаясь к полировке лука. Туман и Таурон хранили молчание.

Солнечный лучик осторожно сунул желтую, веселую мордочку под веки. Пощекотал кожу, ткнулся в лицо теплым носом. Элджи с огромным трудом разлепил ссохшиеся губы.

– Воды... – прохрипел он, не узнавая собственного голоса. Чья-то рука грубо сунула ему флягу. Судорожно вцепившись в прохладный металл, мышонок жадно припал к горлышку.

– Ну как, живой? – неприветливо спросила Гюрза. Элджи облил себе лицо и лишь так сумел приоткрыть веки. Долго моргал, глотая воздух всей грудью.

– Да-а... – выдавил он, слегка опомнившись. – Кажется...

– Трудно было сказать, что тебе плохо? – селевиния покачала головой. – Обязательно ждать, пока вырубисься?

Мыш с трудом сел.

– Просто не хотел задерживать... – он сглотнул. – Климат у вас, скажу... Что со мной?

– Тепловой удар, – отозвалась Гюрза.

– Ой...

– Не бойся, оклемаешься. Мы живучие, – она скрипнула зубами. Бросила взгляд на пескоход-белая мышь, измученная не меньше островитянина, полулежала рядом, облокотившись о борт. В небе палило солнце, над раскаленным капотом струился воздух. Газотурбинные двигатели плохо переносили жару и насыщенную песком атмосферу.

– Где мы? – тихо спросил Элджи.

Селевиния отозвалась не сразу. Пока островитянин, борясь с головной болью, пытался встать на ноги, она молча смотрела, как одинокий белый мышонок что-то

рисует в блокноте, сидя на пыльной безжизненной земле. Дул слабый ветерок, в небе до горизонта – ни облачка. Глухая тишина обволакивала мертвую степь, не было ни стрекота насекомых, ни шуршания травы. Родная планета, обращенная в чуждый мир.

– Мы в Жаровне, – тяжело сказала Гюрза. – Самой смертоносной точке Земли.

Элджи будто швырнули лицом об стену:

– ЧТО?! – черный мыш, поперхнувшись, рывком обернулся. – Почему?!

– Радиация, – сухо отозвалась Гюрза. – Здесь, единожды в истории, взорвали кобальтовую бомбу. Маленькую, тактическую, она превратила в ад всего лишь восемьсот квадратных километров. Тут фонит каждая песчинка, каждый камень. Два дня, даже с кумысом, почти предел, дальше начнут разрушаться клеточные мембраны.

– Так надо бежать!!! – Элджи попятился. – Бежать отсюда!

Селевиния горько усмехнулась.

– Бежать? – Она мотнула головой в сторону далекого скального массива Дегелен. – Куда бежать? У нас, что, есть дом?

Гюрза яростно дернула хвостом.

– Можно, конечно, вернуться в город и дожидаться появления людей. Только, поверь, смерть от лучевой болезни приятнее.

Потрясенный Элджи стиснул виски, дыхание с хрипом вырывалось из его горла. Маленький белый мышенок подбежал к матери и обхватил ее за лапку, безмолвно глядя на островитянина блестящими глазенками.

– Но... Как же...

– Люди бывают добрые, правда? – размеренно спросила Гюрза. – Нас не станут преследовать, правда?

Подхватив мышонка на руки, селевиния рывком сунула малыша в лицо Элджи:

– Смотри на него! – бросила в бешенстве. – Однажды я рискнула всем, в надежде на лучшее будущее, и потеряла четверых детей. А вчера у моего последнего ребенка отобрали шанс увидеть в этой проклятой жизни хоть что-то, кроме ядовитых песков! Ну, давай, скажи еще разок, какие люди бывают заботливые. Только не мне! Объясни ему!

Элджи зажмурился. Резко поднявшись на ноги, он сделал пару шагов в сторону города и с болью опустил голову. Скрипнул зубами.

– Дома все иначе, – выдавил островитянин. – Я постараюсь... Вам показать...

– О да, разумеется! – в ярости отозвалась Гюрза. – Ты ведь ученый! Щелкнешь хвостиком, и у нас вдруг вырастут крылья!

– Я мышшь!!! Грызун ростом в десять сантиметров!!! Чего ты от меня ждешь?! Чуда?!

– Ни хрена я не жду, – горько сказала Гюрза.

Повисла тишина, слышно было только тяжелое дыхание. Сай робко протянул матери блокнот с новым рисунком, но на малыша никто не обратил внимания. Наконец, сглотнув, Элджи отвернулся и нервно скрестил на груди лапки.

– Что дальше?

– Мы едем в Шаган Жоошох.

– Что это?

– Военная база. Человечья.

Черный мыш дернулся:

– Зачем?!

– Ну, коль скоро ты не хочешь щелкнуть хвостом и дать нам крылья, – селевиния скрипнула зубами, – придется летать на подручных средствах...

Элджи даже попятился:

– Спятила?! Мы не сможем проникнуть на борт военного самолета!

Гюрза криво усмехнулась:

– Говори за себя. Я не раз так летала.

Элджи сглотнул:

– Но... Даже если мы спрячемся на борту... По прилету на любой военный аэродром, самолет тут же повезут на досмотр, и будут постоянно окружать сотни вооруженных солдат!

Селевиния покачала головой:

– О самолетах речи нет. Мы спрячемся в задней стойке шасси транспортного Ми-8, – она кивнула на пескоход. – Это десантная машина, с гироскопом и парашютами. Сбросим задолго до аэродрома. Оказавшись на земле, вдали от полигона, сориентируемся, отправим сигнал твоим друзьям и поедем к побережью, где затаимся в ожидании вашей подлодки. Еще до конца месяца будем на острове.

– Но... Но... Но это смешно!!! Какие у нас шансы?!

– Шансы? – переспросила Гюрза. Хмыкнула. – А какие шансы у нас здесь, Элджи? – она обвела лапкой мертвый пейзаж. – Люди проведали о существовании

зверян. Отыскали наш город. Это значит, теперь они не успокоятся, пока не выжгут каждый квадратный сантиметр полигона и прилегающих земель. Мы уже мертвы! Мы тонем! Ясно?! – селевиния ткнула островитянина в грудь. Они посмотрели друг-другу в глаза.

– Мой сын не умрет в этих ядовитых песках, – сурово сказала воительница. – Я похороню весь мир, но обеспечу ему будущее. Так что запомни хорошенько, Элджи: мосты сожжены. Пути назад нет.

– А как же остальные? – закусив губу, спросил мыш. – Хорошо, вы с ребенком укроетесь в далекой островной колонии. А жители Дегелена? Тысячи зверян, обитающие в степях? Кто укроет их?

Гюрза помолчала.

– У тебя есть идеи?

– Да! Представь себе, есть! – Элджи с волнением шагнул вперед. – Мы должны рассказать всему миру о том, что здесь происходит. Открыть себя людям и просить о помощи! Пойми, Гюрза, ты видела до сих пор лишь боль и страдания, ты ожесточена и свирепа, но есть и другой путь!

– Например?

– Совесть! – жарко отозвался Элджи. – В прошлом веке, в стране под названием Индия, появился удивительный человек. Его звали Ганди. Индия в то время стонала под пятой жестокой Британской Империи, о свободе никто не смел и мечтать. Малейшее сопротивление беспощадно каралось, кровь лилась реками. И тогда Ганди придумал, как бороться с угнетателями, не поднимая оружия. Не сопротивляясь. Без насилия. Он сказал... – мышенок в волнении зажмурился, – ...«На свете есть многое, ради чего я готов умереть, но нет такого, за что я готов убить».

Селевиния с горечью стиснула коготки.

– Наивный мечтатель. Знаешь, чем кончается встреча танка и пацифиста? Грязными гусеницами.

– Но Ганди победил, – со счастливой улыбкой, негромко ответил Элджи.

Гюрза прищурилась:

– Ой ли?

– Он показал народу целой страны, как можно бороться с тысячекратно превосходящим врагом. Он обратил вражескую силу против них самих, заставив устыдиться. И ужаснуться. Поднялись люди всего мира, давление на Британскую

Империю так возросло, что им оказалось легче дать Индии свободу, чем бороться со слабым, безоружным стариком.

– О чем спор? – тихо спросила Айжамал, подходя к беседующим. Гюрза, фыркнув, перешла на зверолингву:

– Наш заморский друг предлагает перенять ахимсу у Ганди.

Белая мышь моргнула:

– Что такое ахимса?

– Ахимса? – Элджи вздрогнул, услышав знакомое слово. – погоди, ты знаешь про Ганди?!

Гюрза с болью кивнула.

– Знаю, парень. Знаю... – она опустила голову. – Прости. Моя вера в чудеса покоится в одной могиле с четырьмя невинными детьми. Рисковать пятым я не могу. Не имею права.

Селевиния свирепо оскалилась:

– Сейчас, жизнь Сая для меня важнее всех обитателей полигона, вместе взятых. Тема закрыта, – она провела лапкой перед ртом, как бы застегивая змейку, и подняла сына на руки. Кивнула на пескоход: – разговор продолжим на острове.

Черный мыш шагнул вперед:

– Нет, – ответил спокойно.

Повисла тишина.

– Элджи? – Гюрза прищурила глаза.

– Я не брошу на смерть население целой страны, – жестко произнес мышонок. – Не имею права. Нравится тебе или нет, но служить родному народу для меня важнее жизни. Я этим дышу. Я таким родился.

Селевиния молча обернулась к Айжамал и протянула ей ребенка. Белая мышка сглотнула:

– А... Я...

– Подержи, – сухо сказала Гюрза. Испуганная Айжамал робко кивнула и взяла Сая на руки. Элджи стиснул коготки:

– Ты не заставишь меня предать дело всей... – он запнулся, когда Гюрза схватила мышонка за шерсть на груди и рывком подняла в воздух.

– Давай, – холодно предложила воительница. – Не сопротивляйся. Пристыди меня своей слабостью и заставь разжать когти.

Элджи дрожал, но смотрел без страха.

– Ты сильнее, – отозвался он с чувством. – Это не значит, что ты права. Можешь меня терзать, бросить в пустыне, даже убить-что ж, ты получишь мое мертвое тело. Но не мою покорность!

– Дурак! – прошипела Гюрза. – Чем твое мертвое тело поможет зверьям?!

– А чем поможет трусливо сбежавшее? – горько спросил Элджи. – Я не настолько наивен, как ты полагаешь. Колония на острове существует сегодня лишь потому, что двенадцать лет назад мне удалось воззвать к совести беспощадного агента КГБ, три года державшего в плену экипаж нашей лодки. Нас собирались уничтожить, но мои слова так поразили человека, что он не смог совершить этого злодеяния и приказал нас отпустить. Человек. Безжалостный монстр.

Гюрза умолкла. Поставила мыша обратно на землю, отошла на шаг. Смерила взглядом.

– Есть разница между героизмом и глупостью, – сказала очень серьезно. – Ты должен ее понять, иначе умрешь. Хуже того, по твоей вине умрут друзья.

Селевиния указала лапкой на пескоход.

– В настоящий момент, ты ничем не сможешь населению полигона. Ты просто погибнешь, и тело твое будет годами валяться в пустыне нетленным, поскольку здесь нет даже бактерий. О подвиге никто не узнает. Ни одна жизнь спасена тобою не будет. Польза такого героизма равна нулю.

Элджи тяжело дышал, сжимая и разжимая коготки.

– С другой стороны, – беспощадно продолжила Гюрза, – Если верно расставить приоритеты, ты сумеешь выбраться. Спасти меня с сыном. Эту бесполезную мышь, – она кивнула на Айжамал. – Вдобавок, ты останешься в живых и вернешься на остров, где у тебя будет в миллиард раз больше возможностей привлечь внимание людей к трагедии Дегелена.

Она шагнула вперед и ткнула черного мышонка пальцем в грудь.

– Включи мозги. Ты сейчас предаешь дело всей жизни, а не защищаешь. Иногда, отступить-значит победить. В противном случае победит ВРАГ. Как бы красиво ты ни погиб, конечный результат не изменится. А смысл, всегда и везде, имеет лишь результат. Ясно?

Судорожно дыша, Элджи опустил голову.

– Точно так говорил агент Троицкий, что отпустил нас на волю, – выдавил хриплым шепотом.

– Похоже, военные всех рас мыслят одинаково, – усмехнулась бывшая пулеметчица. – А сейчас плотни кумыса и лезь в кузов, – Гюрза скрестила на груди лапки. – В кабине сварисься заживо, скоро станет еще жарче, когда поедem через кратер.

Элджи моргнул.

– Кратер? – он невольно поджал хвост. – А... Другой дороги нет?..

– Над любой другой дорогой может пролететь вертолет, – жестко отозвалась Гюрза. – Местность здесь плоская и открытая. Видел, как в Сибири охотятся на волков? У пескохода против вертолета не больше шансов, чем у волчонка.

Сглотнув, Элджи неуверенно кивнул и подошел к машине. Запрыгнул в кузов, где посреди ящиков и канистр с топливом стояла полупустая ржавая железная бочка с зерном, высотой, примерно, ему до плеч. Гюрза, между тем, усадила Сая на заднее сидение, затянула на нем ремни безопасности и помогла измученной Айжамал забраться в машину. Хлопнула дверца.

Внедорожник с визгом турбин рванулся вперед.

По колено зарывшись в зерно и цепляясь за бортики бочки, Элджи недоверчиво озирался. Пейзаж напоминал марсианский, безжизненная каменистая пустошь простиралась во все стороны на километры. Далеко на западе, в дымке синели горы, небо отливало нездоровым рыжеватым оттенком. В лучах палящего Солнца крупные булыжники отбрасывали неестественно-резкие, лунные тени, над плоскими камнями струился воздух. Только заметив это, Элджи сообразил, что за страшную жару в ответе не звезда – горячей была сама земля...

Черный мыш с болью опустил голову. Ему внезапно с шокирующей яркостью вспомнился последний счастливый вечер на острове. Боже, ведь это было лишь пару месяцев назад, а кажется-вечность!

...Звучит заманчиво, – лукаво заметила Орби. У Элджи перехватило дыхание:

– Ты так прекрасна... – прошептал он, прижимая к сердцу самое дорогое существо в мире. Покачнувшись, судорожно перевел дух. Огляделся. Гуляя в парке, разбитом под сенью огромных деревьев, они с Орби незаметно оказались почти у самого края утеса, откуда открывался фантастический вид на залитый солнечным

светом океан. Несколько колонистов устроили тут импровизированный джаз-сейшн; подхваченный порывом, Эдджи подбежал к музыкантам.

– Друзья, помогите! – счастье в его глазах, очевидно, говорило само за себя. – Я влюблен!

Джазисты понимающе переглянулись:

– Серенаду Серенаде? – усмехнулся саксофонист.

– Сделаем, – подмигнул барабанщик.

Эдджи бросил на них благодарный взгляд и обернулся к улыбающейся вдали Орби. Музыка подхватила его, бросила в объятия любимой. И мир исчез-утонул в ее глазах, расплавился в огне, опалившем сердце.

Прошла минута, или год. Какая разница? Они танцевали под сенью великого леса, наедине со Вселенной, они...

...Внедорожник сильно тряхнуло, Эдджи едва не вылетел из бочки. Потирая ушибленный подбородок, он с дрожью огляделся. Чудовищный мертвый пейзаж заставил мыша стиснуть зубы и до боли, до скрежета вцепиться в металл.

Нет, сказал себе Эдджи. Он не обязан смотреть на такое. Его ждет Орби-там, на далекой базе. И в мечтах. В сердце. Где они по-прежнему танцевали, счастливые и полные любви.

– Орби, пушистая моя... – вслух сказали оба Эдджи-из прошлого и настоящего. – Я преклоняюсь пред тобой!

Мышонок опустил голову. Было заметно слабое зеленоватое свечение зерна, заполнявшего бочку. Эдджи из настоящего зажмурился от боли.

Но там, в прошлом, не было радиоактивной пустыни, там они слились в поцелуе. Потом были еще поцелуи, еще и еще. Объятия. Тепло родных глаз.

Тем вечером они вернулись к друзьям, шумно отметили начало приключения. Экспедиция на Большую Землю обещала затянуться и быть опасной, но Эдджи об этом не вспоминал-все его мысли и тогда, и сейчас, были сконцентрированы на Орби, изумительной мышке, смысле его жизни, матери его детей.

Матери...

Эдджи содрогнулся и стиснул зубы. Рывком вернувшись из прошлого в настоящее, усилием воли успокоил нервы. Все, произошедшее после падения самолета, основательно выбило его из колеи, но сейчас пора было вернуть ясность мышления и вспомнить огромный, полувековой опыт.

Опыта у черного мышонка хватило бы на дюжину местных дикарей.

Глава 6

Эрих скончался на закате. Он так и не пришел в сознание до самой смерти; просто перестал дышать. Плачущего Тумана пришлось силой оттащить в угол пещеры, с ним осталась Инга, пока Темир и Таурон хоронили несчастного врача.

Покончив с горькой обязанностью, все четверо долго сидели в угрюмом молчании. Инга, до сих пор, трепетала при воспоминании о ночной битве, Туман тихо плакал.

– Куда вы теперь? – спросил, наконец, Темир, взглянув на Таурана. Сыч мрачно взъерошил перья.

– Ну... Коли солдаты не врали, и Дегелену конец... – алхимик щелкнул клювом.
– Эмбрионов для Чернобыля больше брать негде. Эта история завершается.

Туман, шмыгнув носом, вскинул заплаканные глаза:

– Нет, – отозвался резко. – Мы должны попытаться еще раз. Эрих не мог погибнуть напрасно!

Таурон опустил голову.

– Гибель всегда напрасна, Туми, – сказал глухо.

– Надо использовать птиц! Много птиц! Несколько рейсов! Мы с самого начала избрали неверный путь, не стоило даже соваться в проклятый каньон!

Темир грустно усмехнулся.

– Я ведь предупреждал, – заметил он тяжело. – Мы проклянем день, когда решили идти.

Инга несмело подняла голову:

– А вертолет сгорел целиком? Может, фургон уцелел?

Темир хмыкнул:

– Даже если от него что-нибудь и осталось, эмбрионы запеклись как консервы в печи.

Летучая мышь упрямо мотнула головой:

– Нельзя сразу сдаваться. Вы десятилетиями строили свою страну. Наверняка беженцы из Дегелена успели спасти множество «байбаков»... – она запнулась, встретив взгляд. Темир с горечью опустил веки.

– Ты не понимаешь, вижу... Полигон больше не может быть нашим домом. Люди зачистят здесь каждый сантиметр.

– И повторят то же самое в Чернобыле даже раньше, чем до живущих там зверян доберутся новости о гибели Дегелена, – угрюмо добавил сыч. – Этой истории приходит конец, Инга. Отныне все, кто уцелеет, станут зваться «невозжелавшими».

– Погибнет промышленность, технология, – Темир стиснул коготки. – Все нажитое за десятки лет каторжного труда. Мы вновь, из цивилизации, превратимся в паразитов.

– И одичаем, – Туман, всхлипывая, поднял голову. – Я не верю. Не верю, понимаете? Так не будет. Не может быть!

– Верно, так не будет! – горячо поддержала его Инга.

Таурон насмешливо ухнул.

– И кто же остановит катастрофу?

– Мы сами!

Летучая мышь вскочила.

– Мир не кончается на этих ядовитых землях. Можно найти десятки, сотни других мест без людей! Необитаемые острова, глушь где-нибудь в Сибири или необжитых просторах Канады!

Темир покачал головой.

– Никто не станет начинать новую жизнь там, где она может закончиться в любой миг. На полигонах, засыпая, мы хотя бы знали, что проснемся утром. Что никакой заблудившийся человек не уничтожит плоды многолетних трудов.

Инга топнула лапкой:

– Значит, надо менять себя! У нас, в Европе, сотни зверян прекрасно живут, разделяя с людьми один мир!

Таурон кивнул:

– Уху. То же самое произойдет и здесь. Мы ассимилируемся-научимся вновь воровать у людей пищу, прятаться в их подвалах, рожать детей в брошенных коробках из-под обуви.

подавившись, Инга уронила крылья и села на хвостик. Молчала целую вечность.

– Вы правы, – сказала, наконец, едва слышно. – Я просто не замечала. Не задумывалась.

Темир, встряхнувшись, встал на ноги и потянулся.

– Ладно. Довольно мусолить будущее, от него и так плохо пахнет. Таурон, ты, наверно, теперь подашься на север?

Сычик неопределенно махнул здоровым крылом.

– Подамся куда-нибудь, не пропаду. Отыщу дупло... Я ж, какой-никакой, а филин. А вот Туман меня беспокоит... – протянул он, глянув на подавленного мышонка.

Темир покачал головой:

– Туми вернется домой, в Европу. Ты достаточно легкий, чтобы летучая мышь сумела отнести тебя в Жаксы и посадить на аиста. Инга ведь не откажет?

Летунья кивнула:

– Конечно, помогу.

– Я никуда не полечу, – процедил мышонок сквозь зубы, глядя прямо перед собой и напряженно подергивая хвостиком.

– Туми...

– Довольно! – Туман ударил хвостом. – Я найму птиц и вернусь в Дегелен. Город не мог умереть за один день. Мне удастся спасти хоть что-то!

– Хоть что-то, не сомневайся, уже спасено, – заметил Таурон. – Беженцы едва ли рванулись врассыпную с пустыми лапками.

– Значит, я отыщу беженцев!

– А дальше? – мягко спросил Темир. – Туми, взгляни на меня.

Мышонок заставил себя поднять заплаканные глазки.

– Я один из лучших в Степи воинов, – негромко сказал следопыт. – Я потратил на совершенствование боевого искусства полжизни. Еще я мутант, я наделен чувством опасности-в моей работе, поверь, от такого чувства пользы даже больше, чем от

клинков. Не далее, как вчера, я в одиночку уложил троих профессиональных солдат. Людей.

Темир опустился на колено и заглянул Туману в глаза.

– Признай, что у меня гораздо больше опыта. Сил. Мастерства, – шепнул он как можно мягче. – Доверься старшему товарищу, Туми. Мы ничего не можем исправить. Мы проиграли.

Мышонок судорожно напрягся. Бесконечно долгую минуту они с Темиром молча смотрели друг другу в глаза, следопыт легонько кивнул. Туман выдохнул, зажмурился, обмяк всем телом.

– Я не хочу верить, – прошептал, плача. – Я...

– Знаю, – быстро ответил Темир. – Знаю. Но так становятся взрослыми, Туми. Лишь в детстве нам кажется, что невозможного нет...

– Тогда молодец! – произнес чей-то голос от входа.

Все рывком обернулись. На фоне пламенеющего закатного неба темнел силуэт птицы. Небольшой, с грациозно изогнутой шеей и красивыми перьями. Темир попятился, узнав ночную знакомую.

– Ты! – выдохнул он, напрягшись.

Саджа коротко кивнула:

– Я.

– Кто ты? Что ты сделала ночью, почему я ощутил опасность, лишь увидев тебя?!

Птица склонила голову набок.

– Меня называют Поющей-во-сне, – сказала спокойно. – Иногда, я пою о будущем.

Повисла мертвая тишина. Инга, дрожа от волнения, шагнула вперед:

– Провидица!

Саджа щелкнула клювом.

– Я не знаю, о чем пою. Никогда не удастся вспомнить. Про песню рассказывают те, кто ее слышал.

Она скакнула в пещеру и распушила перышки на хвосте.

– Грядет время великой скорби, – сказала птица. – Мир, за день, превратился из уютного дома в ловушку. Дважды запела я, дважды. Ошибки не будет.

Темир попятился, его легонько трясло.

– О чем ты спела? – спросил внезапно охрипшим голосом.

Саджа перебрала крылышками.

– В первый раз спела я, как Блеклый Воин в царстве мертвых жизнь отыщет, что крылатой, дивной примет облик девы, путь в грядущее несущей! – она посмотрела на тускло-желтую, песочную шерсть следопыта, перевела взгляд на Ингу. – Песня сбылась. Сбудется и вторая. Сбудется. Сбудется.

Таурон нахмурился:

– Что за вторая песня? – спросил он довольно резко.

Птица сомкнула веки.

– Под землю, под море, под горы, герои бесстрашно сойдут, отыщут дорогу к свободе, но сами в пути пропадут. Сплетаются жизнью их нити, разостлана тайная ткань, последние пишет страницы судьбы беспощадная длань...

Она открыла глаза и обратила взор к Инге:

– Ты часть моей песни отныне. Там, в подземельях, вы решите судьбу нашего мира. Там, и больше нигде. Вы, и больше никто. Так спела я этой ночью. Так сложился узор.

Взвихрился воздух под сильными крыльями – и птица исчезла. Потрясенные зверьяне еще долго хранили молчание.

Первым, как всегда, опомнился Туман:

– Я с вами, – заявил он категорично.

Темир потряс головой:

– С нами? – пробормотал озадаченно. – С нами куда?

– Под землю, под море, под горы... – пробормотала Инга.

Таурон недоверчиво ухнул:

– Вы ж не броситесь, очертя голову, Эшмак знает куда лишь потому, что одна пернатая пациентка начирикала неизвестно чего?!

Инга в глубокой задумчивости обратила глаза к сычику.

– Дома я знала гадалку, умевшую иногда входить в транс. Очнувшись, она не помнила своих предсказаний, но те сбывались почти дословно. Лишь раз, на моей памяти, предугаданное воплотилось не до конца.

– Предсказываю! – гневно заметил сыч, – Что даже наличие одной реальной провидицы, в которую я не верю и не поверю, никаким образом не подтверждает аналогичные способности данной птицы!

Инга взглянула на бледного Темира. Тот кусал губы и нервно помахивал хвостом.

– Ты веришь? – полу-утвердительно, полувопросительно заметила Инга.

Следопыт натужно кивнул:

– Она настоящая. Я знаю.

– Откуда?! – взорвался Таурон. Темир развел лапками.

– У нас, ведунов, есть тайна, – произнес очень тихо. – Я не хотел и не хочу ее раскрывать, но, боюсь, обстоятельства требуют. Видите ли... – Темир сглотнул, – ...существует одна-единственная опасность, предсказать которую мы не можем.

Инга насторожилась, Туман вскочил. Таурон сурово сузил зрачки:

– Какая? – спросил после паузы.

– Предсказанная другим, – коротко ответил следопыт.

Он отвел глаза.

– Мы не в силах почуять опасность, предсказанную заранее. Даже если не знаем о предсказании. Вот, почему ведуны никогда не работают парами. Вот, почему я ей верю, – Темир опустил голову.

– Вчерашнюю катастрофу я ощутил, лишь увидев птицу, – сказал он глухо. – Хотя должен был почуять гораздо раньше. Дар изменил мне, поскольку катастрофа была предсказана. И кабы саджа не вмешалась сама, предупредив об опасности, я бы и вовсе ничего не почуял. Птица, в некотором смысле, спасла нам всем жизни.

– Не всем, – горько возразил Туман. Следопыт вздрогнул.

– Верно... – он бросил взгляд на холмик, насыпанный у входа в пещеру. – Не всем...

Инга шагнула вперед:

– О каких подземельях она говорила?

Темир помолчал.

– Позже обсудим, – он обернулся к выходу из пещеры. – Солнце садится, пора уходить. Но люди не прекратят облаву, пока не уничтожат опасного зверя, – следопыт криво усмехнулся. – Инга, для тебя есть тяжелое задание.

Летунья вздрогнула.

– Да?

– Надо изловить и доставить сюда живьем неразумную песчанку моего вида.

Инга широко раскрыла глаза и попятилась.

– Никогда!

– Другого пути нет, – жестко бросил Темир. – Солдаты привезут собак, инфракрасные бинокли, напалм. Нас выследят.

Летучая мышь резко вскинула крыло:

– Довольно. Я не позволю отнять жизнь у невинного создания, просто чтобы замести следы. Ждите в пещере. Я обеспечу воздушный транспорт.

Туман вздрогнул:

– Откуда?!

Инга улыбнулась:

– Скажем так, я обаятельная. Из пещеры ни шагу! – она распахнула крылья и прыгнула в темно-вишневое небо навстречу луне.

К вечеру, тастамды-жер, «плохая земля», как звали Жаровню люди, осталась далеко за хвостом. Пескоход мчался по степи, подпрыгивая на колдобинах, завывая турбиной. Элджи пришлось вернуться в кабину, поскольку удержаться на такой скорости в кузове не сумел бы и клещ.

Все путешественники, включая маленького Сая, были пристегнуты к креслам четырехточечными раллийными ремнями безопасности, поскольку поездка и в самом деле напоминала ралли – Гюрза вела машину на предельной скорости, перелетая арыки и ямы, пробивая с разгона кусты. Иногда пескоход так подбрасывало, что машина взмывала на двойную собственную высоту. Но великолепная развесовка, центральный гироскоп и энергоемкая, непробиваемая подвеска делали свое дело; даже в самых диких прыжках внедорожник сохранял строго-горизонтальное положение, приземляясь на все четыре колеса и не подсакивая вновь. Газонаполненные амортизаторы толщиной с Элджи гасили паразитные колебания.

Черный мыш замечал все это, и с каждым часом росло его жгучее любопытство. Опытнейший конструктор и инженер, Элджи находился сейчас не просто в самоделке-куда там, пескоход принадлежал к другой эпохе, к совершенно иному классу развития техники. Крохотная газовая турбина разгонялась до двухсот тысяч оборотов в минуту, ее вой выходил далеко за пределы слышимости человека, так что «звучал» пескоход только для зверян. Двигатель был четырехвальным, двухконтурным, с рекуператором и каскадным впрыском рабочей смеси, такие же применялись на человеческих танках «Абрамс» и «Т-80» – чтобы сконструировать и, тем более, построить подобное, требовалась промышленность на уровне США или СССР времен его расцвета.

– Гюрза-а! – позвал Элджи, преодолевая шум покрывок и тонкий, назойливый вой турбин. – Откуда в Дегелене такая техника?

Селевиния лишь на мгновение бросила в сторону мышонка насмешливый взгляд, и вновь обратила внимание на дорогу.

– Тут, на полигоне, строили независимую от людей цивилизацию. Четверть века строили.

– Это не ответ. Львиная доля человеческих стран не способна производить такие машины, куда уж звериной колонии!

– Нам не приходилось создавать все с нуля, – нехотя отозвалась воительница. Элджи кивнул:

– Понятно.

– Что, не нравится? Слишком гордый? – Гюрза стиснула зубы. – Люди нам столько зла причинили, что должны радоваться, хоть как-то искупят!

– Я понимаю, – ответил Элджи. – И не осуждаю. Предки моей колонии создали настоящую, независимую цивилизацию, но у них были тысячи лет и огромные ресурсы богатых полезными ископаемыми недр острова. Во всем остальном мире, к несчастью, разумные звери еще долго будут вынуждены паразитировать на людях.

– Паразитировать?! – Гюрза возмущенно вскинулась. – Мы...

– Речь не про вас, – оборвал Элджи. – Вы хоть и пользуетесь всеми благами человеческой цивилизации, но строите с их помощью свою, это великое и благородное дело. Но, за пределами полигонов, зверяне лишены таких возможностей. Они таскают у людей еду, потерянные вещи, иногда даже электричество. Ничего не ПРОИЗВОДЯТ. Только потребляют. Как это назвать?

Селевиния стиснула зубы.

– Мы все вынуждены скрываться. Включая вашу чистенькую колонию. Планета такая! – она рывком отвернулась. Некоторое время в машине царило молчание.

– О чем шла беседа? – робко спросила Айжамал. Гюрза в двух словах перевела ей разговор, и белая мышка задумчиво опустила голову.

– По-моему, нет никакого позора в использовании подходящих ресурсов, – вступилась она за воительницу. – Мы добываем руду в шахтах, городские зверяне-металлолом на свалках... Все выживают, как могут. Земля планета людей.

Воительница скрипнула зубами.

– Земля наша общая планета. Я имею на нее столько же прав, сколько любой человек!

– Да, конечно, – согласилась Айжамал. – Только в тебе росту двадцать сантиметров, а в людях-двести. Нас, зверян, едва ли во всем мире наберется сто тысяч особей, а людей-восемь миллиардов...

Гюрза метнула взгляд на Элджи:

– Они сильнее, но это не значит, что они правы, – сказала по-русски. – Так?

– Ты вообще о чем? – буркнул мыш, не оборачиваясь.

– О людях... – внедорожник подбросило особо сильно, и Гюрза запнулась, восстанавливая управление. – Айжамал говорит, что Земля принадлежит людям, а мы должны радоваться тем объедкам, что удастся найти.

Элджи передернуло.

– У вас нет более интересных тем для беседы?

– Например?

– Например, что за летучие мыши летят нам наперерез. Во-о– он там, гляди, – мышонок указал вдаль. Гюрза с тревогой прищурила глаза:

– Удивительно... – пробормотала под нос. – Кираны.

– Кираны?! – всполошилась Айжамал, узнав слово. – Они пожирают мелких грызунов!

– Пусть кто скажет, что я мелкая, – криво усмехнулась селевиния. – Опомнись. Мы в машине, к тому же на зверян простые хищники нападают редко.

– А непростые? – тихо спросила мышь.

Гюрза нахмурилась. Теперь и она видела, что на спинах трех огромных летучих мышей сидят вооруженные всадники.

Не пересекая машине пути, воздушный отряд вскоре развернулся и затем, некоторое время, пескоход и крылатые звери мчались параллельными курсами, постепенно сближаясь. Теперь было заметно, что все всадники-бурундуки в боевой раскраске. Сильные и мускулистые, воины носили ремни, украшенные блеклыми перьями, за спинами у каждого торчали длинные духовые трубки. Лидер, уже пожилой, но крепкий и очень крупный, с темно-серым мехом, мчался над самой землей, то и дело поглядывая на сидящего в машине Элджи. Могучие звери загребали воздух широченными крыльями, легко поддерживая скорость.

– Дикари? – нервно поинтересовался мышонок.

– Невозжелавшие, – буркнула Гюрза, размышляя, стоит ли останавливаться. – Странно, не припомню киранов у дикарей, на них обычно кипчаки летают. Интересно, что им нужно... Мы давным-давно покинули полигон и находимся на человеческой территории...

Маленький Сай в волнении протянул матери блокнот, где были нарисованы хвостатые фигурки, накрытые тенью большой черной птицы, но на ребенка никто не посмотрел.

– Кажется, нам сигналият, – неуверенно пробормотал Элджи.

Селевиния помедлила, но, все же, решила выяснить мотивы незнакомцев. Сбросив скорость, она заехала на открытый со всех сторон бугор и остановилась. Кираны, хлопая крыльями, приземлились поодаль.

– Из машины не выходить, – сухо приказала Гюрза. Повторила на русском. Элджи с натугой кивнул, Айжамал нервно дергала хвостиком. Бросив взгляд на испуганного мышонка, отчаянно прижимавшего к груди блокнот, его мать скрипнула зубами и, рывком, распахнула дверцу.

Лидер дикарей уже шел к вездеходу. Гюрза сделала пару шагов навстречу и застыла, демонстративно уложив лапки на боевой хлыст. Бурундук ничем не показал, что заметил угрозу.

– Кто вы такие? – первой спросила селевиния.

Дикарь встал напротив, скрестив на груди лапки. Он был на голову выше Гюрзы и гораздо массивнее, ростом почти с белку.

– Вы движетесь днем, на машине, по человеческой территории, – глухо произнес бурундук. – Надо быть осторожнее.

Гюрза криво усмехнулась.

– Поздновато вспомнил, дорогой. Вчера был обнаружен Дегелен. Мы беженцы. Дикарь даже не вздрогнул.

– Беженцы не спешат в объятия врага, – заметил он холодно. – Вы направляетесь к аэродрому Шаган Жоошох. Зачем?

– Кто спрашивает?

– Ерсайын!

– Я должна знать Ерсайына?

Бурундук сузил зрачки:

– Назови себя, дерзкая самка.

Гюрза сжала коготки и невольно взъерошила шерсть.

– Что у меня под хвостом, тебя не касается, – отчеканила, свирепо прижав ушки. – Самка или самец, я живо сделаю тебя ни тем, ни другим, коли еще хоть раз меня оскорбишь!

Ерсайын нахмурил брови и расцепил лапы с груди. Пару секунд они с Гюрзой пожирали друг друга взглядами. Наконец, дикарь кивнул и отступил на один шаг.

– Смелый ответ. Но есть законы.

– Ваши законы, – сквозь зубы процедила Гюрза.

– Закон для всех един! – отрезал бурундук. – Люди не должны о нас знать.

Воительница хлестнула хвостом.

– Ты глухой? Вчера люди нашли Дегелен! О нас уже знают!

Ерсайын покачал головой.

– Нет. Обитателей Дегелена люди считают мутантами. Уничтожив город, они успокоятся. Если же проведают, что зверяне обитают не только на полигонах, начнется джихад. Погибнут все.

Гюрза нахмурилась.

– Чего же ты хочешь от меня?

Дикарь указал на внедорожник.

– Бросьте машину, снимите пояса и оружие. Продолжайте путь, как обычные звери.

Селевиния улыбнулась.

– У меня идея получше, – она развернула боевой хлыст и перебросила через плечо, краем зрения следя за двумя другими бурундуками, ожидавшими у киранов. Те пока не хватались за духовые трубки, так что время для мирного урегулирования еще оставалось. – Сейчас вы вернетесь к своим зверям, подниметесь в небо, и уберетесь за горизонт прежде, чем я досчитаю до десяти. Как тебе план?

Ерсайын свирепо прижал уши:

– Плохо слышишь, самка?

Глазки Гюрзы превратились в две тонкие щелочки.

– У тебя есть семья, Ерсайын? – спросила она размеренно. – Много детей?

Бурундук кивнул.

– Хочешь сделать их сиротами? – глухо поинтересовалась воительница. – Заставить расти без отца? Лишить любви? Окунуть в реку ненависти?

Ерсайын стиснул коготки:

– Не тебе отбирать у них родителя!

– Мне! – яростно бросила Гюрза. – Я отниму отца у твоих детенышей. Уничтожу твою семью. Растопчу их счастье. Одним взмахом хлыста! – неуловимо для взгляда, она нанесла жестокий удар с такой скоростью, что очертания оружия расплылись в воздухе. Тройное лезвие на кончике промчалось в миллиметре от лица Ерсайына, разрубив духовую трубку у него за спиной. К тому времени, как бурундук среагировал и дернулся, воительница вновь держала хлыст на плече.

– Вы умрете, – прорычала Гюрза, помахивая хвостом. – Тела я скормлю киранам. Ни один из вас не вернется домой. Много детенышей лишатся родителей этим вечером! Много слез будет пролито! Этого ты хочешь, глупый Ерсайын? Этого?

Она мотнула головой на двух бурундуков, уже схвативших духовые трубки.

– Прикажи им бросить оружие, или, клянусь, случится все, как я сказала. Думай не о себе. Думай о женах и детенышах, ибо к ним не вернуться кормильцы. Думай, Ерсайын! Хорошо думай! – Гюрза шагнула вперед и процедила сквозь зубы: – Когда взойдет луна, пепельный свет озарит ваши мертвые тела. Так будет.

Повисла литая, железная тишина. Вечерний ветер гнал по траве волны-здесь, вдали от полигона, степь уже не казалась пустыней. Элджи, Айжамал и Сай со страхом следили за беседой из пескохода, в темнеющем небе зажигались первые звезды. Вдали, могучие кираны помахивали крыльями, грозно царапали землю. Всадники держали оружие наизготовку.

Наконец, Ерсайын тяжело вздохнул и вскинул лапку. Его спутники, недоуменно переглядываясь, опустили трубки.

– Ты сильна духом, – произнес бурундук, кусая губы. – Я не хочу кровопролития.

– Я тоже.

– Но продолжать путь на машине мы не позволим, – сурово сказал дикарь. – Бросьте ее. Кираны доставят вас в Шаган Жоошох быстрее, чем эта груда металлолома.

Гюрза напряглась.

– Как я могу тебе доверять?

– Полетишь со мной, обернув хлыст вокруг моего горла, – Ерсайын усмехнулся. – Уверен, какую бы подлость я ни замыслил, ты успеешь прикончить меня раньше.

Селевиния помолчала, глядя то на крылатых зверей, то на бурундука.

– С какой стати вам помогать первым встречным нарушителям закона? – с подозрением спросила она после долгой паузы.

Ерсайын покачал головой.

– Мы не помогаем. Мы исполняем свой долг и избегаем кровопролития.

– Ох, какой ты правильный!

– Открывай пасть, коли есть, что сказать, – огрызнулся дикарь.

Гюрза нахмурилась.

– Я должна посоветоваться с друзьями.

Ерсайын скрестил на груди лапы:

– Торопись. Мы не намерены тратить на вас всю ночь.

Хмыкнув, селевиния отошла к пескоходу, встав так, чтобы корпус машины закрывал спину от предательского выстрела. Айжамал и Элджи пожирали ее глазами, мышонок дрожал.

– Ну?!

– Кто они?!

Гюрза почесала за ухом.

– Вроде патруля. Утверждают, будто мы нарушаем закон, передвигаясь по человечесьей территории на машине. Требуют машину бросить, и дальше идти голыми, на случай поимки... – она повторила рассказ на русском. У Элджи глаза полезли на лоб.

– Что за чушь?!

Селевиния нервно усмехнулась.

– Должно быть, на то есть причины... – она обернулась к Айжамал. – Ну-с, миледи разведчица, какие будут указания?

Мышка покачала головой.

– Я думаю, нас просто хотят ограбить. Он требует бросить машину, а не уничтожить ее, верно?

Гюрза застыла от удивления.

– Оторвите мне хвост... – пробормотала она любимую присказку ящера Иосифа. – Где были мои мозги!

Айжамал кивнула:

– Элементарная разводка. Мы в управлении и не с такими аферистами сталкивались.

От гнева у Гюрзы раздулись ноздри, лапки сами легли на рукоять хлыста. Белая мышка с тревогой подалась вперед:

– погоди! Ты же не собираешься их убить?!

Селевиния бросила на нее такой взгляд, что ответа не потребовалось. Пискнув, Айжамал в панике замотала головой:

– Не надо! Вот, держи... – она на мгновение нырнула в машину и выскочила обратно, сжимая автомат с необычно толстым магазином в прикладе. – Транквилизатор для защиты от неразумных. Вырубает на пять-шесть часов даже собаку.

Гюрза бросила на белую мышку уважительный взгляд.

– А ты не такая бесполезная, как кажешься... – схватив оружие, она взвесила его в руке, переключила на одиночные выстрелы и ухмыльнулась. Сильным прыжком выскочила из-за машины.

Ерсайын, при виде автомата, попытался броситься в сторону, но он просто не знал, с кем имеет дело. Гюрза вскинула оружие к плечу и, тремя выстрелами, ювелирно сняла всех грабителей, даже не поцарапав летучих мышей. Транквилизатор подействовал мгновенно.

Элджи и Айжамал подошли к воительнице. Все трое постояли молча, глядя на неудавшихся разбойников.

– Они ведь живы? – тихо спросил Элджи. – Я не понял вашей беседы.

Гюрза фыркнула.

– Живы, живы... – отозвалась на русском. – Не уверена, правда, что такими и останутся, – она недобро усмехнулась. – Шесть часов срок немалый, а падальщиков здесь вдоволь.

Элджи сглотнул. Селевиния обернулась к Айжамал:

– Кажется, у нас появился воздушный транспорт, – она кивнула на недовольно шипящих вдали киранов. – Умеешь пилотировать таких зверюг?

Мышка покачала головой:

– Умею, но киранов надо долго обучать новому запаху. Пристрели их.

Гюрза отпрянула:

– Чего?!

– Транквилизатором, – улыбнулась Айжамал. – Погрузим в кузов спящих. У карьера встретят специалисты из нашего отдела, они быстро перетренируют зверей под новых хозяев.

Селевиния, помедлив, отрывисто кивнула. Три сухих выстрела разнеслись по степи. Гюрза уже двинулась было к животным, но застыла и медленно обернулась:

– Погоди, погоди, погоди. У какого карьера?! – она широко раскрыла глаза.

Айжамал развела лапками:

– Прости. Я ведь сказала, что не могу отпустить вас с островитянином.

Гюрза покачнулась. Ее внезапно пробила дрожь, лапки подкосились. В ужасе уставившись на рукоять автомата, откуда торчала влажная игла, селевиния со стоном повалилась в траву.

Глава 7

– Знакомьтесь, смелый боец Арынгазы и его подруга, богиня цветов Бибигуль, – Инга представила спутникам двух крупных большеухих летучих мышей с лунно-блеклой шерсткой и смешными носами в форме листьев. – Они любезно согласились

подбросить вас к населенному пункту Жаксы, откуда, как я понимаю, можно сесть на рейсового аиста до любой точки материка.

– П-привет... – с опаской поздоровался Туман. – А... Вы... Не вампиры, правда?

Бибигуль сокрушенно всплеснула бледно-желтыми крыльями:

– И здесь. И здесь!

– Мы копыеносы, – наставительно объяснил Арынгазы. Темир наклонился к уху Тумана и шепнул:

– ...или «ложные вампиры».

– Правильно, а еще мы обладаем изумительным слухом, – заметила Бибигуль.

Смущенный следопыт почесал шею.

– Спасибо за помощь.

– Благодарите Ингрид, – улыбнулся Арынгазы. – Вот настоящий вампир!

Все рывком обернулись к крылатой гостье из Швейцарии. Та озадаченно моргнула:

– Никакой я не вампир! Я Myotis Myotis, или большая ночница!

– Нет, ты вампир, – промурлыкала Бибигуль. – Только вампиры умеют ТАК прицепляться.

Инга, вспыхнув, распахнула крылья, но Арынгазы миролюбиво улыбнулся.

– Мы шутим. И помочь уже согласились... – он обернулся к Таурону, смерил взглядом габариты птицы. – Вас, полагаю, нести придется мне.

Сыч мрачно сверкнул глазами.

– До первого леса...

– А ты полетишь на моей спине, красавчик? – улыбнулась Бибигуль, глядя на Тумана. – Только знай, мы мышами питаемся.

Дварг открыл рот, да так и застыл. Инга бросила на «ложную вампиршу» гневный взгляд.

– Не бойся, зверяне не едят зверян.

– А како-о- ой аппети-и- итный... – сокрушенно пробормотала Бибигуль. Туман, сглотнув, попятился и прижался к лапкам Инги. Поднял голову, бросив на фиолетовую летунью испуганный взгляд:

– Можно меня понесешь ты? – неожиданно охрипшим голосом, взмолился юный дварг.

Инга покачала головой:

– Прости, малыш-тут я вас покидаю. Но с тобой остается Темир, он не даст в обиду... – со странным выражением добавила летучая мышь. Следопыт сверкнул в ее сторону глазами.

– Улетаешь?

– Я должна выполнить задание и найти мутанта с невероятной телепатической силой, – ответила Инга. – Ему грозит большая опасность в этих диких землях. Столь уникальный дар необходимо беречь и развивать, это чрезвычайно важно для будущего всех зверян.

– А как же пророчество?

– Не припомню в нем четких дат, – усмехнулась летунья. – Прости, Темир. Ты спас мне жизнь, и я буду вечно тебе благодарна, но сейчас пришло время спасать другие жизни.

Она присела перед Туманом и ласково потрепала его крылом.

– Никогда не унывай, – сказала очень серьезно. – Бывает, жизнь наносит жестокий, несправедливый удар. Бывает, под таким ударом надежда трескается, как старый кувшин. Помни: лишь пустой кувшин может треснуть. Заполни душу любовью, укрепи оптимизмом, и станешь держать любые удары.

Туман с трудом улыбнулся.

– Спасибо...

– Не унывайте, друзья! – Инга распахнула крылья. – Вот увидите, все наладится! До встречи! – воздух взвихрился под мощными взмахами, и летунья мгновенно скрылась в бездонно-пурпурном пламенном закате. Две летучие мыши, Темир, Туман и даже Таурон проводили ее долгими взглядами.

Повисшее молчание прервал следопыт:

– Бибигуль, – позвал он негромко. – По пути в Жаксы, не откажешься сделать маленький крюк?

– Куда именно? – «вампириша» насторожилась.

– В Каскабулак, – спокойно ответил Темир.

Туман встрепнулся:

– Я с тобой!

– Нет, малыш, – очень серьезно ответил ведун. – Птица предрекла, что герои, спустившись в подземелье, обратно не выйдут. У тебя впереди вся жизнь, семья и дети,

счастье и любовь. А я... – он усмехнулся. – Я более подходящий «герой» для такой работы.

Чтобы не спорить, он шагнул вперед и просто поднял маленького дварга за шкуру. Опешивший Туман растерянно заморгал. Следопыт молча вручил его Бибигуль в лапы, а сам, с некоторым смущением, запрыгнул летучей мышью на спину. Арынгазы помог Тауруну уложить перебитое крыло удобнее.

– Готовы? – спросил бодро.

Сыч кивнул, Темир молча потрепал Бибигуль по шее. Туман попытался вырваться, но быстро понял, сколь малые шансы имеет мышь в когтях своей хищной летучей тетки.

– На взлет! – скомандовала «вампириша». Они с Арынгазы распахнули широченные, вдвое более крупные чем у Инги крылья, и прыгнули навстречу первым робким звездам. В опустевшей пещере осталась лишь могила несчастного Эриха.

Темир много раз летал на транспортных птицах, так что ощущения были ему не в новинку. В отличие от птиц, правда, летучие мыши «комфортом» не отличались; путешественников дико подбрасывало с каждым взмахом, а траектория полета напоминала синусоиду. Впрочем, мчались они быстро-и то хлеб. Коварный каньон, остов взорванного вертолета и четыре гусеничных вездехода, приехавшие этим вечером на сигнал бедствия, стремительно пропали вдали.

Темир закрыл глаза. Крылатым не требовались дороги, не было нужды взбираться к ледяным вершинам, до самого перевала. Арынгазы и Бибигуль мчались на северо-восток, высоко над бесплодными каменными осыпями, сквозь ущелья без дна, мимо водопадов и скользких, будто полированных вертикальных утесов. Всего за пару часов летучие мыши пересекли непроходимую горную цепь, воспользовавшись целой сетью глубоких трещин.

Земля под крыльями постепенно наливалась жизнью. С удалением от полигона в степи начали появляться деревья, густые заросли кустарника. Дважды отряд пролетел над стадами сайгаков.

– Не замерзли? – весело крикнула Бибигуль, глянув через плечо на пассажиров. Темир улыбнулся.

– Ты прекрасно летаешь.

– А я хвост отморозил, – заявил Туман, сидевший в «клетке» из когтей.

– Могу ампутировать! – жизнерадостно отозвалась Бибигуль. Дварг, поперхнувшись, быстро подтянул хвост и сжался в меховой комочек.

Темир оглядел степь с высоты. В лунном свете, пейзаж напоминал сон; перевернутый мир, шокирующее глубиной бездонное небо, призрачно-мерцающие отблески в озерах.

– Заворачивай, – он постучал летучую мышь по левой стороне шеи. – Заметила светлую полосочку, там, на горизонте? Это ручей Тундык. Лети вдоль русла на восток.

– Я знаю дорогу, пушистик, – Бибигуль усмехнулась. – И вижу в темноте.

– Бывала в Каскабулаке?

– Конечно... – крылатая на миг перешла в планирующий полет и подтянула лапки к животу. – Слышь, возьми мышонка к себе. Нам надо часто питаться, я понемногу становлюсь голодной, и мышь в когтях... Ну, понимаешь, инстинкты... Не хотелось бы потом совестью мучиться.

Встревоженный Темир быстро свесился со спины Бибигуль, ухватил Тумана за шерсть и затащил наверх. Дварг так дрожал, что следопыт прижал его к груди и крепко обнял.

– Грейся.

Туман судорожно дышал.

– Она... Она начала когтями...

– Все прошло, прошло, – Темир погладил мышонка. – Мы хоть и разумны, но инстинкты контролировать трудно. Особенно хищникам.

– Не бойтесь, до Каскабулака дотерплю, – усмехнулась Бибигуль, набирая скорость. Арынгазы, летевший по правое крыло, также прибавил; обе летучие мыши снизились почти до бреющего полета, воздух здесь был теплее.

– Она все равно меня съест, – тихо сказал Туман. – Когда тебя рядом не будет.

Следопыт помолчал.

– Я уже не уверен, – пробормотал он наконец. – Отправлять тебя одного в Европу...

– Верная смерть! – вскинулся мышонок. – Я не хочу умирать, Темир! Мне всего четыре года!

Ведун стиснул зубы:

– Ладно, покамест побудешь со мной. Как ты вообще к Эриху в спутники навязался?

Туман отвел взгляд.

– Меня нашли в террариуме, – выдавил через силу. – Змей кормят новорожденными мышатами... Всех других уже скормили, но я зверянин, расту гораздо медленнее. Люди посчитали меня больным и выбросили. А Эрих спас.

Следопыта передернуло.

– погоди, ты же, по его словам, «бесстрашный Туман, младший сын Деянира, потомка Трора, из рода самого Тэлема»...

Мышонок слабо улыбнулся.

– Имена гномов из человеческой книги «Властелин колец», – ответил с подкупающей искренностью. – Эрих ее обожал. Он придумал мне «родословную», чтобы другие мышата в школе не задирали. У нас, в Европе, жизнь не похожа на вашу. Скорее уж, на человечье средневековье. Есть гильдии, родовые кланы... Рыцарство...

– Рыцарство?!

– Угу, – тихо отозвался Туман. – До сих пор. Эрих происходил из знатного норвежского рода, у людей он бы считался дворянином. А я, зверянин, брошенный неизвестными родителями, попал в самое низшее сословие-даже не крестьян, а вроде индийских неприкасаемых.

Темир потрясенно провел лапкой по лицу.

– Охренеть...

– Эрих меня усыновил, а все дети дворян, взрослея, должны совершить подвиг, нечто опасное и рискованное, чтобы заслужить право носить родовое имя и передавать его потомству, – мышенок шмыгнул носом. – Эрих не собирался брать меня с собой в Казахстан, но я целую неделю его умолял, и, в конце концов, поездку решили считать моим подвигом взросления.

– Так что же, все надежды Чернобыльской зоны возложили на плечи одного старика и крохотного мышонка?!

Туман опустил голову.

– Эриха тоже пускать не хотели, – ответил совсем тихо. – Был страшный скандал. Обитателей полигонов у нас ненавидят и презирают.

Следопыт моргнул.

– Но почему?!

– А тебе приятно сознавать себя паразитом? – Туман посмотрел другу в глаза.
– Пока вы не создали настоящую, свободную от людей цивилизацию, зверяне на всех

материках жили одинаково и верили, будто так все и задумывалось творцами проекта «Генезис». А теперь, по сравнению с вами, все они превратились в паразитирующих на людях тунеядцев и воров. Это не слишком радует, знаешь.

Потрясенный Темир надолго умолк. Бибигуль, внимательно слушавшая рассказ, чуть повернула голову:

– Красавчик, а среди европейских летучих мышей тоже есть рыцари? – спросила кокетливо.

Туман, поперхнувшись, развел лапками.

– Не знаю. По идее, должны быть...

– Арынчик-джан, слышишь? – подняв голос, позвала Бибигуль. – Что б и не думал ко мне подбираться, пока рыцарем не станешь!

Арынгазы громко фыркнул.

– Будем считать этот полет моим подвигом. Тебе-то не приходится тащить целого филина...

Обе летучие мыши весело рассмеялись. Под крыльями уже тянулась серебряная водная гладь, луна ярко отражалась в ручье Тундык. Темир взглянул на звезды.

– Друзья, снижайтесь, – он нахмурился. – Мы приближаемся к военной базе Каскабулак-Улус, здесь повсюду зенитки для обороны от хищных птиц. Садитесь на правом берегу!

Летучие мыши вняли совету и, мощно загребая крыльями, опустились на небольшой холм. Темир, держа Тумана на руках, спрыгнул со спины Бибигуль.

– Спасибо тебе, богиня цветов, – он поклонился. – Дальнейший путь мы с мышонком сделаем сами.

«Вампирша» с легкой усмешкой кивнула в ответ.

– Я бы не стала его жрать, Темир, но как знаете... – Она оглянулась на Таурона, до сих пор лежавшего на спине Арынгазы. – А ты, пучеглазая птица? Останешься с друзьями?

Сыч с сожалением покачал головой.

– Я не верю в пророчества, а еще меньше-в счастливый финал, – он бросил взгляд на Темира. – Высадите меня в любом лесу и... Прощайте.

– Прощай, – тихо отозвался Туман. – Спасибо, что помогал Эриху...

– Счастливо долететь! – следопыт вскинул руку. – Будь здоров, собиратель костей!

– Бывайте, – пробурчал сыч. Арынгазы ударил крыльями и прынул в небо, его подруга задержалась еще на мгновение.

– Будешь в наших краях, заходи в гости, – очень серьезно сказала она следопыту. – Мой клан живет на пике Уайыс. Да помни: мы, в первую очередь, разумные существа, и лишь затем хищники.

Воин улыбнулся, сложил ладони перед грудью и, с уважением, поклонился летучей мышши. Та кивнула в ответ.

Ударили крылья, взвихрился песок. Дав круг над холмом, Арынгазы и Бибигуль издали прощальный крик и, синхронно, умчались вдаль. Воцарилась глухая тишина.

Туман судорожно сглотнул:

– Вот мы и остались вдвоем, – он опустил голову. – Всегда думал, что скажу это Эриху на обратном пути...

– Я тоже не думал, что привяжусь к бесполезному мышонку, – усмехнулся Темир. – Но судьба, она, знаешь, такая затейница!

Туман вздрогнул.

– Я правда бесполезный? – спросил совсем тихо. Следопыт, рассмеявшись, подхватил его на руки и усадил себе на шею, будто детеныша.

– Мой вид зовется «монгольская когтистая песчанка», ты ведь в курсе? – спросил весело. – Так вот, у монголов есть притча. Однажды мудреца попросили изобрести способ, как сократить путь между двумя стойбищами. «Берите с собою друзей», ответил он, «и никакая дорога не покажется длинной».

Туман улыбнулся.

– А разве это не изречение Конфуция?

Темир запнулся.

– Э-э- э.... Ну-у... Кто знает? – он подмигнул. – Монголы неоднократно захватывали Китай.

Мышонок вздохнул.

– Что будем делать?

Следопыт двинулся вперед легким, пружинистым шагом-так он мог идти без отдыха несколько дней.

– Разберемся, – отозвался спокойно. – В Каскабулаке, наверно, уже знают о гибели Дегелена и готовятся к эвакуации. Так, или иначе-два опытных воина им всяко не помешают.

Туман вздрогнул, но решил промолчать.

Айжамал развела лапками:

– Прости. Я ведь сказала, что не могу отпустить вас с островитянином.

Гюрза покачнулась. Ее внезапно пробила дрожь, лапки подкосились. В ужасе уставившись на рукоять автомата, откуда торчала влажная игла, селевиния со стоном повалилась в траву.

Мир плыл перед глазами; Гюрзе досталась неполная доза, так что мгновенной потери сознания не произошло. Сквозь наркотический дурман, она смутно видела, как Элджи вдруг напал на Айжамал и быстро скрутил ей лапки за спиной. Разведчица отчаянно сопротивлялась, но она была намного слабее черного мыша.

– Извини, – донесся голос островитянина. – Нет выбора...

Усадив связанную Айжамал в траву, Элджи вернулся к машине, бережно поднял перепуганного Сая и отнес к неподвижной Гюрзе. Малыш схватил мать за шерсть, ткнулся носом в шею, еще раз, пытаясь поднять. Черный мышь с болью покачал головой.

– Айжамал быстро перегрызет путы и позаботится о вас, – горько сказал Элджи.
– А я должен позаботиться о своих друзьях и этой гибнущей колонии.

Гюрза совершенно чудовищным усилием воли заставила себя приподнять голову.

– Не... смей... – прохрипела.

Элджи вздохнул:

– Прости. Я оставляю вам воду и кумыс, отвезу грабителей подальше и выгружу там, где их не найдут хищники. Когда кираны очнутся, вы сможете ими

воспользоваться. Прощай... – он скрылся из виду. Гюрза, задыхаясь от напряжения, миллиметр за миллиметром, подтащила к лицу ладонь и попыталась отсосать транквилизатор из ранки, но лишилась сознания.

Пришла в себя минут через десять, ее сильный и тренированный организм хорошо сопротивлялся яду. Сай, дрожа, сидел рядом, не отрывая взгляда от лица матери, на коленях он держал блокнот и лихорадочно, не глядя на лапки, водил по бумаге карандашом. Айжамал остервенело грызла веревку. Напрягая силы так, что в голове взорвался красный шар, Гюрза сумела привстать на четвереньки и, шатаясь, почти ничего не видя, доползла до упавшего в траву автомата.

– Малыш... – прохрипела. Сай подбежал к матери, обхватил за ногу. Гюрза с трудом качнула головой:

– Подожди... Тут... Секунду...

Сай, плача и судорожно цепляясь за свой блокнот, покорно отступил на шаг. Селевиния посмотрела в сторону белой мышки.

– Не стреляй! – пискнула Айжамал. – Вы с ребенком погибнете! Я знаю дорогу! Не стреляй!!!

Воительница, хрипло втягивая воздух сквозь ноздри, опустилась на одно колено, подняла оружие. Обломила иглу, до сих пор торчавшую из рукояти.

– Я знаю карты! – взмолилась дрожащая Айжамал. – Я выведу вас к ближайшему аистодрому! Я... Я... Я умею пилотировать кирана!!! Без меня вы заблудитесь и сгинете!!!

Свирепо дыша, Гюрза заставила себя встать на ноги. Покачнувшись, оперлась об автомат. Скрипнула зубами, вновь выпрямилась. В ее глазах горело такое бешенство, что белая мышка, пискнув, зажмурилась и скрутилась в клубок.

Селевиния несколько секунд стояла неподвижно, от головной боли мутилось в рассудке. Наконец, справившись со слабостью, она подошла к Айжамал.

– Посмотри на меня, – процедила сквозь зубы. Мышка лишь крепче свернулась, ее трясло.

– Не надо... – пропищала беспомощно. – Пожалуйста...

Гюрза с размаху ударила ее прикладом. Айжамал вскрикнула, дернулась от боли. Селевиния вновь замахнулась:

– ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!!!

Трясущаяся от страха мышка заставила себя поднять голову. Гюрза с силой вогнула ствол автомата ей в рот, разбив губы до крови.

– Никогда... – прошипела она, в бешенстве прижав уши. – Никогда не стреляй в спину!!!

Айжамал отчаянно запищала, из ее глаз катились горячие слезы страха. Селевиния целую минуту, свирепо дыша, стояла над ней, дико размахивая хвостом, но курок, все же, не спустила.

Сплюнув, она ногой оттолкнула предательницу. Вернулась к ребенку, села рядом в траву. Прижала ладони к вискам, борясь с чудовищным головокружением. Сай лихорадочно обнял мать за шею, прижался всем телом.

– Кумыс, – всхлипывая и облизывая кровоточащие губы, сказала Айжамал. – Кумыс снимает последствия транквилизатора...

Гюрза метнула в ее сторону яростный взгляд, но совет оценила и, покачиваясь, добрела до сложенных в сторонке канистр. Первый же глоток восхитительного молока, будто по волшебству, снял боль почти без остатка, прояснил разум. Селевиния судорожно перевела дух.

– Не бросай меня здесь, – взмолилась белая мышь. – Я не хотела тебе вреда! Я только следовала инструкциям! Когда ты сказала о вертолете, я связалась с управлением. Майор приказал доставить островитянина в карьер у ручья Тундык, там наша точка сбора. Но уговаривать тебя было бессмысленно, а принудить я не могла...

– Зато могла предать, – хрипло отозвалась Гюрза. Опустившись на колено, она нежно лизнула мышонка в нос. – Ты и для Сая иглу припасла? Отвечай, тварь!

– Я бы не причинила вреда малышу, ты что, совсем спятила?! Я и тебе вреда не желала! Мы бы просто передали островитянина опергруппе, и ты бы продолжила путь! Даже машину никто бы не стал отбирать!

– Машину... – Гюрза скрипнула зубами. – Как долго я была в отключке? Говори правду!

Айжамал сглотнула.

– Минут десять.

– Значит, Элджи не мог далеко оторваться, – выдохнула селевиния. – Он тратил время на выгрузку канистр, затащил в кузов грабителей. Как давно он уехал?

– Почти сразу, – с горечью отозвалась мышка. – И очень быстро. Должно быть, он всю дорогу строил из себя дурачка, а сам примечал, как управляется пескоход...

Гюрза клацнула зубами.

– Он едва ли рассчитывал, что меня так подло обезвредят!

Айжамал с болью отвела взгляд.

– Прости... Я... Я слишком тебя боялась...

– С тобой мы еще поговорим, – свирепо пообещала Гюрза. – Сейчас надо догонять островитянина.

Она оглянулась на бессознательных зверей, валявшихся неподалеку. Сай робко протянул матери блокнот, где посреди исчерканной карандашом страницы сохранился более светлый хищный силуэт птицы со рваными белыми дырами вместо глаз, но селевиния этого даже не заметила.

– Если влить кирану в горло кумыс, очнется?

Айжамал покачала головой.

– Захлебнется. Не сможет проглотить.

– А в кровь? – Гюрза отсоединила от автомата магазин и вынула патрон с транквилизатором. – Заправить пулю кумысом, вместо этой дряни?

Мышка озадаченно моргнула.

– Не знаю... Так никто не делал...

– Вот и попробуем, – буркнула селевиния, подтаскивая к себе канистру. – Если соврала, что умеешь пилотировать, клянусь, отсеку тебе хвост и на нем же повешу.

Айжамал содрогнулась:

– Я умею! Правда! Но зверя надо приучить к запаху нового пилота, иначе просто сожрет. Мы для киранов еда.

– Я сейчас в таком состоянии, что сама кого угодно сожру, – процедила Гюрза. Потрепала Сая по шерстке. Начала развинчивать патрон, но белая мышка с тревогой покачала головой:

– Гюрза, это бесполезно. Зверь не примет нового хозяина. Кираны почти не поддаются дрессировке, потому-то на них и летают так редко.

– Кипчаки пользуются зверьми сплошь и рядом.

– Кипчаки хищники, – возразила Айжамал. – Там работает механизм доминирования, киран чувствует в хозяине силу и подчиняется. А мы для них-добыча.

Селевиния в сердцах швырнула патрон на землю и обернулась:

– Ну и что прикажешь делать? А?!

Сай, дрожа от страха, сильно дернул мать за шерсть. Гюрза опустила взгляд:

– В чем дело, малыш?

Мышонок протянул ей блокнот. Теперь вокруг черной птицы, со всех сторон, появились резкие красные росчерки, будто нацеленные копья, а в центре силуэта, на месте сердца-несколько хвостатых фигурок. Селевиния недоуменно оглядела рисунок.

– Саджа?

Сай в отчаянии замотал головой, указал в небо, потом себе на голову, закрыл глаза и принялся водить пальцем над блокнотом, изображая карандаш. Встревоженная Гюрза опустилась на колено.

– Ты видел большую птицу?

Мышонок лихорадочно закивал. Воительница вскочила, подняв автомат наизготовку, Айжамал поспешно заползла в ближайший травяной холмик. Туда же Гюрза отвела ребенка и, несмотря на протесты, усадила в самый центр зарослей, скрыв от неба.

– Малыш, помнишь, я учила тебя узнавать хищников? – напряженно спросила селевиния, озираясь и не сводя глаз с темнеющего вечернего небосклона. – Кивни, если я угадаю: это был канюк?

Сай замотал головой.

– Сокол?

Отрицание.

– Ястреб?

Сай поднял лапку и нарисовал в воздухе овал. Гюрза невольно сглотнула.

– Орел? – спросила, надеясь, что ребенок покачает головой. Однако Сай закивал. Взрослые быстро переглянулись.

– Автомат не пробьет оперение... – тихо сказала Айжамал.

– Он заметит нас в траве с километра, – глухо отозвалась Гюрза. – Плохо дело.

– Орлы редко охотятся на мышей...

– Ты видишь поблизости другую добычу?

Разведчица нервно кивнула:

– Кираны.

– Волосатый язык Эшмака! – выругалась Гюрза. – Они ж на самом виду валяются, хуже приманки! Мы должны... – она запнулась и опустила взгляд. Сай протягивал ей блокнот, где было коряво написано «Habt keine Angst⁵».

⁵ «Не бойтесь» (нем.)

Оцепенев от неожиданности, Гюрза упала на колени:

– Сынок! Ты научился писать?!!

Мышонок замотал головой. Перелистнув страницу обратно на рисунок орла, он ткнул пальчиком в силуэт, потом себе в висок, закрыл глаза и сделал вид, словно пишет карандашом. Айжамал судорожно сглотнула:

– Ты слышишь голос? Голос орла? Голос подсказывает, что писать?

Сай обрадованно закивал.

– А мы почему не слышим?! – спросила ошарашенная Гюрза.

Сай уселся на хвостик, открыл чистую страницу и старательно вывел карандашом:

«Ihr Sohn ist hypertelepathisch⁶»

Гюрза отпрянула, Айжамал в страхе зажала ладонью рот.

– Это на каком языке? – спросила она робко.

– Немецкий... – сама себе не веря, пробормотала селевиния. Придя в себя, схватила Сая на руки:

– Малыш! Ты слышишь голоса? В голове?!

Сай очень серьезно кивнул. Воительница прижала его к груди:

– Давно? – выдавила с трудом.

Мышонок закивал и нарисовал пальчиком букву «Н» на шерсти матери. Гюрза содрогнулась:

– Нэнэке-Улус?

Малыш опустил глазки. Потянулся за блокнотом. Айжамал, вскочив, протянула его ребенку; взрослые, затаив дыхание, смотрели, как Сай, сопя от старания, выводит букву за буквой:

«Viele suchen dieses Kind⁷» – передала неизвестная птица.

– Зачем?! – нервно спросила Гюрза.

– «Er ist der stärkste Telepath der Welt⁸» – написал Сай. – «Er wird *finden*⁹» – последнее слово мышенок вывел втрое больше прочих, обвел кругом и несколько раз жирно подчеркнул.

⁶ «Ваш сын гипертелепат» (нем.)

⁷ «Многие ищут этого ребенка» (нем.)

⁸ «Он самый сильный телепат в мире» (нем.)

⁹ «Он найдет» (нем.)

– Найдет что? – переспросила Гюрза, но Сай лишь развел лапками. Айжамал робко тронула селевинию за шерсть:

– Переведи, пожалуйста?

Воительница исполнила ее просьбу и запнулась: шокированная, потрясенная белая мышь, прямо на глазах, буквально стала серой.

– Не может быть... – прошептала она, задыхаясь. – Сай! Маленький мой, малыш, умоляю, спроси орла, кто он! Это очень важно! Спроси прямо сейчас!

Мышонок озадаченно нахмурился, на миг закрыл глаза. Вновь склонился над блокнотом:

– «Vergessene», – вслух прочла трепещущая Айжамал. – Что это значит?

– «Преданный забвению», – ответила Гюрза. Белая мышь отпрянула и прижала лапки к вискам.

– Нет... Нет, нет, не верю, не может быть...

Гюрза молча взяла ее за шкирку и подняла на вытянутой лапе:

– Говори.

Айжамал сглотнула.

– Следует немедленно доставить Сая в подземелья Каскабулака, – заявила она твердо. – Вопрос жизни и смерти!

– ЧЬЕЙ жизни и смерти? – Гюрза свирепо встряхнула мышку. Та обратила к ней взгляд, где, впервые, вместо страха тлел слабенький огонек надежды.

– Всех зверян Земли, – тихо отозвалась Айжамал.

Сай перелистнул блокнот на чистую страницу:

«Bringen Sie das Kind zum kiran», – передал орел. – «Ich werde ihm beibringen, wie man das Biest mit einem mentalen Befehl zähmt¹⁰»

Гюрза взглянула на Айжамал в упор:

– Если ты прямо сейчас не скажешь, что таится в подземельях... – начала воительница, но белая мышь с неожиданным бесстрашием ее оборвала:

– Надежда, – ответила коротко.

¹⁰ «Поднесите ребенка к кирану. Я научу его, как приручить зверя мысленной командой» (нем.)

Глава 8

Грунтовая человечья дорога впервые встретила Элджи лишь на закате. С тех пор, как границы полигона остались далеко позади, он уже дважды доливал топливо в прожорливый газотурбинный пескоход, осталось лишь несколько канистр. Спящих грабителей черный мыш выгрузил еще днем, спрятав в колючем кусте на небольшом холмике.

Остановив пескоход на обочине человеческой дороги, Элджи вышел из машины и склонился над изъезженной колеёй. Принюхался, провел пальцами по следам грузовых шин. Грунтовкой недавно пользовались.

Выпрямившись, Элджи обвел взглядом бескрайнюю блеклую степь. Карта у него была, но как определить без GPS и инструментов, в какой точке находится сейчас он сам?

– Искать ориентиры, – вслух ответил Элджи и вернулся в кабину. Разложил потрепанный лист тонкого пластика с картой Дегеленских степей, вздохнул при виде надписей на незнакомом языке. Зверолингва в качестве алфавита использовала человечью латинницу, но сами слова не напоминали ни один известный Элджи язык, вдобавок над некоторыми буквами имелись пометки, словно их следовало произносить иначе. Видимо, неведомые лингвисты, создавая универсальный язык для зверян, брали пример с китайского, где значение слов определяется не только звучанием, но и выражением, и ударением.

Некоторое время мыш изучал карту, то и дело выглядывая из машины в поисках приметных мест. Ничего не найдя, завел двигатель и подъехал к невысокому кривому деревцу, росшему рядом. Долго и тщательно изучал крону в поисках хищных птиц и зверей.

Убедившись в отсутствии оных, Элджи торопливо принялся за работу. Отодрал обшивку с потолка кабины, отсоединил толстую «косу» из проводов, тянувшуюся от приборной панели к двигателю. Выхватив блокнот из бардачка, зарисовал контактный разъем и отметил, какого цвета и куда идет провод.

Затем начался кропотливый труд. Расплетая «косу», Элджи резцами оголял провода, соединял их вместе, постепенно образуя громадную, многометровую

круглую «паутину». Когда направленная антенна была готова, он отодрал обшивку с пола пескохода, где вдоль порогов шли еще два пучка проводов. Их расплестать не стал, только соединил все концы вместе, получив длинный многожильный кабель.

Еще раз оглядел дерево-никого. Решившись, Элджи вышел из пескохода, оставив все четыре двери широко распахнутыми и держа наизготовку второй транквилизаторный автомат. Хищников видно не было, и черный мыш, забросив оружие за спину, полез на дерево, таща в зубах свернутую антенну.

С высоты, на плоскую как метрика пространства-времени вечернюю степь, открывался не слишком впечатляющий вид. Львиная доля пейзажа, много километров во все стороны, выглядела совершенно одинаково, тускло и без деталей. Грунтовая дорога пустовала, насколько хватало глаз. Нигде, до самого горизонта, не было никаких признаков цивилизации, даже зарева от огней далеких городов. Лишь на самом краю восприятия, вдоль мутно темневшего в закатных лучах горного хребта, летели пять военных вертолетов Ми-24, грохот их двигателей терялся за расстоянием.

Увидев горы, Элджи мгновенно сориентировался. Карту он предусмотрительно захватил с собой, и сейчас, удобно устроившись в развилке ветвей, принялся за расчёты.

Минут за пять черный мыш определил, где находится, и поставил на карте жирный кружочек. Вздохнул. Разумеется, как могло быть иначе-до Семипалатинска оставалось не менее двухсот километров, хотя Гюрза в подземном городе упоминала о полутора сотнях. Значит, все это время он удалялся от цели... Весело...

Проведя линию между своим положением и далекой базой, Элджи принялся развешивать паутинную антенну на ветвях. О прямой радиогамме, конечно, на таком расстоянии не могло быть и речи, но предусмотрительный мыш хорошо подготовился к экспедиции. Он собирался использовать так называемую «метеорную связь», когда радиоволны направляются под углом вверх, в стратосферу, где отражаются от ионизированных следов постоянно бомбардирующих Землю микрометеоритов. Таким способом можно отправлять радиогаммы буквально в противоположную точку планеты-а цель Элджи, к счастью, находилась намного ближе.

Закончив развешивать провода, он вернулся в машину и подсоединил тянувшийся от антенны многожильный кабель к штатной рации, прикрученной снизу к приборной панели. Включил, настроил частоту, выкрутил до предела регуляторы усиления и чувствительности. Снял микрофон на витом шнуре. Глубоко вдохнул.

– Альфа вызывает гнездо, повторяю, альфа вызывает гнездо! – позвал мышонок на языке исчезнувшей цивилизации с острова-он изучил его много лет назад, чтобы общаться с друзьями. Потянулись невыносимые минуты ожидания. Элджи еще много раз повторил вызов, и наконец, минут через двадцать, раздался ответ:

– Ты жив!!! – родной голос Орби заставил черного мышонка судорожно вдохнуть.

– Я жив и свободен, все в порядке, отмените любые спасательные операции! – торопливо сказал Элджи. – Маршрут, по которому я летел, простреливается ПВО, вычеркните этот район на картах, повторяю, не посылайте никого по моему маршруту!

– Мы уже отправили дрон...

– Свяжитесь с ними немедленно! Пусть летят обратно!!!

– Принято! Где ты, что с тобой случилось?!

– Сейчас нет времени рассказывать, – Элджи бросил нервный взгляд на часы. – Я говорю по открытому каналу, нас очень быстро запеленгуют. Срочно отзовите дрон, я все объясню позже!

– Поняла, уже отзываю.

– Не бойтесь за меня, я в полном порядке. Не пытайтесь сами связаться! Я собрал временную антенну!

– Ну, конечно, собрал... – Орби счастливо всхлипнула. – Это ж ты...

– Срочно перенесите базу, вашу радиостанцию тоже могут запеленговать. И никаких вылазок! Я жив, я продолжаю исполнять задание, больше никому нет нужды рисковать, понимаешь? Это приказ, Орби, я сейчас говорю как начальник экспедиции!

– Ясно... – мышка на мгновение запнулась. – Элджи, родной... Ты нашел?

– Нет, я не успел добраться до института Ломоносова, – с натугой ответил мыш.

– Но я нашел местных жителей, большую цивилизацию зверян, и вступил с ними в контакт. Тут все очень плохо, любимая, люди начали геноцид, уничтожили главный звериный город и охотятся на выживших. Я все подробно расскажу, когда вернусь.

– А когда ты вернешься? – с волнением спросила Орби. Элджи стиснул зубы:

– Пока не знаю, но опасность мне не грозит, я вернусь непременно, родная. Оставайтесь на базе и будьте предельно осторожны! Вызов закончен.

– Вызов закончен... – грустно отозвалась Орби. Элджи с огромным трудом заставил себя нажать красную кнопку на микрофоне. Пару секунд сидел с закрытыми глазами, пытаясь успокоиться.

С души будто сняли огромный, необъятный бетонный груз. Орби в безопасности, друзьям ничего не грозит, они не бросятся на поиски пропавшего мышонка и не попадут в ловушку. Элджи только сейчас сполна ощутил, как страшно его тяготило это бремя. Он буквально не мог нормально мыслить и наделал кучу глупостей! Ну, ничего, все позади... Мыш чувствовал необычайный внутренний подъем, его переполняла энергия.

С трудом справившись с волнением, Элджи вновь развернул карту. Провел вектор между своим положением и бункером, где зверяне построили Дегелен. Нахмурился, прикидывая потраченное пескоходом топливо на такой отрезок. По всему выходило, что запасов керосина в канистрах не хватит и на треть дороги до Семипалатинска, а остаться без машины, в такой степи, для мыши было равнозначно смертному приговору. Как, в принципе, и для человека...

Элджи задумался. Грунтовой дорогой явно пользовались, значит, рано или поздно, максимум в течение пары дней, кто-нибудь тут проедет. И это безусловно будет грузовик или, как минимум, большой внедорожник, на других авто здесь не ездят. Надо сделать так, чтобы человек остановился и вышел из машины. Приняв решение, мышонек снова полез на дерево, но пришлось затаиться: звено из пяти вертолетов Ми-24, на обратном пути, пролетело довольно близко.

Проводив страшные аппараты долгим взглядом, Элджи примерно за час-полтора снял антенну и восстановил проводку пескохода, а затем проехал по грунтовой дороге километров десять в сторону Семипалатинска, чтобы не рисковать обнаружением после радиопередачи. Остановился лишь, когда увидел на обочине еще одного деревце, окруженное колючим кустарником. Кусты росли по обе стороны дороги-то, что надо.

Убедившись в отсутствии хищников и тщательно замаскировав пескоход, Элджи подготовил веревочку с треугольными красными вымпелами и растянул ее поперек дороги на высоте человеческого роста, закрепив между деревом и кустом на другой стороне. Склеил несколько найденных в машине листов бумаги в один большой, крупными буквами написал по-русски историю заблудившегося туриста и попросил спасти его. Лист привязал в центре веревочки.

Теперь оставалось только ждать. Автомат с транквилизатором Элджи заблаговременно укрепил в удобной развилке на дереве, откуда возможно было вести огонь в любую сторону от веревки-он не знал, откуда появится человек. Устроившись

поудобнее в кабине пескохода, черный мыш заставил себя расслабиться. Несмотря на огромное облегчение от успешного сеанса связи с друзьями, тяжкие, тревожные думы мешали заснуть.

Само существование народа зверян, для Элджи сюрпризом не стало; за двенадцать лет, миновавших с катастрофы, колонисты островов Тристан-да-Кунья уже встречали знаки, что Земля населена не только людьми. Всякий раз они с надеждой бросались на поиски, мечтая найти бесследно исчезнувших перед бомбежкой сородичей, но натыкались лишь на старые и, по мере сил, замаскированные следы деятельности мелких разумных зверей. Первый открытый контакт со зверьями произошел как раз тут, в радиоактивных землях Семипалатинского ядерного полигона, где катапультировавшегося из взорванного самолета Элджи спас патруль воинственных разумных грызунов.

Вспомнив Гюрзу, мышонок невольно вздохнул. Агрессивная селевиния живо напомнила ему Киру-добрую подругу с волшебной способностью контролировать электричество. Несмотря на все просьбы и уговоры, Кира не осталась жить с остальными мышами в колонии, и скоро уж десять лет, как покинула их, начав одиночный поиск смысла жизни.

Она так и не оправилась после гибели брата, ее ничто не могло увлечь, иногда золотая мыш целыми сутками просто лежала на пляже, глядя в небо и отказываясь говорить. Когда она, в конце концов, объявила, что хочет уйти, никто даже особенно не удивился, хотя Элджи и Орби неделями умоляли ее остаться, или хотя бы не обрывать окончательно связь.

Многое изменилось за минувшие годы, с грустью подумал черный мышонок. Их первые с Орби дети давно выросли, у обеих дочерей были уже собственные мышата. После возвращения из этого полета, Элджи собирался уговорить подругу завести новых; неугомонная и энергичная Орби тяготилась обязанностями матери и не горела желанием вторично рожать. Но других самочек в колонии просто не было – лишь сама Орби да две ее дочери, Кира и Гайка. Внучки родились недавно и только через несколько лет стали бы взрослыми, а колонисты неумолимо старели; кроме Элджи, Орби и их детей, лишь глава колонии, мудрый белошерстный Вирату, мог этого не страшиться. Все остальные мыши – бывшие космонавты-уже достигли средних лет, а кое-кто и вовсе состарился. Будущее колонии вызывало много вопросов.

Понемногу Элджи сморила дремота. Вернувшись в машину, он выпил целый стакан кумыса, и сейчас восхитительный эликсир грел его изнутри, очищал организм, придавал сил. Нужно непременно раздобыть несколько сурков-байбаков для колонии, думал мышонок сквозь дрему. За окнами пескохода давно наступила ночь, и Элджи уже почти спал, когда слабый отблеск далеких фар заставил его судорожно дернуться и вскочить. Кто-то ехал по грунтовой дороге.

Мышонок торопливо выпрыгнул из пескохода и взобрался на дерево, к своей огневой точке. Как и все мыши, Элджи неплохо видел в темноте, так что прицел ночного видения ему не требовался. Лишь бы неведомые путники заметили веревочку с вымпелами и остановились...

Блеск фар приближался, вскоре стал слышен и звук моторов-судя по тембру, не грузовых. Элджи напрягся: он уже мог различить вдали силуэты трех внедорожников и одного пикапа. В свете фар второй машины блеснули борта головной-белая «Тоёта 78» с синими буквами UN на дверях.

«Ничего не выйдет» – понял Элджи и торопливо спустился к ветке, где закрепил свою веревочку. Дернул за петлю, хитрые узлы на другой стороне дороги развязались, и мышонок быстро втянул веревку на дерево. Ничего, дождемся следующей машины... Вряд ли тут ездят только колоннами...

Внедорожники приближались, ехали они в противоположную от Семипалатинска сторону, если верить карте. Головной находился примерно в сотне метров от дерева, где прятался Элджи, когда машина внезапно затормозила; ее примеру последовали остальные. Колонна остановилась, негромко урча дизельными моторами.

Черный мыш на ветке напрягся и припал к оптическому прицелу автомата. Увы, потери света в объективе делали и без того темную ночь совсем непроглядной, так что Элджи пришлось отказаться от идеи.

Тем временем головная «Тоёта» заглушила двигатель, остальные сделали так же. На крыше внедорожника открылся люк, оттуда выставили огромный светодиодный прожектор на поворотной турели. Слепящее, ярче Солнца голубовато-белое сияние залило всю степь на километры вокруг.

«Что происходит?» – с тревогой подумал Элджи, прячась от света за стволом дерева. Ему недолго пришлось гадать. Багажник «Тоёты» открылся и на землю спрыгнули двое солдат в полном боевом облачении миротворцев ООН и в прозрачных

забралах, закрывающих все лицо. Автоматы висели за их спинами-в руках один держал небольшой прибор с экраном, а второй-странное оружие, похожее на слишком толстый пистолет с четырьмя крохотными ракетами по бокам от дула.

Элджи уже видел такой аппарат раньше и оцепенел; человек нес портативный метатель сети, для ловли птиц и мелких животных. Они ЗНАЛИ.

«Но как?!» – в ужасе подумал мышонок. И вскоре получил ответ; вода экраном по сторонам, будто миноискателем, первый солдат безошибочно направился прямо к кусту, где был замаскирован пескоход. Второй шел позади и чуть сбоку, держа «пистолет» обеими руками на уровне груди.

Человек с детектором включил мощный фонарь на голубом шлеме миротворца. Лучи света проникли сквозь колючие ветви и безжалостно осветили спрятанную там машину. Несколько секунд солдаты ее молча разглядывали.

– Не приближаться, уровень радиации девять, – по-английски произнес тот, что нес детектор. – Отслеживаю... – он медленно поводит прибором из стороны в сторону и навел прямо на дерево, где прятался Элджи. – Объект обнаружен, – вполголоса сообщил солдат.

Мышонок в ветвях захлебнулся от ужаса. Радиация! Как он мог забыть, что после проезда через Жаровню и он сам, и пескоход будут фонить на детекторах будто лампочки!

Но какие были шансы наткнуться посреди казахстанской степи на столь оснащенного, да еще и знающего о зверьях противника?! Нет, нет, не может быть чтобы ему ТАК не везло... Закинув автомат за спину, Элджи быстро юркнул вниз и бросился бежать, лавируя в сухой траве, чтобы ствол дерева оставался как заслон между ним и людьми.

Но солдаты в погоню не спешили; торопящийся скрыться мышонок вскоре услышал самый жуткий в его ситуации звук-жужжание пропеллеров дрона. Элджи юркнул под ближайший большой лист и, лихорадочно дыша, поменял в автомате магазин с транквилизаторных патронов на боевые.

Между тем, дрон включил слепящий прожектор и начал медленно кружить вокруг дерева по растущей спирали. Детекторы радиации на нем, видимо, были весьма чувствительные, поскольку уже на третьем витке он обнаружил след от лапок Элджи и полетел в правильном направлении.

«Придется сбить...» – черный мышонок стиснул зубы. Прожектор с внедорожника превратил ночь в день, теперь снова можно было пользоваться оптическим прицелом. Элджи занял позицию под листом, укрепив автомат между двумя камнями. Быть женатым на самой легендарной и умелой воительнице в истории цивилизации имело свои плюсы, за минувшие годы Орби изрядно натаскала его в боевом искусстве.

«Не то, что б это имело большой смысл для мыши...» – Элджи напрягся. Дрон сначала пролетел мимо беглеца, но сразу завис в воздухе, обнаружив исчезновение следа. Медленно вращаясь, будто инопланетная летающая тарелка, он парил метрах в трех над землей, и менее чем в десяти от затаившегося мышонка.

Элджи глубоко вдохнул, задержал дыхание и припал к прицелу. Крохотный калибр патронов делал бессмысленным стрельбу по корпусу или винтам, однако любой дрон по самой своей природе-хрупкая и уязвимая машина. Дождавшись удачного момента, черный мыш тремя выстрелами разбил ультразвуковые сенсоры и объектив главной камеры. Дрон завертелся, на миг будто утратил управление, но быстро выровнялся; он явно имел продвинутую систему стабилизации.

Скрипнув зубами, Элджи прицелился вновь. На сей раз, он сумел несколькими выстрелами разбить широкую спутниковую антенну, торчавшую над центральной частью фюзеляжа. Этого дрон уже не смог пережить; завалившись на бок, он с сухим треском свалился в траву. Прожектор при этом не погас, отправив к звездам синевато-лиловый, заметный с огромного расстояния луч.

Мышонок быстро вновь поменял магазин в автомате, вернув патроны с транквилизатором, и бросился прочь. Петля в траве, пробираясь между стеблями, он бежал, и с каждой секундой коварная грунтовка оставалась все дальше. Никаких подозрительных звуков слышно не было-либо второго дрона у людей не имелось, либо их впечатлила судьба первого.

Синеватые лучи сверхмощного прожектора вдали постепенно слабели. Элджи отбежал от дороги уже метров на пятьсот, его никто не преследовал. Решив разведать, что делают люди, мышонок выбрал росший отдельно, высокий эремурус Регеля, похожий на растрепанный лисий хвост, и торопливо взобрался вверх по стволу.

Припал к оптическому прицелу, и от неожиданности даже пискнул. Из кузова пикапа, на высоту нескольких метров выдвинулась платформа, где лежал человек с огромной винтовкой и прицелом, больше напоминавшим телескоп. Рядом с

объективом-рефлектором зловеще алела решетка инфракрасного прожектора; сообразив, что для снайпера теплокровная мышь будет сверкать, как лампочка, Элджи прыгнул в траву прямо с высоты и бросился бежать.

Слабый хлопок он расслышал, успел метнуться в сторону, только это не помогло; рядом с мышонком в землю врезался полиэтиленовый шарик и лопнул, разбрызгав во все стороны ярко-синюю жидкость. Режущий, тошнотворный запах ударил в ноздри, Элджи запищал, но сознание уже мутилось; пробежав еще пару метров на заплетающихся ногах, он рухнул на грудь и лишился чувств.

Перегруженный киран отчаянно бил крыльями, хрипел и вращал глазами, но полет, к счастью, уже близился к концу. С высоты были отлично видны посадочные огни аистодрома Каскабулака-горевшие мягким ультрафиолетом, они оставались невидимы для людей.

Крепость окружали симметрично раскиданные по периметру деревья. Человек никогда бы не обратил внимания на правильность их расположения, неспособный допустить и мысли, что в действительности деревья служат башнями для скорострельных зенитных батарей противоптичьей обороны.

По совету Айжамал, кирану к лапе привязали длинную белую ленточку, чтобы стрелки не приняли его за охотящегося зверя. Предосторожность оказалась нелишней: уже на подлете к крепости, из травы взмыло несколько одноместных боевых птиц, на спинах которых сидели пограничники с автоматами. Айжамал прокричала им опознавательный код контрразведки.

Гостям выделили эскорт из двух истребителей и проводили к аистодromу, замаскированному от людей под раздвижными кустами на рельсах. Здесь кирана сразу отвели в ангар, а к запыленным путешественницам подошел офицер-касяк с нашивками службы безопасности на поясе. Белая мышь рывком отдала ему честь:

– Капитан Айжамал Акылжан-Карлагаш из центрального отделения контрразведки Дегелена! Со мной помощница, Гюрза из кушмурунского спецназа, а также ее сын.

Офицер козырнул в ответ.

– Старший лейтенант Нурлыбек Ыксан, пограничные войска. Какими судьбами в наши края?

Айжамал в двух словах поведала об эвакуации Дегелена. Услыхав о битве Гюрзы с десантниками, касаяк подпрыгнул и впился в воительницу глазами:

– Так это были вы?! О вас уже ходят легенды! Мы перехватываем человечьи радиотрансляции, там о «защитнике Дегелена» рассказывают такое, что шерсть на хвосте встает дыбом!

Гюрза смерила взглядом голый хвост лейтенанта и невольно фыркнула. Подняла Сая на руки.

– Чего не сделаешь, когда от тебя зависит жизнь вот таких... – она нежно лизнула сына в носик. – Мы вымотаны, голодны и очень давно не спали. Как насчет толики степного гостеприимства?

Смущенный Нурлыбек хлопнул себя по лбу.

– Вах... Идите за мной! – он поманил новоприбывших к открытому джипу, стоявшему неподалеку. – По сравнению с Дегеленом, конечно, Каскабулак-крохотная деревенька, но и у нас найдется, чем потчевать героев!

Звяряне расселись в машине, после чего лейтенант, к изумлению гостей, демонстративно сложил на груди лапки и громко скомандовал:

– В караван-сарай!

Джип загудел электромотором и тронулся с места, быстро набирая скорость. Удивленная Айжамал бросила на офицера вопросительный взгляд.

– Автономный транспорт, – с гордостью пояснил тот. – Новейшее достижение техники. А в главном бункере уже запущена полностью автоматическая монорельсовая дорога. Готовимся к туристическому сезону!

Гюрза вздрогнула.

– Какому туристическому сезону? – спросила с горечью. Нурлыбек, поперхнувшись, стушевался и опустил глаза.

– О... Да. Простите. Трудно привыкнуть, что всему конец... – он сглотнул. – Как думаете, Айжамал, люди скоро найдут Каскабулак? Здесь родилось уже пять поколений моей семьи.

Разведчица покачала головой.

– Истребление, скорее всего, начнется зимой, когда большинство видов погрузится в спячку. До тех пор, стоит ожидать карантина по периметру, регулярных рейдов беспилотных разведчиков и, возможно, пробных бомбардировок пестицидами.

Сай вздрогнул и покрепче прижался к матери. Гюрза глубоко вздохнула.

– Я так понимаю, в Каскабулаке собрано большинство научных и исследовательских групп?

– Не большинство, а абсолютно все, – коротко отозвался Нурлыбек. – Мы-сердце зверянской науки и острие промышленности. Только здесь есть уникальное оборудование для проектирования и мелкосерийной штамповки микросхем, химическое и прецизионное производство. Все станки, что используются на других предприятиях, строятся у нас. Под землей крепость занимает раз в десять большую площадь, чем на поверхности.

Гюрзу передернуло при воспоминании о шахтах Дегелена. Стиснув зубы, селевиния загнала кошмарные картины на дно разума.

– У вас тут есть скоростные самолеты? Настоящие самолеты, не птицы?

Нурлыбек почесал за ухом.

– Была парочка прототипов, но дальше пробных запусков дело не пошло. Человеческие радары губят на корню самую идею воздушного флота.

– Волосатый Эшмак... – прорычала Гюрза. – Как же нам догнать Элджи?

Айжамал моргнула.

– Ты про него еще не забыла?

– А должна забыть?!

– Гюрза, по сравнению с тем, кто сидит у тебя на коленях, – мышка улыбнулась Саю, – даже гибель Дегелена не значит ровным счетом ни-че-го. Если б нам сообщили, что ради такого малыша придется поджечь каждый город в Степи, мы бы согласились, не задумываясь.

– Поджечь?! – переспросил Нурлыбек. Разведчица отмахнулась:

– Ведите машину, лейтенант. Гюрза, позволь рассказать кое-что из малоизвестной новейшей истории... – она уселась в кресле поудобнее, поправила

ремень безопасности, давивший на шею. – Полвека назад, когда зверян было еще очень мало, мы жили в степях небольшими племенами и прятались от людей. В то время, как раз, начали появляться первые разумные птицы, и от них мы узнали об огромной территории полигона, где радиация исключала появление человека. Жить там сначала казалось невозможным, но, примерно сорок лет назад, в одном из племен обнаружили свойства кумыса. Разведчики и следопыты изучили полигон, обнаружили старый бункер Дегелен, а главное, подтвердили, что кумыс делает жизнь в радиоактивной степи безопасной. Долгое время все пытались понять, к чему это приведет. Лишь одно было ясно с самого начала – полигон останется безлюдной территорией на многие века. Земля здесь столь ядовита, что и за тысячи лет не станет безопасной для человека. И мы решили рискнуть. Начали строить полноценную, собственную цивилизацию.

Она отвела взгляд.

– В те годы мы ничего не знали о происхождении зверян. Большинство попросту не задумывалось, а те, кто задумывался, пребывали во тьме суеверий. Как ни странно, первые сведения о нашей истории мы получили только в девяностые годы, от друзей из Европы.

– Европы? – Гюрза напряглась. – Ты, надеюсь, не про жрецов «проекта Гenezис»?

Айжамал усмехнулась.

– Да-да, про них. Не бесись, дослушай, – сказала торопливо, заметив, как потемнели глаза селевинии. – Вначале ответь, что ТЕБЕ известно о происхождении зверян?

Воительница криво усмехнулась.

– Милочка, там, где я росла, «откуда берутся зверяне» мы узнавали не в школе, а на практике. И если я начну показывать, что мне известно, этот молоденький лейтенант из машины вывалится.

– Показывать? – не сразу поняла мышка, а когда поняла, из белой превратилась в красную. – А... О... Я... – она поперхнулась. Гюрза покачала головой.

– Да рассказывай уже.

– Хорошо... – выдавила пурпурная Айжамал. – Понимаешь... Проект «Гenezис», когда он только...

– Не-е-е-т, даже не начинай! – прервала Гюрза.

- Но это правда. Проект «Генезис» – не религия, – тяжело сказала белая мышь.
– Его создали первые зверяне Земли.

Селевиния криво усмехнулась:

– Одним из которых был проклятый Эшмак?

– Да...

– Seriously?

– Seriously.

Глаза Гюрзы превратились в две тонкие щелки.

– Жрецы твердят, будто все началось семьдесят пять лет назад, – сказала она жестко. – Ты всерьез веришь, что крохотная кучка мутантов, «первые зверяне Земли», успели за это время не только размножиться до ста тысяч особей, но и вывести десятки новых разумных видов, тайно от людей заселить все материки, начать строить в Чернобыле и тут настоящие цивилизации, создать особый язык-зверолингву, породить целую культуру, и даже веру, с собою в качестве творцов? За семьдесят пять лет? В мире, целиком принадлежащем людям? И ты утверждаешь, что это не религия?

Айжамал выдержала взгляд Гюрзы и медленно кивнула.

– Да.

– Тогда у тебя должна быть эшмакски убедительная история, – грозно заметила селевиния.

– У меня ее нет, – мрачно сказала белая мышь. – Ответ на твой вопрос уже четверть века ищет целый институт в Цюрихе. Дело в том, что проект «Генезис» существовал не семьдесят пять, а лишь десять лет, Гюрза. Все, что ты перечислила, творцы успели за десять лет.

Повисла тишина, даже Нурлыбек изумленно прижал уши. Айжамал развела лапками:

– Вот так.

– Но... Что за чушь! – взорвалась селевиния. – Зачем ты мое время тратишь-то?!

Айжамал опустила голову, помолчала. Джип размеренно катился по степи, приближаясь к замаскированным в холме городским воротам.

– Мы не хуже тебя понимаем, как смехотворно все это выглядит, – тяжело сказала мышка. – Но с фактами не поспоришь, а фактов уже найдено море, Гюрза.

Айжамал в упор посмотрела на воительницу:

– С недавних пор, среди людей начали появляться такие же мутанты, как среди нас. НЕЧТО изменило саму их суть. Одарило уникальными силами, научило читать мысли и пробивать металл голыми руками, а главное, закрепило это в потомстве, Гюрза. Так не бывает «случайно», понимаешь? Кто-то, или что-то, сознательно меняет людей.

Айжамал подалась вперед всем телом:

– И делает то же самое с нами!

Гюрза вздрогнула:

– Ты о чем?

– Мутанты-ведуны, эсперы из института Генезиса, твой собственный сын-телепат-неужели ты веришь, что это совпадение? – в волнении спросила белая мышка.
– Зверяне с удивительными способностями начали появляться лишь недавно, примерно в одно время с людьми. Я видела обрывки сверхсекретных человеческих документов, о том, что лет двадцать назад в Зеленограде родились две подопытные мыши, владевшие телекинезом и даже контролировавшие электричество! Неужели не ясно, что за всем этим стоит чья-то воля?!

Айжамал всплеснула лапками и чуть не упала, поскольку джип как раз остановился у замаскированных ворот.

– Где-то там, сокрытые и от нас, и от людей, обитают наши истинные творцы, Гюрза, – тихо закончила мышка, вставая с сидения. – Они никуда не исчезали, они продолжают работу. И если твой сын, вот этот крохотный мышонок, сумеет до них дозваться, народ зверян будет спасен. Представляешь?!

Гюрза смолчала. Сай протянул ей блокнот, где на новом листе успел за время поездки нарисовать черную мышь, стоящую на большой рыбе с кучей глаз, разбросанных по всему телу. Селевиния с тревогой показала рисунок Айжамал:

– Что это значит?

Мышка, опомнившись, вернулась в реальность и озадаченно изогнула хвост.

– Не знаю... Такой символики мы пока не встречали. Малыш, орел подсказал?

Сай замотал головой. Гюрза, сглотнув, выпрыгнула из остановившегося джипа и взяла сына на руки.

– Ты сам нарисовал? – спросила совсем тихо. Мышонок кивнул. – Что это?

Сай указал на черную мышь, а затем сделал вид, словно управляет машиной.

Гюрза недоуменно моргнула:

– Нурлыбек? Этот молодой лейтенант?

Мышонок замотал головой, указал на Айжамал и свел лапки за спиной, будто те были связаны. Селевиния встрепелулась:

– Элджи! Ты нарисовал Элджи?

Сай часто-часто закивал, ткнул в силуэт рыбы и принялся водить пальцем по бумаге, изображая зигзаги. Гюрза ахнула:

– Вода! Подводная лодка?! У Элджи есть подводная лодка!

Сай радостно захлопал в ладоши. Побледневшая воительница невольно сглотнула и бросила взгляд на Айжамал. Та растеряно моргнула:

– Подводная лодка? Наша, зверьянская?!

Гюрза напряженно помахивала хвостом.

– Он говорил, да...

– Не может быть!

– Почему? – селевиния прищурила глаза. – Мы ведь строим машины и даже прототипы самолетов, почему бы колонии Элджи не осилить подлодку?

– Но это совсем не одно и то же! – воскликнула белая мышь. – Судостроение, тем более подводное, далеко за гранью наших возможностей!

Гюрза уже открыла рот, чтобы ответить, но вдруг застыла и перевела на Сая квадратные глаза. С огромным трудом заставила себя спросить спокойно:

– Сынок, родной... Как ты узнал о подлодке? Мы с Элджи разговаривали только по-русски!

Мышонок улыбнулся и тронул пальчиком висок. Растерянная Гюрза даже отпрянула:

– Прочитал мысли?!

Сайт замотал головой, открыл рот и сделал вид, словно беззвучно что-то говорит, потом «взял» из воздуха «слова» и прижал ладошку ко лбу. Воительница содрогнулась:

– Ты знаешь русский язык?!

Сай несколько раз кивнул. Айжамал, смотревшая на них с изумлением, несмело шагнула вперед:

– Малыш, ты понимаешь и слова орла, да? – спросила в волнении. Мышонок закивал. – То есть, с тобой можно говорить на любом языке?! Ты чуешь смысл слов, а не только их звучание?!

Сай радостно засмеялся и принялся хлопать в ладоши. Ошарашенная Гюрза попятилась. Видя ее замешательство, Сай крепко обнял мать и ласково ткнулся носом ей в шею. У воительницы перехватило дыхание.

– Сегодня никаких тестов, – сказала она вполголоса. – Только отдых. Мы с ребенком реально измотаны.

Айжамал помедлила, но решила не возражать и, нехотя, кивнула:

– Так и быть. Отдыхайте, пока я составлю отчет для командования.

Нурлыбек, явно чувствовавший себя третьим лишним, наконец, получил свой шанс и встрепенулся:

– Идемте в караван-сарай! Он почти пуст, вас никто не потревожит!

Селевиния бросила на лейтенанта холодный взгляд:

– Почти? – переспросила грозно.

Нурлыбек с легким смущением развел лапками:

– Осенью, как правило, у нас полно туристов, спешащих на выставку достижений звериного хозяйства до начала зимней спячки. Но в этом году никто не приехал. Слишком уж нестабильная обстановка... – он горько вздохнул. – У нас самый роскошный, самый огромный и высокотехнологичный караван-сарай в мире, и сейчас в нем гостят лишь двое, да и те-не туристы, а беженцы.

Айжамал прищурила глаза:

– Как они успели добраться сюда раньше нас? Мы большую часть дороги мчались на скоростном пескоходе, а остаток и вовсе пролетели.

Нурлыбек почесал за ухом.

– Не знаю, товарищ капитан. Пришли к воротам нынешним утром, за несколько часов до вас. Кумтышкан-кумкус и его спутник, совсем крохотный мышонок.

Глава 9

– Темир? – недоверчиво пробормотала Гюрза, когда на стук дверь открыл приземистый песочно-желтый кумтышкан. При виде селевинии, у следопыта глаза полезли на лоб:

– Гюрза?!

– Не может быть!

– Какими судьбами?! – они крепко обнялись. Из дверного проема выглянул Туман, недоуменно дернул следопыта за хвост. Тот, спохватившись, отступил на шаг.

– Туми, это моя старинная боевая подруга, Гюрза. Мы вместе служили в Кушмуруне, вместе учились владеть оружием у великого мастера Джамухи. Эшмак, сколько ж лет прошло...

Селевиния улыбнулась:

– Немало, попрыгун. Немало.

– Да что ж это я! – Темир схватил Гюрзу за лапку. – Входи, входи! И знакомься: мой хороший друг, отважный Туман, младший сын Деянира, потомка Трора, из рода самого Тэлема!

Селевиния вежливо кивнула мышонку:

– Хорошо происходить из начитанной семьи.

– Начитанной? – пискнул Туман.

– Твои родители знакомы с творчеством Толкиена, – уважительно отозвалась Гюрза. – Среди зверян это редкость.

Страшно смутившись, мышонок исчез из вида. Темир и Гюрза, тем временем, прошли в роскошно обставленную гостиную и расселись на диване. Следопыт протянул старой подруге бокал.

– Сервис тут на высшем уровне! – рассмеялся. Гюрза с наслаждением пригубила кумыс.

– Да-а, вот кого угодно ожидала встретить, но не тебя. Слыхала, ты в ведуны подался? – она посмотрела на малахитовый медальон, висевший на шее Темира. – Нелегкий выбор.

– Знаешь, мне просто в одну ночь опротивело притворяться, – следопыт отвел глаза. – Когда очередная самочка удивилась, почему я не предохраняюсь.

Гюрза прыснула со смеху.

– Могу себе представить...

– Ты можешь, тут без вопросов, – согласился Темир, и оба расхохотались. Помолчали, не сводя друг с друга глаз.

– А ты? – спросил, наконец, следопыт. – Когда мы виделись в последний раз, ты, помнится, решила отправиться в Дегелен. Ну, после той истории...

Гюрза криво усмехнулась.

– Я попала на шахты.

– Да-а- а...

– И обзавелась детьми...

– О!

– ...из которых выжил один, – тяжело добавила селевиния. Темир вздрогнул.

– Сочувствую, подруга.

– Спасибо, – Гюрза опустила голову. Вновь пригубила кумыс. – Сын сейчас в соседнем гостиничном номере, отсыпается. Неделька выдалась, скажу... – она бросила взгляд на робко сидевшего в углу Тумана – ...нет, пожалуй, при детях не скажу.

Темир невесело улыбнулся:

– Погоди, мы еще о наших приключениях не рассказали...

– Да! – вспомнила Гюрза. – Слушай, попрыгун, мне тут птичка на ухо напела, будто вы с мышонком беженцы? Каким образом вы сюда успели так быстро? Я выехала из Дегелена часа через три после обнаружения, и всю дорогу шла на пределе.

Темир прищурил глаза.

– А эта твоя птичка не уточнила, что катастрофа застала нас вовсе не в Дегелене?

Гюрза хлопнула себя по лбу:

– Я бревно.

– Ну... Внешне, да, похожа, – согласился следопыт, вызвав придушенный кашель Тумана-мышонок чудовищным усилием пытался удержать хохот. Селевиния усмехнулась.

– Ты не меняешься. Итак? Время у нас ограничено, Сай скоро проснется. Рассказывай!

Темир вкратце поведал о печальной экспедиции Эриха и последующих событиях. Гюрза слушала с нарастающим волнением. Когда следопыт добрался до встречи с птицей в пещере, селевиния вскочила:

– Саджа?! Ты сказал, там была саджа?!

– Угу. Провидица.

– С ума сойти... – Гюрза провела лапкой по лбу. – Я с ней тоже встречалась...

Настал ее черед рассказывать. Следопыт с громадным интересом выслушал повесть, опустил голову, крепко задумался.

– Выходит, саджа и к тебе прилетала.

– Блеклый Воин, мой хвост... – Гюрза пренебрежительно свернула ушки. –

Только не говори, что веришь в эту чушь о пророчествах!

– Верю, – спокойно отозвался Темир.

Они поглядели друг на друга.

– Стало быть, вот почему вы в Каскабулак-то заявились?

– Угу. А вы с сыном? – следопыт прищурил глаза.

Гюрза вздохнула.

– Тут, такое дело... – она поведала о рисунках и орле-телепате. Туман с волнением подбежал к дивану:

– Так это ваш сын?! Тот супер-мутант, которого искала летучая мышь из Европы?!

– Э-м– м-м... – селевиния почесала за ухом. – Орел упоминал, что Сая разыскивают многие...

Темир подался вперед:

– А он ничего не упоминал о подземельях?

– Каких еще подземельях?

– О которых говорила провидица, – в глазах Темира полыхнула странная искорка. Селевиния озадаченно почесала за другим ухом.

– Ну-у... Обычно, как слышишь «подземелье», сразу вспоминаешь Каскабулак.

Да только я не успела расспросить местных, что у них тут хранится.

Темир усмехнулся.

– Картина.

– Картина? – переспросила Гюрза.

– С единорогом.

Туман вздрогнул:

– Та самая, о которой ты рассказывал? – спросил с волнением. Следопыт кивнул.

– Та самая.

Гюрза в задумчивости поглядела на хвост.

– Вряд ли картина с единорогом-страшная тайна Каскабулака, о которой боялась упоминать Айжамал.

– Кто-кто?

– Да так, одна местная... – селевиния отмахнулась. – А ты сам видел картину? Чего в ней такого-то? Единорог?

Темир усмехнулся.

– Не знаю, чего в ней «такого». Знаю другое: когда стоишь перед картиной, ты просто понимаешь-это она глядит на тебя, а не наоборот.

Туман сглотнул:

– Портал... – прошептал, дрожа от волнения. – Врата в иной мир...

Следопыт рассмеялся.

– Все еще веришь, будто мы существуем лишь потому, что на нас не смотрит ни один единорог? – он весело подмигнул крохотному мышонку. Туман стушевался и хотел юркнуть в другую комнату, но Темир поймал его за хвост, затащил к себе на колени и энергично взъерошил пепельную шерстку.

– Не грусти, – шепнул ласково. – Мы еще найдем подходящий нам мир.

Внезапно посерьезнев, он с тоской обвел взглядом роскошный интерьер гостиничного номера.

– Я бродяга, – горько сказал Темир. – Машины, автоматы, люди... Все это не мое, и никогда моим не было, Туми. Я рожден, что б мчаться верхом на драконе над заснеженными долинами, размахивая мечом и крича от восторга. Я рожден водить караваны по Черным Лесам, взбираться на Пики Судьбы, искать сокровищницы колдунов, сокрытые в замках из горного хрусталя. Я рожден по ту сторону...

Мышонок, слушавший с открытым ртом, схватил Темира за лапку:

– Возьми меня с собой!!! – взмолился в отчаянии. – Пожалуйста! Пожалуйста, возьми с собой!!! Я просто не смогу жить, если останусь!!!

Следопыт тепло улыбнулся.

– Возьму, малыш. Наши судьбы не зря столь тесно переплелись.

Гюрза недоверчиво фыркнула:

– Куда возьмешь-то?! Тыкаться носом в картинку с лошадкой?!

– Саджа предсказала, герои найдут в подземельях спасение для всех! – воскликнул Туман.

– И не вернуться, – мрачно добавил Темир.

Они с селевинией переглянулись.

– Парни, вы пока даже не в курсе, куда ведет ваша картинка и ведет ли вообще, не в азрах, о чем пела та сумасшедшая птица и что за подземелья она имела в виду!

Какое время мечтать о других мирах, если собственный рушится на глазах?! – возмутилась Гюрза.

– А ты уверена, что это совпадение? – очень серьезно спросил Темир.

Селевиния яростно почесала за двумя ушами разом, но ответить не успела-у следопыта внезапно встала дыбом шерсть, он припал на все четыре лапы, напрягся, вытянул в струнку хвост. Туман, свалившийся с его колен на пол, от неожиданности вскрикнул.

– Опасность! – выдохнул Темир. Гюрза отпрянула всем телом:

– Здесь?!

Ответить ведун не успел – в дверь постучали. На пороге стояла Айжамал и, в лучах электрического света, белая мышь казалась даже белее обычного. От выражения на ее мордочке, селевиния мысленно застонала.

– Ну? – спросила она обреченно. – Что стряслось в этот раз?

Разведчица бросила на Гюрзу затравленный, беспомощный взгляд.

– Приближается вертолет... – выдавила в отчаянии.

Сплюнув, воительница хлестнула себя хвостом, рядом мгновенно возник Темир:

– Туман, присмотри за ребенком в соседнем номере... – процедил он сквозь зубы, не поворачивая головы. Гюрза схватила Айжамал за плечо:

– У вас есть зенитки? Большого калибра?

– Не поможет, очнись! – рявкнул Темир. – Военные вертушки держат пулеметный патрон!

– А ракеты?

Айжамал покачала головой:

– Мы никогда не строили оружия, способного противостоять людям. Это бессмысленно.

Гюрза застонала от бессилия. Темир в бешенстве ударил хвостом, оттолкнул Айжамал и бросился на улицу. Там стоял джип с двумя солдатами; следопыт просто вышвырнул их из машины, прыгнул на водительское сидение... И вздрогнул, увидев рядом Гюрзу:

– Дави на газ, – прорычала воительница. Стиснув зубы, Темир ударил по педали, бросив джип вперед с таким ускорением, что пассажиров прижало к сидениям.

– Есть план? – относительно спокойно спросила селевиния, цепляясь за поручни.

– Трос в рулевой винт.

– Потребуется большая, сильная птица...

– Мы едем на аистодром.

– Взлетающего аиста снимут пулеметом с километра. Атаковать надо с высоты,

– Гюрза прищурила глаза. – Мышь упоминала прототипы настоящих самолетов, которые здесь хранятся.

Темир криво усмехнулся, бросая машину в вираж.

– Ты еще и пилот?

– Если есть прототип, должен найтись и кто-то, на нем летавший!

Следопыт стиснул зубы.

– Попытаем счастья... – джип промчался по спиральному пандусу и резко затормозил у запертых городских ворот. Охранники в растерянности уставились на незваных гостей.

– Спецназ! – крикнула Гюрза, вырвав из поясной сумки жетон. – Открывайте!

– Без приказа не... – начал один, но Темир, выругавшись, просто вдавил газ.

Протаранив ворота, джип вырвался в степь.

– Лебедка! – крикнула Гюрза, стараясь не вылететь из дико мчащейся машины.

– Есть трос!

– Дело за птицей... – следопыт рванул рулевое колесо, машина пошла юзом и с грохотом врезалась боком в декоративную ограду аистодрома. На шум, из диспетчерской повыскакивали зверяне.

Темир махнул Гюрзе на вделанную в бампер автолебедку, и пока селевиния, ругаясь, разматывала сверхпрочный кевларовый тросик, подбежал к ошарашенному диспетчеру.

– Приближается человеческий боевой вертолет, если они долетят до Каскабулака, города не станет! Где вы храните прототипы самолетов?! Здесь есть кто-нибудь, умеющий их пилотировать?!

Диспетчер, совсем молоденький рыжий бельчонок, от страха моментально стал серым.

– Прототипы давно разобрали... – выдавил он, дрожа как вибростенд. – Их строили в девяностые...

– МАТЬ!!! – Темир в бешенстве подпрыгнул. – Тогда нужна птица, самая мощная и грузоподъемная, что у вас есть! Шевелись, ну!!!

– На базе ни одного аиста... – диспетчер сглотнул. – Только одноместные саджи да беспилотные воробьи.

Следопыт попятился и бросил отчаянный взгляд на Гюрзу. Та, сжимая и разжимая коготки, стояла рядом, у ее ног валялась наскоро смотанная бухта троса.

– Что делать?

– Не паниковать, – процедила Гюрза сквозь зубы. – Я была в Дегелене, когда они напали. Знаю тактику. Зависнут примерно вот там! – она показала, – Ударят по воротам ракетой, затем пустят осколочную вовнутрь. Очистив вход, произведут высадку огнемечиков.

Диспетчер пискнул и свалился без чувств. Темир скрипнул зубами.

– Огнеметы будут ранцевые? – спросил быстро.

Гюрза горько усмехнулась.

– В Дегелене были. После встречи со мной, полагаю, уже не будут.

Следопыт лихорадочно оглядел степь.

– Мины?

– Не успеем... Стоп!!! – Гюрза судорожно выдохнула. – Есть идея!!! – она схватила Темира за плечо. – В Дегелене люди точно знали, где искать ворота и куда стрелять. Они могли это выведать только у пленных! Надо сделать вид, что Каскабулак давно покинут! Разбить ворота, уничтожить маскировку, раскидать по степи обломки машин!

Следопыт с горечью покачал головой:

– Поздно.

Гюрза рывком обернулась. От горизонта, колышась в потоках нагретого воздуха, стремительно приближались зловещие черные силуэты. Рев моторов пока еще слышен не был, но одного взгляда на кошмарные, хищные формы, увешанные оружием широченные крылья и характерную пушку под кабиной, хватило селевинии, чтобы потерять равновесие и беспомощно опуститься на хвост.

– 24– ки, – выдохнула она, сама себе не веря. – Пять машин! Против нас?!..

Темир хрипло выдохнул.

– Они не станут приземляться. Отработают издали, вспашут здесь все метров на десять в глубину и зальют напалмом. Это конец...

Гюрза, издав свирепый рык, вскочила на ноги:

– НЕТ! Сая они не получают!!! Темир, за мной! – она бросилась к джипу. Следопыт задержался еще на секунду, чтобы обратиться к шокированным зверьям из диспетчерской:

– Берите птиц и мчитесь врассыпную! Это место будет уничтожено!!! – он подбежал к машине, едва успел залезть в кресло, как Гюрза вдавила педаль. Джип рванулся вперед.

– Ты ведь понимаешь, что мы уже не успеем забрать детей и отыскать птиц? – выдохнул Темир. – Вертолеты будут здесь через минуту, первый же взрыв погубит всех пернатых в радиусе сотен метров!

Селевиния лишь крепче схватилась за руль. Всю обратную дорогу, она не проронила ни звука, лишь иногда шумно выдыхала сквозь ноздри, если машину бросало особо жестоко.

Айжамал и несколько старших офицеров стояли у разбитых ворот. От выражения на мордочках Темира и Гюрзы, желание задавать вопросы у них пропало начисто.

– Звено двадцать-четверок, – глухо бросила селевиния, выпрыгнув из машины. – Десанта не будет. Просто разбомбят издали.

Белая мышь судорожно сглотнула.

– Нет... Нет, нет...

– Сколько зверья в крепости? – свирепо спросил Темир.

– Свыше семи сотен, – выдавила разведчица.

– Успеем вывести их всех по резервным туннелям?

– Нет никаких резервных туннелей... – Айжамал оглянулась. – Товарищ майор, прикажите задействовать план «Берлога».

Офицер, кусая губы, нехотя кивнул:

– Думаю, иного пути нет... – он выхватил рацию. – Красный код! Повторяю, красный код! «Берлоге» – добро! Повторяю, «Берлоге» – добро!

– Что за «Берлога»?! – Гюрза подбежала к белой мышке и рывком развернула ее за плечо. Айжамал горько опустила взгляд.

– Это план на случай полной катастрофы.

– Как он работает?!

Мышка судорожно вздохнула.

– Под крепостью есть штольня глубиной в полкилометра, с двенадцатью парами шлюзов и защитой от огня. Внутри-поглотители углекислоты с советской подлодки и оборудование для наркоза.

– Что-что?! – переспросил бледный Темир.

– Мы грызуны, – хмуро отозвался офицер. – Грызуны приспособлены к зимней спячке. Глубокий наркоз замедлит жизнедеятельность в десятки раз, потребление воздуха тоже. Мы пошлем сигнал бедствия, а сами впадем в спячку. Запасы кислорода в убежище рассчитаны на пять месяцев.

Потрясенный следопыт посмотрел на Гюрзу, та свирепо хлестала хвостом.

– А потом? Что потом?!

– Потом? – горько переспросила Айжамал. – Потом, если за пять месяцев нас не откопают, мы умрем, Гюрза. Тихо и без боли. Уснем. И будем видеть сны, быть может.

Бледный, как ночная рыба, Темир сглотнул.

– Я попытаю счастья в бою, – произнес твердо. Гюрза отрывисто кивнула:

– Я тоже!

– Тогда торопитесь, – Айжамал стиснула воительнице лапку. – Прости за все. И если... Если вдруг.... Если получится... Приведи помощь... – она всхлипнула.

– Идем с нами! – Гюрза схватила ее за плечо. Белая мышь вырвалась и отступила на шаг.

– Прости, – она судорожно дышала. – Я нужна здесь. Бежать мне не позволят.

– Что за чушь?! – взорвался Темир. – Кто не позволит?!

– Сердце, – тихо отозвалась мышка, коснувшись груди. – Прощайте.

Она обернулась и побежала догонять группу военных, шагавших по центру улицы. Уже выли сирены, повсюду открывались двери и окна, из домов выбегали перепуганные зверяне, матери прижимали к себе детей. Совсем, как год назад в Нэнэке-Улусе.

У Гюрзы помутилось в глазах.

– Нет... – прошептала она, медленно опускаясь на колени. – Нет, только не снова... Только не снова...

– Вставай, подруга, – дрожа, выдавил Темир. – Вставай. Теперь лишь от нас зависит, останутся ли они жить.

Воительница зажмурилась.

– Каскабулак разрушат. Все похоронят под тоннами камней. В чем смысл? Не лучше ли...

– НЕ ЛУЧШЕ!!! – рявкнул следопыт, тряхнув Гюрзу за плечо. – Приди в себя!!! Твой сын, помнишь? Мой Туман! Дети нуждаются в защитниках! Думай только о них, только о них, не смотри вокруг! Не смотри!

Гюрза со свирепым рыком впиалась когтями в камни и вскочила, судорожно втягивая воздух. Темир хлопнул ее по спине:

– Вот так, другое дело! За мной!

Они бросились к жилым кварталам. По улицам бежали десятки зверян, вой сирен ранил слух. Все стремились в одну сторону, к западной части крепости-очевидно, плану «Берлога» обучали каждого.

Вокруг караван-сарая суматохи уже не было, жители покинули окрестные дома. При виде трепещущего от страха Тумана, по-прежнему верно хранившего сон незнакомого ему Сая, у следопыта ёкнуло сердце. Схватив мышонка, он стиснул его в объятиях. Гюрза, тем временем, рванулась в номер и выскочила обратно с плачущим сыном на руках.

– Ты вернулся за мной? – дрожа, спросил Туман. В его темно-карих глазенках блестели слезы. – За мной? Но я... Я же... Бесполезный...

Темир стиснул зубы:

– Сейчас я из тебя щетку для обуви сделаю, живо пользы прибавится! А ну кончай молоть чепуху!

– Куда идти? – оборвала Гюрза. Ее трясло не слабее, чем ребенка.

– Не идти... – следопыт оглядел пустынную улицу, подбежал к брошенному пескоходу. Выбил стекло жестоким ударом, разбив пальцы в кровь.

– Скорее!

Подхватив Тумана, Гюрза бросилась к машине. В этот миг вдали раздался грохот, земля под ногами ощутимо подпрыгнула. Со свода посыпалась грязь. Не говоря ни слова, Темир прыгнул на сидение, завел мотор, Гюрза захлопнула дверцу:

– Двигай!!!

– Пристегнитесь... – пескоход с воем рванулся вперед. Тараня заборы и позабытые машины, перелетая канавы, внедорожник мчался к воротам крепости. Гюрза прижала к себе Сая, заглянула ему в глаза. Мышонок явно узнавал картины, выжженные в памяти после Нэнэке-Улуса.

– Малыш, твой орел, его до сих пор слышно? – затаив дыхание, спросила селевиния. Сай кивнул. – Скорее, маленький, передай ему, что мы гибнем! Пусть...

Слова потонули в чудовищном взрыве. Огромная часть свода над крепостью обрушилась, сотрясение почвы так подбросило пескоход, что тот перевернулся и заскользил на крыше, пока не врезался в дом. Зверян спасли ремни безопасности, но...

Единственный выход на поверхность исчез в облаках пламени. Ракета взорвалась прямо над ним.

Элджи приходил в себя очень медленно и трудно. Кружилась голова, тело ломило, болела каждая мышца. Несколько минут он беспомощно лежал на спине, глядя вверх и вдыхая вонявший нашатырем воздух. В памяти почему-то назойливо вращалась песня «Наутилуса» – «...В комнате с белым потолком, с правом на надежду... В комнате с видом на огни...»

– С верою в любовь, – с трудом разлепив губы, прошептал Элджи. Напрягая все силы, он повернул голову и встретил взгляд внимательных человеческих глаз.

Вначале ему показалось, что он все еще спит. Почти минуту черный мышонок, молча, смотрел на до боли знакомое лицо, не веря, ОТКАЗЫВАЯСЬ верить, что все происходит в действительности. Вот только реальному миру хвостом на нашу веру.

– Элджи, – медленно сказала Настя Тимофеева. – Что угодно могла ожидать, хоть второе пришествие, но не тебя.

Мышонок, судорожно сглотнув, напрягая волю заставил себя сесть. Протер глаза, несколько раз моргнул. Женщина, смотревшая на него сквозь сложные смарт-очки и прутья обычной птичьей клетки, заметно постарела и похудела, рыжие волосы были подстрижены ёжиком, на военный манер. Но это, вне сомнения, была та самая Настя, что когда-то, много лет назад, спасла пленного Элджи от жестокой смерти в институте академика Добронравова.

– Как? – беспомощно спросил черный мыш. – Как?!

Женщина покачала головой:

– Это я должна спрашивать. Откуда ты здесь взялся, в степях Казахстана? Разве ты не вернулся на остров вместе с экипажем подлодки?

Элджи дернулся.

– Откуда... Знаешь?..

– Я знаю все, – сухо ответила Настя. – После знакомства с Итаном.

– Итан! – воскликнул мышонок. Женщина кивнула:

– Он избавил меня от раздвоения личности, но, как помнишь, мышление-процесс не только электрический, но и химический. Память, однажды помещенную в мозг, стереть невозможно. Я детально помню все, что знал Итан. Всю его жизнь в клетке вместе с Кирой, их побег, и даже то, что Итан выудил из разумов ученых в лаборатории.

– Невероятно... – прошептал Элджи, широко раскрыв глаза. – Невероятно!

Настя криво усмехнулась:

– Вот так все просто, раз-два-три.

Мышонок дернулся. Надолго умолк, лихорадочно размышляя.

– Ты знаешь о сверхсекретной военной базе в Мурманске... – пробормотал он после паузы. – Итан не мог о ней слышать. Значит, ты сама продолжила изучать историю зверян и все глубже проникать в наши тайны?

– Это так странно? – с легкой насмешкой спросила Настя. Элджи медленно покачал головой.

– Нет... Нет, все логично. Я не мог подобного предвидеть, разумеется, но прекрасно тебя понимаю.

– Вот и ладушки, – сухо сказала женщина. – А теперь говори, каким перекрученным спятывшим образом ты оказался в радиоактивной игрушечной машинке посреди Дегеленских степей.

Элджи сглотнул. Встал на ноги, покачнувшись, оглядел салон «Тоёты». Внедорожник стоял на месте, в машине кроме Насти других людей не было-она сидела на переднем пассажирском сидении, держа клетку с мышонком на коленях. За ветровым стеклом была видна степь, залитая светодиодным огнем, и несколько солдат, стоявших по периметру с автоматами наперевес.

– Мы... С друзьями... Не успели на остров, – тихо сказал Элджи. – Мы были в море, когда сбросили бомбу. Там все погибли, Настя. Я лишился народа, так и не успев его даже увидеть.

Женщина нахмурила брови:

– Сочувствую.

– Экипаж подлодки решил основать колонию. Я стал одним из ее лидеров. Двенадцать лет мы жили, стараясь никому не мешать, пока однажды, несколько месяцев назад... – мышонок запнулся. – ...из взломанных военных баз, что продавались хакерами в даркнете... Мы узнали кое-что удивительное. Про Казахстан, – он обвел лапкой степь за окнами. – Мы узнали, что тут обитают разумные звери, не имевшие отношения к погибшей цивилизации с острова. Думаю, ты понимаешь, каким шоком явилось для нас это известие. Я отправился на разведку в новом самолете, но его сбили ракетой над не отмеченной на картах, закрытой для полетов территорией, и я безусловно погиб бы, если б местные жители меня не спасли.

Он развел лапками.

– Как раз в это время люди атаковали подземный город зверян, и в хаосе мне удалось похитить вездеход. Я ехал в Семипалатинск, чтобы найти рацию и сообщить домой о моей судьбе, но топливо кончилось раньше и пришлось затаиться на человеческой дороге, в надежде спрятаться в проезжающей машине и так добраться до города. Остальное ты знаешь, – мрачно сказал Элджи. – Надо мной, похоже, витает какая-то флюктуация, такого невезения просто не может возникнуть естественным путем. Ну вот прикинь вероятность, что посреди степи в Казахстане я встречу ТЕБЯ, да еще и с отрядом солдат, детекторами радиации и дронами?!

Настя фыркнула.

– Уж явно повыше, чем отправиться в безлюдную радиоактивную пустошь и найти там спасенную мною разумную МЫШЬ, исчезнувшую в океане двенадцать лет назад! – она покачала головой. – Какая игла в стоге сена, вы шутите?

Элджи вздрогнул.

– А каким образом ты оказалась в Дегеленских степях с подобным оснащением? – спросил он напряженно. – Настя, ты здесь, чтобы ловить зверян?

Рыжеволосая помолчала, затем кивнула.

– Да.

– Зачем?!

– Нас наняли с целью доказать ваше существование, Элджи, – мрачно ответила Настя. – Когда на остров сбросили бомбу, был уничтожен авианосец с семьей сотнями моряков и ученых. США попытались это замять, но не все родственники погибших...

И родители... Поверили. Человек, у которого на борту авианосца заживо сгорели четверо сыновей, нанял меня и журналиста Ивана Кулибина отыскать доказательства, что людей с корабля сознательно не стали эвакуировать.

– Кулибин! – воскликнул Элджи. – Он тоже здесь?!

– Не прямо тут, но да, – кивнула Настя. – Ив сейчас в Семипалатинске, наводит справки о местных жителях, видевших разумных зверей.

– С ума сойти... – прошептал мышонок. – Еще немного, и я начну верить в судьбу... – Он вскочил. – Настя, я хочу того же! Люди недавно начали истребление зверян на полигоне, уничтожили их главный город, на выживших объявлена охота! Мы должны рассказать всему миру, что здесь происходит, только давление общества способно остановить геноцид!

Рыжеволосая женщина, слабо улыбнувшись, открыла дверцу клетки и протянула ладонь:

– Что ж, вылазь.

Мышонок, помедлив, осторожно взобрался на ее руку. Настя пересадила его на плечо и бросила клетку на задние сидения.

– Не станешь ведь убежать? – спросила с легкой насмешкой. – Насколько мне помнится, тесты на интеллект ты сдал блестяще.

Элджи в волнении размахивал хвостиком.

– Это чудо, наша встреча просто чудо! Я был в отчаянии, не зная, как помочь местным, и внезапно встретил тебя, преследующую те же цели! Это чудо!

– Рада помочь другу, – усмехнулась женщина и, совершенно неожиданно, спросила: – На каком языке вы говорили по радио?

Элджи оцепенел и квадратными глазами уставился на Настю.

– Ч-ч– что?..

– Несколько часов назад ты провел сеанс дальней связи. Мы как раз ехали к запеленгованной точке, но обнаружили следы радиации, не доезжая километров десять... – рыжеволосая слабо улыбнулась. – Элджи, если ты не заметил, я слегка изменилась за минувшие годы.

Мышонок судорожно перевел дух.

– Я... Я...

– Достаточно умен, чтобы не играть в дурачка? – Настя прищурила глаза.

Элджи сглотнул.

– Да... Да, прости. Отпираться глупо, – он опустил голову. – Это наследие с острова. Я выучил язык от других колонистов.

– Голосок из рации был более тонким, – рыжеволосая легонько нахмурилась. – Подруга?

Элджи кивнул.

– Мать моих детей. Ее зовут Орби.

– Ого, ты не терял времени! – Настя улыбнулась. – У профессора случился бы удар.

– Добронравов? – черный мыш вздрогнул. – Ох, он ведь из группы КС и тоже не стареет... Где он?

Женщина криво усмехнулась.

– Переехал в США, не совсем добровольно. ЦРУ отказалось его вернуть, и несколько лет назад следы затерялись. Явно начал работу на военных.

– Еще бы его согласились возвращать... – Элджи поёжился. – О таком подарке любая разведка и мечтать боится.

– Само собой, – кивнула Настя. Помедлив, внезапно спросила другим тоном:

– Ты давно прятался тут, на дереве? Не видел, случаем, военные вертолеты?

Элджи оцепенел.

– Видел, – ответил он напряженно. – Пятерку Ми-24, они пролетели вдали, мимо гор, и через пару часов-обратно, километрах в пяти-шести отсюда.

Рыжеволосая помрачнела:

– Значит, мы опоздали... – она опустила стекло двери и крикнула по-английски: – Скорее по машинам, продолжаем путь!

– Опоздали куда? – с замиранием сердца спросил черный мыш. Женщина застегнула ремень безопасности:

– Похоже, еще одному звериному городу пришел конец, – пробормотала она мрачно.

Глава 10

Бомба взорвалась прямо над воротами. Единственный выход на поверхность исчез в облаках пламени.

Гюрза первой выползла из-под перевернутого пескохода. Земля тряслась, высотные прожекторы гасли один за другим-в Каскабулаке стремительно темнело, вскоре гибнущий город должен был погрузиться в вечный мрак. Пылающие вдали здания озаряли мостовую красными мерцающими всполохами.

Селевиния, кашляя от стоявшей в воздухе густой пыли, вырвала дверцу машины и помогла выбраться детям. С другой стороны, из разбитого окна выполз Темир, его шерстка из желтой превратилась в грязно-коричневую. Проведя по глазам лапкой, чтобы стряхнуть кровь, следопыт подбежал к друзьям.

– Все живы?

– А смысл... – выдохнула Гюрза. Ее трясло. Бросив взгляд на пылающий ад впереди, Темир молча развел лапками и сел прямо в грязь.

– Мы пытались, – сказал после паузы. – Мы снизошли в подземелья и не верну... – он застыл. – О, светлое небо! Гюрза!!!

Воительница подняла на друга взгляд. Темир дрожал всем телом.

– Я не чувствую опасность... – прошептал он, не веря собственным словам. – Гюрза, я не чувствую опасность!!!

Селевиния моргнула.

– Что?..

– Сюда! – рявкнул Темир. Бросив Тумана на землю, он упал сверху, прикрыв мышонка своим телом. – Скорее!

Начиная догадываться, Гюрза подбежала и усадила Сая рядом с Туманом, а сама свернулась вокруг. Темир передвинулся, навалился сверху, расставил лапки как можно шире, закрывая собою друзей.

– Не шевелитесь! – выдохнул он.

Гюрза, дрожа, бросила на ведуна затравленный взгляд:

– А если...

Земля вновь подпрыгнула, наверху продолжалась бомбежка. Ближайший высотный прожектор с оглушительным звоном разлетелся вдребезги, и тьма сразу навалилась на зверян. Теперь, почти весь свет исходил от пожаров.

– Туман, не смотри вокруг, смотри только на меня, – слегка дрожащим голосом приказал Темир. – Слышишь?

Мышонок от страха не мог говорить и только судорожно кивнул. Сай плакал, уткнувшись лицом в материнскую шерсть.

Новый взрыв прогремел почти над головами. Свод обрушился, его гигантские обломки рухнули на скромные домики вниз, заставив землю подпрыгнуть. Душная пыль заволокла жуткие картины разрушения.

Удары следовали один за другим, страшные вспышки ракет озаряли тьму. Темир, Гюрза и дети, полузасыпанные землей и бетонной крошкой, задыхались в дыму, но удивительное чутье ведуна не подвело-камни и волны огня их миновали. Когда вертолеты отстрелялись, на месте бывшего города остался изрытый воронками, пылающий кратер.

Боевые машины дали несколько кругов над пожарищем, десантники бросали с высоты гранаты в подозрительные места. Вскоре боезапас у людей исчерпался, и пять смертоносных аппаратов, один за другим, с сокрушительным ревом двигателей легли на обратный курс. Столб черного дыма над уничтоженным городом вздымался к небу зловещим предостережением для всякого, смеющего усомниться в могуществе человека.

Постепенно гром моторов затих вдаль, исчезли ритмичные удары винтов. Тишину в мертвой степи нарушало лишь потрескивание огня. Прошел час, и из-под груды обломков, судорожно глотая воздух, выполз Темир.

Кашляя, отплеываясь от пыли, упал на колени. Напрягая силы, заставил себя встать, помог выбраться Гюрзе и Туману. Селевиния судорожно прижимала к груди рыдающего Сая.

Всех четверых густой коркой покрывала грязь, кровь и бетонная пыль. Темир и Гюрза свалились бездвижно; Туман, шатаясь, сел рядом и принялся утешать Сая. Несколько минут ни у кого не было сил даже заговорить.

Первым, молчание прервал крохотный мышонок:

– Спасибо, Темир, – шепнул он дрожащим голосом. – Я... Я... Не знаю, что сказать...

Следопыт со стоном перевернулся на спину.

– Щетка для обуви нелепая, вот ты кто... – выдавил он, морщась от боли в избитом теле. Туман счастливо улыбнулся и обнял друга за шею. Губы воина тронула слабая улыбка.

– Гюрза-а... – позвал он хрипло. – Как вы там?

Селевиния страшным усилием воли заставила себя сесть. Сай зарылся лицом в ее шерсть и даже перестал плакать.

– Сказала бы, что бывало и хуже, но... Не бывало, – выдавила Гюрза.

– Мы живы! – воскликнул Туман.

Темир приподнялся на локте и окинул взглядом пылающие руины города. Гюрза и Туман невольно притихли; подавленные, все с трудом встали на ноги.

– Я клянусь отомстить, – дрожа от ярости, прошептала воительница. – Именем всех, кто погиб от рук людей, именем всех детей, не успевших увидеть мир, именем каждого, утратившего родных и близких. Я отомщу.

– Мы отомстим, – эхом отозвался Темир, и Гюрза бросила на него горящий взгляд. – Да, подруга. Мы отомстим, – процедил следопыт сквозь зубы.

Туман робко поднял взгляд на старших товарищей:

– Думаете, кто-нибудь спасся? – спросил тихо. Темир вздрогнул.

– Проект «Берлога»! – воскликнул он. – Их надо выпустить!

Гюрза с болью покачала головой:

– Очнись, – она обвела лапкой руины. – Тут и сотне экскаваторов не справиться.

Следопыт закусил губу.

– Пять месяцев...

– Да. У них пять месяцев.

– Значит, и у нас, – глухо произнес воин. Гюрза на миг запнулась, но кивнула.

Они еще несколько минут молчали, глядя на пожарище. Туман невольно жался к ногам Темира, тот механически гладил мышонка по голове. Сай на руках у матери тихонько всхлипывал.

– Надо найти воду, – тяжело произнес, наконец, Темир. – Гюрза, поищи канистры с кумысом. Туман, беги на аистодром, там в поилках для птиц могло остаться немножко... Я попробую отыскать машину. Здесь оставаться нельзя, люди скоро вернуться с грузом крысиного яда.

Туман сильно вздрогнул, Гюрза скрипнула зубами. Не говоря больше ни слова, зверяне разбегались в разные стороны.

Повезло только Туману-он вскоре вернулся с бутылкой мутной воды. Ни канистру кумыса, ни уцелевший автомобиль найти не удалось. Все четверо жадно напились.

– Куда теперь? – спросила Гюрза, протирая мордочку Саю. Темир хмуро оглядел степь.

– Путь у нас лишь один-вдоль ручья Тундык, прочь от Каскабулака.

– А что потом? – Гюрза мрачно помахивала хвостом.

– Понятно, что... – буркнул Темир. – Найти убежище, собрать отряд для спасения замурованных тут зверян... Выживать, подруга. Выживать. Других занятий у нас вскоре не останется.

Туман вскинулся:

– Вернемся со мной в Европу! У Эриха большая нора... Была, – сказал он с запинкой. – Его наследники наверняка разрешат нам там жить. Какое-то время...

Темир криво усмехнулся.

– Нет уж, спасибо малыш.

– А как же пророчество, орел-телепат и все прочее? – тихо спросила Гюрза. – Каскабулак уничтожен, но есть ведь и другие города. С нами еще не покончено, Темир!

Сай, услышав про орла, встрепнулся и принялся чертить в воздухе знаки. Гюрза с огромной болью прижала ребенка к груди:

– Карандаш? – мышонок жестами просил блокнот. – Малыш... Милый... Нету карандаша. Прости.

Сай поник и опустил голову. Темир тяжело вздохнул.

– Туман, на аистодроме кто-нибудь уцелел? Ангары разрушены?

Мышонок развел лапками:

– Там никого не было, ни птиц, ни зверян. Но и воронок от взрывов я не заметил.

Следопыт шагнул вперед:

– За мной, – приказал он. – Киран, на котором мы прилетели, мог выжить в ангаре.

Они двинулись в путь, израненные и ослабевшие. Притих даже неутомный Туман. Первым шел Темир, за ним семенил мышонок. Замыкала Гюрза с ребенком на руках.

Аистодром, на вид, почти не пострадал-с воздуха он выглядел обычной лужайкой, поэтому не вызвал у людей подозрения. В траве лежало несколько мертвых

воробьев, капли крови до сих пор сочились из их клювов и глаз; взрывные волны. Более крупных птиц, как и уцелевших зверян, видно не было.

Туман первым подбежал к ангару, спрятанному в колючем кусте. Попытался открыть тяжелую дверь, замаскированную пучками травы, смущенно оглянулся на Темира. Вдвоем, они откатали створку по густо смазанным рельсам.

Несчастный киран, доставивший всех по воздуху, лежал на спине, беспомощно раскинув крылья. Из его огромных ушей лилась кровь, образовав на полу две лужицы. Темир, Туман и Гюрза какое-то время молча смотрели на мертвого зверя.

Сай начал всхлипывать, мать поспешно прижала его груди, спрятав мордочку в шерсти. Все тихо вышли из ангара, не став затворять дверь.

– Туми, поищи припасы, – глухо сказал Темир. – Зерно для нас с тобой, сушеных насекомых для Гюрзы и Сая. Птичий корм тоже сойдет.

– Уже! – юркий мышонок сорвался с места и унесся к другим спрятанным в кустах строениям. Следопыт и воительница устало опустили в траву.

Несколько минут никто не нарушал молчания, лишь Гюрза успокаивающе шептала что-то ребенку. Тумана видно не было. Опустошенный, Темир смотрел в землю, его потихоньку начинало трясти-последствия выплеска адреналина. Один взгляд на Гюрзу дал понять, что и с ней происходит то же.

– Будем держаться вместе? – спросил Темир. Селевиния оглянулась:

– Конечно...

– Я не подамся в бега, пока не откопают местных, – следопыт стиснул зубы. – Со мной будет опасно.

– Опасно, с тобой? – усмехнулась селевиния. Ведун покачал головой:

– Мой дар не панацея. Он только меня самого защищает, да и то, не... – Темир запнулся, – ...Сай?

Белый мышонок смотрел в небо. Проследив его взгляд, взрослые вскочили, но поздно; с висевшего на большой высоте, массивного дрона, выстрелили сетью.

Темир и Гюрза одновременно, в отчаянном прыжке рванулись в стороны, но диаметр сети составлял несколько метров, и они просто не успели. Мягкие, удивительно прочные волокна из материала, похожего на стеклоткань, были пропитаны синим пахучим составом, и первый же вдох заставил маленького Сая застыть неподвижно. Гюрза страшно закричала.

– Не дыши! – рявкнул Темир, борясь с головокружением и, бешено, царапая сеть когтями ног. Селевиния опомнилась слишком поздно, отравы уже успела проникнуть в ее организм; чувствуя, как отключается разум, Гюрза последним могучим усилием сумела приподнять сеть и подползти к Саю. Дальше сопротивляться необычайно мощному транквилизатору не могла даже она, и воительница со стоном упала рядом с сыном, скрючившись в последней конвульсии.

Темир задержал дыхание сразу, как только почувствовал исходивший от волокон запах, и сознание пока не потерял. Сквозь наркотическую пелену, он видел, как из-за куста выскочил перепуганный Туман и застыл в оцепенении. Напрягая силы, Темир зажал лапой ноздри и крикнул мышонку:

– Задержи дыхание! Спаси ребенка!!!

Дварг опомнился. Судорожно пискнув, он прижал лапку к носу и бросился вперед. Легко протаскивая крохотное тельце Сая сквозь ячейку сети, Туман взвалил его на спину и отбежал в сторону. Темир счастливо улыбнулся.

– Беги, спрячь малыша! – крикнул он из последних сил. – Не думай о нас! Найди орла-телепата, пусть... – следопыт закашлялся, растратив на крик весь воздух из легких, инстинктивно вдохнул и с тонким писком упал без сознания. Туман в отчаянии протянул к нему лапки:

– Темир! – беспомощно всхлипнул мышонок, но друг не ответил. Дрожа от страха и волнения, Туман подхватил бесчувственного Сая и бросился прочь.

Петляя в траве, спотыкаясь и чудом не падая, он бежал, находясь на грани безумия, пока страшная, ядовитая сеть, пленившая друзей, не осталась далеко позади. Рухнул в жухлый травяной холмик под колючим кустом, бережно уложил Сая. Всклипывая, дрожа, полез было на куст, но чье-то сильное фиолетовое крыло вдруг закутало плачущего мышонка в теплый плен и прижало к пушистой груди.

– Ни звука! – шепнул знакомый голос.

Туман беспомощно пискнул:

– Инга!

– Цепляйся за шерсть, скорее... – прошептала летучая мышь. Коготками она бережно подняла тельце Сая. Не размышляя, на инстинктах, Туман уцепился за спасительницу, и та рванулась прочь, держась над самой землей. Лишь отлетев метров на пятьсот, Инга слегка набрала высоту.

Летели они долго, так что черный столб дыма над разрушенным городом остался на горизонте. Когда впереди заблестела водная гладь, Инга спланировала на берег и ласково посадила спасенных мышат на песок.

Сай был до сих пор без сознания, а Тумана так потрясло все произошедшее, что он и сам находился на грани обморока. Летучая мышь поспешно зачерпнула крылом из ручья чистую, прохладную воду и поднесла к мордочке дварга.

– Пей, малыш.

Туман не реагировал. Инга бережно ткнула его носиком в воду, дождалась, пока мышонок придет в себя. Жадно напившись, Туман поднял на спасительницу маленькие глазки, полные слез.

– Я... – его трясло. – Я...

– Ты вел себя, как герой, – очень серьезно сказала Инга. – Спас ребенка. Ты смел и отважен, малыш. Эрих бы тобою гордился.

Туман дернулся, и его прорвало. Уткнувшись мордочкой в теплую шерсть летучей мышки, он разрыдался, судорожно вцепившись Инге в лапу. Та с огромным состраданием погладила мышонка по голове.

– Поплачь, поплачь... – шепнула она, сама с трудом сдерживая слезы. – Легче станет...

Несколько минут прошли в тишине, лишь всхлипывал Туман. Наконец, страшным усилием взяв себя в лапки, дварг выпустил шерсть Инги и поднял глаза.

– Спасибо... – выдавил хрипло.

– Нечего детям в этих жутких краях делать, – тяжело сказала летучая мышь. Туман, содрогнувшись, подбежал к Саю и упал на колени, припав ухом к его груди.

– Живой, живой, – успокоила Инга. – Я слышу сердечко.

– А как же остальные? – Туман рывком обернулся. – Надо за ними вернуться!

– Их взяли в плен живыми, – вздохнула летунья. – Улетая, я видела целую колонну человеческих машин, мчавшихся к пожарищу. Прости, малыш. Освободить друзей сейчас нам попросту не по силам.

Туман дернулся.

– Но как же...

– Благодарю судьбу, что остался жив и даже спас ребенка, – очень серьезно сказала летучая мышь. – Мы родились в мире людей, Туман. Наши жизни хрупки и скоротечны, как бабочки-однодневки.

Она перевела взгляд на бесчувственного Сая.

– Ради него я летела сюда из Европы. Этот малыш совершит много великих дел, принесет зверьям море добра. И все благодаря тебе, юный мышонок.

Туман закрыл лицо лапками.

– Мы не можем их бросить! – простонал с болью. – Темир никогда бы не бросил!

Инга прищурила глаза.

– Спроси себя, что бы сейчас сказал Темир?

Дварг сжался в пушистый комочек.

– Он уже, – выдавил с трудом. – Темир приказал не думать о них и спасти ребенка...

Инга протянула широкое теплое крыло и нежно потрепала Тумана по шерстке.

– Да, малыш, так становятся взрослыми, – ответила горько.

Притянув мышонка к груди, она на долгую минуту умолкла.

– Ночью я попробую подлететь к человеческой колонне и узнать судьбу пленников, – сказала Инга после долгой паузы. – Вряд ли получится их спасти, но попытаться мы должны. Согласен?

Туман судорожно, часто-часто закивал. Летунья заставила себя улыбнуться.

– Умница. А сейчас давай займемся ребенком. Как его зовут?

– Сай...

– Ты совсем не удивился, когда я сказала, что он цель моих поисков, – заметила Инга. – Как узнал?

Туман сбивчиво, всхлипывая, рассказал, что произошло после расставания у пещеры. Услышав об орле-телепате, летунья широко раскрыла глаза.

– Он мысленно говорил с малышом? Обучил его команде, укротившей кирана?!

– Так сказала Гюрза, – кивнул Туман. Пораженная Инга невольно накрыла крылом голову.

– Удивительно! Не знала, что в мире есть столь могущественные телепаты. И он считал, сила Сая превосходит его собственную?!

– Гюрза рассказывала, орел назвал Сая сильнейшим телепатом в мире, и сказал «он найдет» – мышонок с волнением поднял взгляд. – А что найдет? Ты знаешь?

Инга вздрогнула.

– Нет. Хотя догадываюсь... – она бережно подняла спящего ребенка с песка и уложила себе на крыло. – Транквилизатор попал в его организм с дыханием, вряд ли он успел получить большую дозу. Подождем, пока очнется.

– Может, водой побрызгать? – предложил Туман. Инга улыбнулась:

– Попробуй.

Мышонок сбегал к ручью и вернулся насквозь пропитанный влагой. Шумно отряхнулся, обдав и Сая, и летунью облаком брызг. Пока Инга умывалась, Туман пытался привести в себя крохотного мышонка, и у него получилось-Сай открыл глазки. Дварг прижал его к груди:

– Очнулся!

Белого мышонка качало от слабости, он едва сохранял сознание. Прошло несколько минут, прежде чем Сай достаточно отошел от последствий отравления и принялся озираться. Бросил на Тумана испуганный взгляд.

– Мамы здесь нет, но она в порядке! – поспешно сказал дварг. – Сай, мы с этой доброй летучей мышкой спасли тебя от людей. Гюрзе... пришлось задержаться, некоторое время ты побудешь с нами, хорошо?

Мышонок растеряно посмотрел на фиолетовую крылатку. Та улыбнулась и игриво склонила голову набок:

– Я Ингрид, для друзей Инга! – представилась весело. – Как себя чувствуешь?

– Эм-м– м... – Туман бросил на летунью виноватый взгляд. – Забыл предупредить... Сай не говорит, хотя все понимает.

– Оу, – Инга на миг растерялась, но быстро опомнилась. – Прости, малыш, я не знала. Можно, я задам несколько вопросов, а ты отвечай «да» или «нет»?

Белый мышонок неуверенно кивнул. Летунья глубоко вдохнула.

– Ты видишь мою ауру? – спросила негромко. – Будто не-свет, исходящий от меня во все стороны?

Кивок. Инга радостно улыбнулась.

– Умница! Сам-то ты пылаешь, будто огромный светлячок... – но тут летунья вспомнила, как наелась радиоактивных жуков. Поперхнулась, нервно почесала за ухом крыльевым коготком.

– ...а-а– а, лучше продолжим. Ты до сих пор чувствуешь мысли того орла?

Сай нахмурился и закрыл глазки, будто прислушиваясь. Некоторое время сидел неподвижно, лишь иногда подергивая ушками. Внезапно встрепенулся, закивал, его губы расплылись в улыбке. Летучая мышка бросила на Тумана напряженный взгляд.

– Сай, – сказала она после запинки. – Я знаю, такого ты раньше не делал, но... Помнишь, орел научил тебя, как передать мысленную команду большому кирану?

Мышонок кивнул. Инга глубоко вдохнула.

– Пожалуйста, спроси орла, может ли он соединить нас напрямую через тебя? Чтобы я слышала его голос, а он мой?

Сай несколько секунд молчал, затем неуверенно кивнул и протянул летунье лапку. Туман попятился:

– Инга?

– Охраняй нас, пока я буду в трансе, – приказала та и, бесстрашно, взяла ладошку Сая крыльевым пальцем.

Когда Гюрза пришла в себя, Темир уже был в сознании. Селивиния несколько секунд лежала на спине, затем вскрикнула «Сай!» и попыталась вскочить, но следопыт схватил ее за плечи:

– Сай в безопасности! – прошипел прямо в ухо. – Его спас Туман, люди их не нашли!

Селивиния лихорадочно дрожала всем телом, бешено озиралась. Прошло немало времени, прежде чем слова Темира проникли в ее трепещущее сознание. Судорожно выдохнув, Гюрза обмякла и, беспомощно, повисла на руках друга. Впрочем, быстро опомнилась.

– Где мы? – шепнула, разглядывая непрозрачный бокс из белого пластика, на дне которого, лишенном даже простейшей подстилки, сидели они с Темиром.

– В машине, – мрачно отозвался воин. – Но никуда не едем, по крайней мере, с тех пор как я в сознании.

Гюрза, качнувшись, встала на ноги и подошла к стенке бокса. Приникла ухом, несколько секунд слушала.

– Говорят на английском... – прошептала, метнув на Темира горящий взгляд.

Тот удивленно подался вперед:

– Владеешь человеческим языком?

– Тремя...

– Откуда?!

– Опыт, – буркнула Гюрза. Принюхалась, провела коготком по пластику. – Поликарбонат. Легко прогрызть.

Темир хмуро кивнул:

– Понимаешь, что это значит?

– За нами скоро придут... – пробормотала селевиния. Лихорадочно огляделась.

– Есть план?

– Ориентируемся по обстановке, никаких глупостей! – тревожно предупредил Темир. – Пока не увидим верный шанс, не давай людям и намека на наши способности!

– Кого учишь... – фыркнула Гюрза. Вернувшись к центру бокса, она распушилась в шар и улеглась на бок, став необычайно похожей на толстую морскую свинку. – Прими безопасный вид.

Темир нахмурился, но внял совету и сел на пол, поджав лапки и распушив шерсть. Некоторое время оба молчали.

– Почему ты не ощутил опасность? – вполголоса спросила Гюрза, не меняя позы. Следопыт метнул в ее сторону гневный взгляд:

– Потому что мы живы, да? – он стиснул зубы. – Сколько раз повторять, я чувю лишь собственную гибель. Даже если мне отсекут хвост и все лапы, но я выживу, это не... – он запнулся. Пластиковый бокс сильно трянуло; невидимый за белыми стенками человек взял клетку в руки.

– Ну, держись... – успел шепнуть Темир, прежде чем бокс поставили на возвышение и откинули всю верхнюю половину.

Щурясь от яркого света, пленники принялись озираться. Бокс стоял на раскладном столике внутри большой желто-оранжевой палатки, явно разбитой на скорую руку. Вокруг стола была собрана клетка из мелкочаистой черной сетки на

алюминиевой раме, под потолком висел светодиодный фонарь, заливавший все светом. Людей в палатке не было.

Зато был кое-кто другой... Гюрза ощутила, как у нее будто вырвали пол из-под лап. Вскрикнув, она выпрыгнула из бокса и вцепилась когтями в сетку:

– Ты!!! – прорычала в ярости.

Рядом с клеткой стоял раскладной брезентовый стул, поперек которого лежал закрытый ноутбук. На крышке ноутбука, на одном уровне с Гюрзой, всего лишь сантиметрах в пятидесяти от взбешенной селевинии, стоял хорошо знакомый ей черный мышонок.

– Вам не причинят вреда, – сказал Элджи с нажимом. – Гюрза, пожалуйста, успокойся и выслушай. Люди, которые нас поймали, отличаются от знакомых тебе чудовищ. Эти хотят того же, чего и мы-спасти всех зверян.

Селевиния, хрипло дыша, смерила мышонка таким взглядом, что будь у нее вместо глаз лазеры, они бы сейчас прожгли планету насквозь.

– Предатель! – выдохнула Гюрза. Элджи покачал головой.

– Наоборот, – ответил он твердо.

Гюрза захлебнулась. Чувствуя, как от гнева в душе поднимается знакомая черная волна, она из-за всех сил впиалась когтями в решетку, отчаянно пытаясь совладать с безумием. Нет, сейчас нельзя, не сейчас... Так нельзя... Надо держаться... Успокоиться...

Сильные лапки Темира легли на ее плечи, заставив дернуться.

– Сай, – шепнул друг. – Просто думай о Сае.

Это помогло-мутная волна ярости отступила, оставив лишь головокружение да кровь на деснах. Судорожно переведя дух, Гюрза заставила себя поднять взгляд.

– Ты видел, что дымится там, снаружи?.. – спросила дрожащим от бешенства голосом. – Видел пепелище? Утром, это был мирный городок, где жили сотни никому не мешавших крохотных существ. Детей. Стариков. Беременных самок. Их уничтожили просто за то, что люди, твои новые приятели, возомнили планету своей собственностью. Сотни невинных детей сгорели сегодня заживо, лишь потому, что родились не людьми! И ты смеешь... СМЕЕШЬ... На них работать?! – прорычала Гюрза хрипло.

Элджи нахмурился, помолчал. Темир, что стоял рядом с селевинией, не понимал языка, но тоже смотрел на него осуждающе.

– Я знаю, что ты чувствуешь, – ответил черный мыш после долгой паузы. – Я чувствую то же самое. Гнев. Ненависть. Горечь. Гнев на тварей, несущих смерть. Ненависть к убийцам. Горечь об убитых. Только они мне не приятели, Гюрза, – Элджи шагнул вперед. – Они предатели. Предатели всего, что делает людей разумными существами, предатели всего, что дорого настоящему человеку.

– Настоящему человеку? – прорычала Гюрза. Мышонок остановился лишь в нескольких шагах от ее когтей:

– Просто выслушай! – взмолился Элджи. – Это очень важно!

Селевиния смотрела на черного мыша с яростью.

– Ты бросил нас на смерть, похитив машину, – сказала она, тяжело дыша и стараясь справиться с эмоциями. – Если б не чудесное стечение обстоятельств, мы с Саем до сих пор брели бы по степи, умирая от жажды, и стали бы завтраком первого встречного хищника. А теперь ты хочешь говорить, человеческий прихвостень?

– Я был вашим пленником, – твердо ответил Элджи. – Мои друзья находились в смертельной опасности. Да, я совершил зло, угнав машину. Но ты на моем месте поступила бы так же, и вряд ли оставила бы врагам гору припасов, воды и канистры с кумысом.

Он указал лапкой наружу.

– Ваш пескоход лежит в багажнике, если решишь уйти, получишь его обратно, заправленным и целым. Только выслушай!

Темир поглядывал то на мышонка, то на селевинию, и молча ждал пока ему переведут разговор. Воительница недоверчиво склонила голову набок:

– Если... решу уйти? – переспросила она после паузы.

Элджи кивнул.

– Да. Тут никого не держат против воли. Понимаешь? Для этих людей, мы-не говорящие звери. Мы равные им разумные существа. Все разумные равны, кроме тварей, сжигающих города.

Гюрза отпрянула и надолго замолчала.

– Вы отпустите нас и вернете машину? – спросила она наконец. – Если выслушаем?

– Да!

Воительница сузила глаза до тоненьких щелок:

– Договорились! – бросила она, тяжело дыша.

Элджи помахал лапкой кому-то за пологом палатки. Вошли двое солдат в голубых касках с прозрачными забралами на все лицо. Нервно переглядываясь, люди отсоединили алюминиевые панели клетки друг от друга, сложили у стены палатки и вновь вышли, задернув полог. Гюрза, Темир и Элджи остались друг против друга, разделенные только воздухом.

– Можешь разорвать меня пополам легким движением лапы, – сказал мышонок, глубоко дыша. – Я слаб и не способен оказать отпор. Все, что у меня есть-разум, совесть и истина. Все, о чем я молю-выслушать.

Гюрза сделала шаг вперед, глядя на Элджи горящими глазами. Тот слегка сжался, но взгляд выдержал и с места не двинулся.

– Ганди бы тобою гордился, – наконец, процедила селевиния сквозь зубы. – Говори коротко, мне еще сына искать.

Элджи судорожно перевел дух и покачнулся, едва не утратив силы стоять. Провел лапкой по лицу, собирая волю в кулак.

– Спасибо, – сказал негромко. – Буду краток. Двенадцать лет назад, в Зеленограде, меня изловили люди и отправили в секретный институт для опытов. Женщина по имени Настя Тимофеева заведовала там лабораторией. Увидев меня и поняв, что звери бывают разумны, она, не задумываясь, пожертвовала и работой, и всей будущей карьерой, но спасла меня от жестокой смерти и отпустила на волю. За это ее арестовали и сделали наживкой в надежде снова меня изловить. Позже, Насте пришлось бежать из страны от преследования ФСБ-и все потому, что она спасла говорящего мышонка! – с чувством сказал Элджи. – Я натерпелся от людей в тысячу раз больше, чем ты, Гюрза. На остров, где обитал мой народ, много МИЛЛИОНОВ невинных зверян – сбросили водородную бомбу. Каждый день, каждый час моей жизни я скрывался, рисковал и чудом избегал смерти в человеческих руках. Как считаешь, у меня мало поводов их ненавидеть?

– К чему болтовня? – глухо спросила Гюрза. – Ты сделал выбор. Предал своих.

– НЕТ! – прорычал Элджи. – Я, сейчас, служу главному делу своей жизни-борюсь за будущее зверян. Это смысл моего существования, я таким родился. Включи мозги! – бросил он яростно. – Сейчас ты получишь пескоход и умчишься. Что будет дальше?! А? Продолжишь пресмыкаться на задворках человеческой цивилизации? Воровать у них пищу, дрожать от каждого шороха? Такой ты видишь свою гордость? Такого будущего хочешь для Сая?!

Гюрза расшвирепела:

– А что ты предлагаешь, жалкий приспособленец?! Идти к людям на службу?!

Покорно исполнять приказы тех, кто убил четверых моих детей?!

– Нет, – гневно ответил Эджи. – Я предлагаю отправить тварей, убивающих детей, на электрический стул!

Он коротко поведал историю сыновей старика, сгоревших на авианосце. Гюрза сжимала и разжимала коготки, Темир-который так и не понял ни слова-молча ждал рядом. Эджи с волнением приблизился к селевинии почти вплотную:

– Помнишь разговор в Жаровне? – спросил он негромко. – Да, я не волшебник, и никому не могу подарить крылья щелчком хвоста. Но сказочное, волшебное совпадение свело вместе меня и Настю спустя двенадцать лет, посреди казахстанской степи, и в самый нужный для звериного народа миг. Такого просто еще не было, никогда прежде люди и зверяне не боролись с несправедливостью вместе. Мы всегда боролись друг с другом. А это путь в пропасть, Гюрза. Никакого спасения на дне такой пропасти нет.

Эджи развел лапками.

– Вы с другом свободны и можете идти, – сказал просто. – Люди изловили вас сетью только потому, что не было возможности объясниться. Теперь вы знаете, зачем они здесь. Знаете, почему я им помогаю. Хотите отомстить мерзавцам, сжигающим города? Хотите, чтобы зверяне могли жить на одной планете с людьми, не боясь просыпаться каждое утро? Я хочу этого сильнее жизни. Ради веры в такое будущее я, беззащитный, сейчас стою перед тобой, швирепая Гюрза. Оставайтесь и помогите, либо уходите, и проститесь с первым и единственным шансом что-либо изменить. Решать тебе, – тихо сказал Эджи, подошел к Гюрзе вплотную и закрыл глаза.

Воительница тяжело дышала, стоя неподвижно. Темир держал ее за лапку. Прошла долгая, полная напряжения минута, прежде чем селевиния, справившись с эмоциями, судорожно выдохнула и рывком отвернулась:

– Мы уходим, – сказала она хрипло.

Эджи поник.

– Счастливого пути...

Гюрза направилась к краю стола, чтобы спрыгнуть на пол, но Темир догнал ее и схватил за плечи:

– О чем вы говорили? – спросил жестко.

– Потом, – процедила селевиния сквозь зубы.

– Нет, сейчас! – следопыт сурово встряхнул подругу. – Под развалинами замуровано семь сотен жизней, забыла?! О чем вы говорили?!

Гюрза смерила Темира тяжелым взглядом.

– Предательскиймыш бормотал, какие его новые хозяева хорошие, и как хотят помогать зверьянам.

Следопыт сильно вздрогнул.

– Переведи ему о замурованных!

Глаза Гюрзы превратились в две тонкие щели.

– Ты... Примешь помощь... От людей и их прихвостней?!.. – спросила она недоверчиво.

– Да хоть от Эшмака, если это спасет жизни! – рявкнул Темир. – Переведи ему!

– Никогда.

Следопыт отступил на шаг и смерил селевинию яростным взглядом.

– Ставишь гордость выше семисот зверьян? – спросил он размеренно. – Пусть лучше они умрут? Что ты скажешь сыну, когда он подрастет и узнает?

Гюрза дернулась вперед, стиснув коготки, но сдержалась в последний миг. Хрипло выругавшись, обернулась к молча следившему за сценой Элджи.

– Под развалинами штольня, где укрылись выжившие, – прорычала селевиния.

– Коли и правда хочешь помочь-заставь людей спасти их. Тогда и посмотрим, какой ты белый и пушистый!

– Я черный и короткошерстный, – отозвался мышонок.

Гюрза сплюнула и спрыгнула со стола. Направилась к пологу, но застыла, услышав голос:

– Постой! – Элджи подбежал к воительнице. – Не уходи, пожалуйста! – он опустился перед ней на одно колено. – Молю, останься хоть ненадолго! Я не знаю местного языка, и почти никто из зверьян не владеет человеческим. Гюрза, ты крайне важна, твоя помощь спасет тысячи жизней! – Элджи с волнением подался вперед. – У людей есть дроны с инфракрасными камерами и искусственным интеллектом, мы запустим их на облет местности и быстро найдем твоего сына. В одиночку тебе потребуются недели, если не месяцы, и все это время Сай будет в опасности! Ну задумайся хоть на миг!

Гюрза молчала целую вечность.

– Я буду жить в заправленной машине, в ста метрах от лагеря, – процедила она наконец сквозь зубы. – Когда найдут Сая, за сыном отправлюсь сама, что б ни одного человека рядом!

– Договорились! – Элджи вскочил. – Спасибо! Даже не знаю, какое спасибо! Теперь мы сможем спасти дегеленскую цивилизацию!

Он запнулся и бросил на Темира смущенный взгляд.

– Гюрза, познакомь нас, пожалуйста.

Воительница натянуто усмехнулась.

– Это Темир, мой старый боевой товарищ... – она перешла на зверолингву: – Темир, знакомься, предательский мыш Элджи.

– Надеюсь, ты позже переведешь состоявшийся разговор... – вполголоса заметил следопыт. Гюрза стиснула зубы.

– Элджи попросил нас остаться на какое-то время, обещав за это спасти замурованных зверян и даже поискать Сая дронами.

– Надеюсь, ты согласилась? – напряженно спросил Темир. Гюрза с силой перевела дух.

– Только пока не найдем сына... – процедила сквозь зубы. Следопыт почесал за ухом:

– Ну хоть что-то... – он взглянул на Элджи и ткнул себя пальцем в грудь: – Темир.

Черный мыш вежливо кивнул:

– Элджи, – представился он. – Идемте, познакомлю с Настей.

Трое зверян, еще не совсем доверяя друг другу, направились к выходу из палатки.

Эпилог

Инга глубоко вдохнула:

– Пожалуйста, спроси орла, может ли он соединить нас напрямую через тебя? Чтобы я слышала его голос, а он мой?

Сай несколько секунд молчал, затем неуверенно кивнул и протянул летунье лапку. Туман попятился:

– Инга?

– Охраняй нас, пока я буду в трансе, – приказала та и, бесстрашно, взяла ладошку Сая крыльевым пальцем.

Мгновенного контакта не последовало, сначала Инга даже решила, что связи нет, однако контуры окружающей степи, силуэт испуганного дварга, ручей и трава, облака и кусты, медленно начинали становиться прозрачными. Из-под них, будто дно пустеющего мутного озера, проступили контуры темного, круглого помещения с очень низким потолком. Массивные серые стены покрывала плесень и влага, свет исходил лишь от тусклой лампы накаливания, висевшей на проводе. Лампа находилась и не в центре комнаты, и не у стены, просто свисала с потолка в случайном месте, и это больше, чем все остальное, поразило Ингу. Откуда-то родилась уверенность: выхода отсюда нет. Совсем.

Чем ярче становилось видение, тем больше деталей замечала летучая мышь. Пол в неведомой тюрьме покрывал толстый слой грязи и нечистот, решетка для слива была забита почти сплошь. Откуда поступал воздух, было неясно-вентиляционных отверстий нигде не виднелось. Чуть в стороне от центра, грубо сваренный из железных профилей толщиной в рельс, под углом возвышался крест, неаккуратно и неровно забетонированный одним концом в пол, другим в потолок. Толстыми, обильно смазанными цепями, к кресту была привязана черная птица.

Инга ясно ощутила, как от ужаса у нее встает дыбом шерсть. Орел оказался совершенно черным, как ворон, но сильно поврежденное и грязное оперение не лоснилось; черными оказались даже лапы и когти. На гордой, красивой голове, вместо глаз, зияли ужасные засохшие раны, в каждую глазницу был воткнут крюк, от которых к стальному кресту тянулись сильно натянутые цепи. Часть клюва с правой стороны казалась деформирована, оба крыла были перебиты и висели на вваренных в крест металлических скобах. Размеры птицы подавляли; с размахом почти в пять человеческих метров, она нависала над крохотной летучей мышкой, будто прикованный Прометей над муравьем.

– Ich weiß, dass du Deutsch sprichst. Du brauchst keine angst vor mir zu haben¹¹, – рокочущим, громовым голосом сказал гигант. Шевельнулся только его клюв, но даже

¹¹ «Я знаю, ты говоришь по-немецки. Тебе не нужно меня бояться» (нем.)

этого хватило, чтобы крюки сильнее впились в глазницы; из ран показалась кровь. Потрясенная Инга невольно накрылась крыльями и сжалась, не в силах видеть ужасную картину.

– Кто ты?! – дрожа, спросила по-немецки.

– Преданный забвению, – ответил орел чуть тише. – Не говори мышонку. Для него, я веселая добрая птичка.

– Что с тобой сде... – Инга задохнулась, но нашла в себе силы продолжить. – Как это случилось?!

– Печальная необходимость, – отозвался орел. – Тот, кто... Это сделал... Рассчитывал со мною покончить, но я бессмертен, и ему пришлось удовлетвориться лишь тем, что ты видишь. За годы... Бесчисленные годы... Вода проникла в мою камеру и образовала с металлом электрическую цепь, позволив телепатии вырваться на волю.

– Годы?! – прошептала несчастная Инга. Орел ответил не сразу.

– Я не вижу тебя, но чувствую ауру, – сказал он после паузы. – Ты владеешь зачатками силы. Слушай внимательно, юное существо, ибо важнее этих слов ты ничего не услышишь.

Кровь из пробитых глазниц уже капала на пол.

– Отправляйтесь в Германию, – сурово сказала распятая птица. – Там, в землях Вестфалии, около города Бюрен, расположен древний замок Вевельсбург. Люди думают, в замке остались только музеи, они не знают об обширных подземельях, скрытых в глубинах и никем до сих пор не обнаруженных.

– Подземелья... – в ужасе прошептала летучая мышь, вспомнив пророчество. Орел не шелохнулся.

– Знай, что там, в секретных катакомбах, группа немецких ученых и оккультистов под руководством основателя «Общества Туле», Рудольфа фон Зеботтендорфа, создала наш народ, – сказал он глухо. – Именно там родились первые звери, обладавшие разумом, и когда их создатели бежали от проигранной войны-новые существа продолжили акт Творения.

– Проект Генезис?! – не веря, спросила Инга.

– Да, – ответила гигантская птица. – Я был одним из них. Первым и наиболее могущественным. Я-тот самый орел Третьего Рейха, Der Reichsadler, чье изображение людишки, жалкие в своем идолопоклонстве, несли на флагах и вымпелах!

Летучая мышь попятилась и едва не упала.

– Что?!

– Меня создали первым, – ответил окровавленный пленник. – Черный орел, символ Рейха, должен был стать величайшим триумфом Анненербе, знаком свыше. Мне было предназначено сидеть на плече фюрера Тысячелетней Империи!

Он чуточку шевельнулся, звякнув цепями. Капли крови показались и на пробивших крылья скобах.

– Там, в катакомбах замка Вевельсбург, хранится машина, найденная фон Зеботтендорфом в горах Тибета. С ее помощью были созданы первые из нас, она же дала начало проекту «Генезис». Найдите вход в подземелья! – выдохнул орел, явно страдая от боли. – Отыщите сокровище! Никто, кроме мышонка, не сможет... – он запнулся, собираясь с силами. Инга трепетала всем телом.

– Ребенок, сделавший нашу встречу возможной, чрезвычайно важен, – глухо, преодолевая боль, выдавил пленник. – Он, единственный на Земле, способен включить машину. Если мышонок погибнет, могут пройти столетия, прежде чем слепая удача позволит родиться другому мутанту с такими способностями. Любой ценой, повторяю, он любой ценой должен выжить!

Инга сглотнула.

– Я... С той же целью летела из Европы... Мы доставим Сая в Институт Генезиса, там защитят... Как тебе помочь?!

– Помоги мышонку, – глухо ответил орел. – Помоги НАЙТИ. В миг, когда он НАЙДЕТ, я обрету право умереть. Ни о чем другом не мечтаю я столь страстно. Прояви милосердие, не заставляй мучаться веками в ожидании следующего шанса!

– Шанса найти что?! – с замиранием сердца спросила трепещущая летунья. Гигантская птица ответила тихо, с глубокой внутренней силой:

– Путь домой.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Содержание

Пролог	1
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	70
Глава 5	83
Глава 6	106
Глава 7	120
Глава 8	135
Глава 9	150
Глава 10	165
Эпилог	182